

С К О Л Л И Е Н
Н Г О У О В В Е Е Р

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ВСЕ ЗАКОНЧИТСЯ НА НАС

«Блестящий
роман Колин Гувер.
Жесткий, честный,
откровенный».

Rockstars of Romance

18+

М О Д Е Р Н L O V E

СКОЛЛИН
И ГОВЕР

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ВСЕ ЗАКОНЧИТСЯ НА НАС

«Блестящий
роман Колин Гувер.
Жесткий, честный,
откровенный».

Rockstars of Romance

18+

MODERN LOVE

Annotation

Иногда тот, кого ты любишь, причиняет тебе сильнейшую боль. Но отношения Лили и Райла слишком хороши, чтобы она задумывалась о таких вещах. Райл напорист и упрям, отлично выглядит и умеет соперничать. Достойный мужчина, которого Лили однажды предпочла своей тайной первой любви, человеку, от которого была без ума. Но когда этот «другой» вновь появляется в ее жизни, Лили вдруг замечает: с каждым днем Райл все больше меняется.

•

Annotation

Иногда тот, кого ты любишь, причиняет тебе сильнейшую боль.

Но отношения Лили и Райла слишком хороши, чтобы она задумывалась о таких вещах.

Райл напорист и упрям, отлично выглядит и умеет соперничать. Достойный мужчина, которого Лили однажды предпочла своей тайной первой любви, человеку, от которого была без ума.

Но когда этот «другой» вновь появляется в ее жизни, Лили вдруг замечает: с каждым днем Райл все больше меняется.

Колин Гувер

Часть первая

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Часть вторая

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Глава 31

Глава 32

Глава 33

Глава 34

Глава 35

От автора

Слова благодарности

notes

1

2

3

4

5

6

7

Колин Гувер

Все закончится на нас

Посвящается моему отцу, который из всех сил старался не показывать самое худшее в себе.

Посвящается моей матери, которая сделала все, чтобы мы не увидели отца в самом худшем его воплощении.

Colleen Hoover

IT ENDS WITH US

Copyright © 2016 by Colleen Hoover Atria Books, a Division of Simon & Schuster, Inc., is the original publisher

Перевод с английского *Ирины Крупичевой*

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть первая

Глава 1

Я сидела на парапете, свесив ноги по обе его стороны и глядя вниз с высоты двенадцатого этажа на улицы Бостона. Я не могла не думать о самоубийстве.

Нет, не о *моем*. Я достаточно люблю собственную жизнь, чтобы у меня появилось желание ее закончить.

Я больше думала о других людях и о том, как они, в конце концов, приходят к решению положить конец собственной жизни. *Сожалеют ли они об этом в конечном итоге?* Когда они уже падают, за секунду до удара о землю, во время этого краткого свободного падения их должно настичь сожаление. Может быть, они смотрят на приближающуюся землю и думают: *«Вот дерьмо. Это была плохая идея»*.

Почему-то мне так не казалось.

Я много думала о смерти. Особенно в этот день, так как незадолго до этого – всего двенадцатью часами ранее – я произнесла самую запоминающуюся надгробную речь, которую доводилось слышать

жителям города Плетора, штат Мэн. Ладно, возможно, она не была самой запоминающейся. Вполне вероятно, что ее сочли самой ужасной. Пожалуй, это зависело от того, кого спросить, мою мать или меня. *Скорее всего, моя мать не собиралась разговаривать со мной в течение целого года после этого.*

Не поймите меня неправильно. Надгробная речь, которую я произнесла, не была настолько глубокой, чтобы войти в историю, как слова Брук Шилдс на похоронах Майкла Джексона. Или как речь сестры Стива Джобса. Или брата Пэта Тиллмана. Но моя речь была запоминающейся по-своему.

Поначалу я нервничала. Ведь это были похороны великолепного Эндрю Блума. Обожаемого мэра моего родного города Плеторы, штат Мэн. Владельца самого успешного агентства по торговле недвижимостью в черте города. Мужа Дженни Блум, самой уважаемой помощницы учителя во всей Плеторе. И отца Лили Блум, странной девушки с непослушными рыжими волосами, которая однажды влюбилась в бездомного и навлекла позор на всю семью.

Это обо мне. Я Лили Блум, и Эндрю был моим отцом.

Как только я закончила произносить надгробную речь, я первым же рейсом вылетела в Бостон и поднялась на первую крышу, которую я смогла найти. *Опять-таки не потому, что я думала о самоубийстве.* Я не собиралась прыгать с этой крыши. Я всего лишь нуждалась в свежем воздухе и тишине. Черт побери, именно этого мне не хватало в моей квартире на третьем этаже, без доступа на крышу и с соседкой, которой нравилось собственное пение.

Но я не рассчитала, что наверху будет так холодно. Не то чтобы невыносимо, но некомфортно. По крайней мере, я видела звезды. Мертвые отцы, невыносимые соседки по квартире и сомнительные надгробные речи не кажутся такими ужасными, если ночное небо достаточно ясное, чтобы ощутить величие вселенной.

Мне нравится, когда небо заставляет меня ощутить себя незначительной.

Мне нравился этот вечер.

Что ж... Позвольте мне выразиться иначе, чтобы вы поняли, что так было до определенного момента.

Вечер мне нравился, пока не...

Пока, к моему огромному сожалению, с грохотом не распахнулась дверь. Мне оставалось только ждать, когда лестничная площадка выплюнет на крышу человека. Дверь с грохотом закрылась, раздались быстрые шаги. Я даже не удосужилась поднять глаза. Кто бы это ни был, он, скорее всего, даже не заметит меня, оседлавшую парапет слева от двери. Человек вышел на крышу в такой спешке, что определенно решит, будто он один. И в этом не было моей вины.

Я тихонько вздохнула, закрыла глаза и прислонилась затылком к оштукатуренной стене позади меня, проклиная вселенную за то, что она украла у меня этот мирный момент самоанализа. Наименьшее, что вселенная могла для меня сделать в этот вечер, это обеспечить, чтобы вошедший оказался женщиной, а не мужчиной. Если мне послали компанию, то пусть она будет женской. Я довольно крепкая и в большинстве ситуаций смогу, вероятно, постоять за себя, но мне было неприятно оказаться на крыше ночью наедине с мужчиной. Я могла испугаться и захотеть уйти, но уходить мне на самом деле не хотелось. Как я уже говорила, мне было довольно хорошо.

Наконец я позволила глазам проделать путь до силуэта, перегнувшегося через парапет. Не повезло. Это определенно был мужчина. Хотя он и перегнулся через парапет, я поняла, что он высокого роста. Широкоплечий мужчина отчаянно сжимал голову руками. Я могла только догадываться, что его спина резко вздымается и опускается в такт тяжелому дыханию, когда он втягивал воздух и с силой выталкивал его обратно.

Казалось, что он вот-вот разрыдается. Я подумала было заговорить или кашлянуть, чтобы дать ему знать, что он не один, но пока я раздумывала, мужчина развернулся и пнул одно из уличных кресел, стоявших позади него.

Я вздрогнула, когда оно со скрежетом проехало по террасе. Мужчина вел себя так, словно не подозревал о моем присутствии. Он не ограничился одним пинком. Раз за разом он колотил ногой по креслу. Вместо того чтобы развалиться под его ударами, кресло отъезжало все дальше и дальше от него.

Это кресло, должно быть, сделано из полимера для судостроения.

Я однажды видела, как мой отец наехал на улице на стол из такого материала, и полимер только что не смеялся над ним. На бампере

машины осталась вмятина, а на столе не было ни царапины.

Мужчина, должно быть, понял, что ему не справиться с таким высококачественным материалом, потому что он наконец перестал пинать кресло. Он встал над ним, опустив руки и сжав пальцы в кулаки. Честно говоря, я ему немного завидовала. Он просто взял и выплеснул агрессию на уличную мебель, как чемпион. У него явно выдался отвратительный день, как и у меня, но, если я сдерживаю агрессию, пока она не проявится в пассивно-агрессивной форме, этот парень реально дал ей выход.

Моим выходом из стресса было садоводство. Я просто выходила на задний двор и вырывала все сорняки, которые только могла обнаружить. Но после того как два года назад я переехала в Бостон, у меня больше не было заднего двора. Или патио. У меня даже сорняков не было.

Возможно, мне стоило вложиться в кресло для патио из полимера для судостроения.

Я еще немного посмотрела на парня, гадая, собирается ли он что-то предпринять. Но он просто стоял, уставившись на кресло. Его кулаки разжались. Руки уперлись в бедра, и я впервые заметила, что рубашка явно маловата ему в бицепсах. Во всем остальном она сидела нормально, но руки у него были очень мощными. Парень принялся рыться в карманах, нашел то, что искал, и – я уверена, в попытке справиться с оставшейся агрессией – закурил косяк.

Мне двадцать три года, я училась в колледже и пару раз точно так же выпускала пар с помощью косячка. Я не собиралась судить этого парня за желание покурить траву в одиночестве. Вот только он не был в одиночестве. Он просто пока еще об этом не знал.

Он сделал длинную затяжку и начал было поворачиваться обратно к парапету. Выпуская дым, он заметил меня. Как только наши глаза встретились, он остановился. При виде меня на его лице не появилось ни шока, ни удивления. Между нами было футов десять, но звезды светили достаточно ярко, и я могла видеть его взгляд, медленно двигавшийся по моему телу, не выдавая ни единой мысли. Этот парень умел держать лицо. Его глаза сузились, губы крепко сжались. Этаким мужской вариант Моны Лизы.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Его голос я ощутила где-то глубоко в животе. Это было плохо. Голосам следует останавливаться в ушах, но иногда – очень редко, честно говоря, – голос проникает дальше и отдается во всем моем теле. У него оказался один из таких голосов. Глубокий, уверенный, немного похожий на сливочное масло.

Я не ответила, и он снова затянулся.

– Лили, – наконец произнесла я и возненавидела собственный голос. Он прозвучал слишком тихо, чтобы незнакомец его услышал, не говоря уже о том, чтобы зазвучать у него в животе.

Парень чуть приподнял голову и слегка качнул ею в мою сторону.

– Не могла бы ты слезть оттуда, Лили? Пожалуйста.

Только после этих слов я заметила его позу. Он стоял очень прямо, почти застыл. Как будто он испугался, что я вот-вот упаду. *Ничего подобного*. Парапет был по крайней мере в фут шириной, да и сидела я ближе к внутреннему краю. Я бы успела уцепиться, да и ветер дул не со стороны крыши, а со стороны улицы.

Я посмотрела вниз на свои ноги, потом снова взглянула на него.

– Нет, спасибо. Мне здесь неплохо.

Он чуть повернулся, как будто не мог смотреть прямо на меня.

– Пожалуйста, слезай. – Это было уже больше похоже на приказ, несмотря на слово «пожалуйста». – Здесь семь свободных кресел.

– Уже почти шесть, – поправила я его, напоминая, что он только что едва не раздолбил одно из них. Мой ответ его не рассмешил. В ответ на мое неподчинение он подошел на пару шагов ближе.

– Ты всего в трех дюймах от того, чтобы упасть и разбиться насмерть. Хватит с меня такого на сегодня. – Он жестом снова пригласил меня слезть. – Ты заставляешь меня нервничать. И к тому же ломаешь мне кайф.

Я округлила глаза и перекинула левую ногу через парапет.

– Нельзя впустую потратить косячок. – Я спрыгнула и вытерла руки о джинсы. – Так лучше? – поинтересовалась я, направляясь к нему.

Он с шумом выдохнул, как будто он на самом деле затаил дыхание, видя меня на парапете. Я прошла мимо него, направляясь к той части крыши, откуда открывался лучший вид. По дороге я не смогла не заметить, насколько он симпатичный. К несчастью.

Нет. Прилагательное «симпатичный» было оскорблением.

Парень был *красив*. Ухоженный, дорого пахнувший, на вид старше меня на несколько лет. Он прищурился, следя за мной, а его губы как будто сжались, хотя это было не так. Когда я дошла до той части крыши, откуда открывался вид на улицу, я оперлась на парапет и стала смотреть на машины внизу, стараясь делать вид, что он не произвел на меня впечатления. По одной только его стрижке я могла сказать, что он из тех, кто производит сильное впечатление на людей, а я не желала тешить его «я». Хотя он ничего такого не сделал, чтобы я могла подумать, будто он этого от меня ждет. Но на нем была повседневная рубашка от Burberry, а я точно знала, что ни разу не удостоилась внимания никого, кому она была бы по карману.

Я услышала шаги у себя за спиной, и через секунду он оперся о парапет рядом со мной. Уголкем глаза я наблюдала, как он затягивается травкой еще раз. Потом он предложил косячок мне, но я жестом отказалась. Мне только не хватало оказаться под действием травы в присутствии этого парня. Его голос уже сам по себе был наркотиком. Мне захотелось снова его услышать, поэтому я задала ему вопрос:

– Так чем тебя настолько разозлило это кресло?

Он посмотрел на меня. Типа *по-настоящему* посмотрел на меня. Наши глаза встретились, и он просто смотрел на меня тяжелым взглядом, как будто все мои секреты были написаны у меня на лице. Никогда я не видела таких темных глаз, как у него. Может быть, и видела, но они казались еще темнее из-за того, что принадлежали такому наводящему страх мужчине. Он не ответил на мой вопрос, но мое любопытство требовало удовлетворения. Раз уж он заставил меня спуститься с уютного и комфортного парапета, то пусть и развлекает меня ответами на мои вопросы.

– Это из-за женщины? – поинтересовалась я. – Она разбила тебе сердце?

Он легко хохотнул, услышав этот вопрос.

– Если бы только мои проблемы были такими тривиальными, как разбитое сердце. – Он повернулся так, чтобы смотреть меня. – На каком этаже ты живешь? – Облизав пальцы, он сжал кончик косяка, загасил его и убрал в карман. – Я тебя никогда раньше не видел.

– Это потому, что я здесь не живу. – Я вытянула руку в сторону моего дома. – Видишь вон то здание страховой компании?

Он прищурился, вглядываясь в даль.

– Ага.

– Я живу в доме рядом. Он слишком маленький, поэтому его отсюда не видно. В нем всего три этажа.

Он снова повернулся ко мне, опершись локтем о парапет.

– Если ты живешь там, то почему ты здесь? Твой бойфренд здесь живет или кто-то еще?

Его комментарий почему-то заставил меня почувствовать себя дешевкой. Это было слишком легко, этаким любительским съем. По виду парня было ясно, что он способен на большее. Мне пришло в голову, что более искусные приемы пикапа он использует с женщинами, которых сочтет достойными этого.

– У вас тут красивая крыша, – оценила я.

Он поднял бровь, ожидая от меня более подробных объяснений.

– Мне захотелось свежего воздуха. Нужно было найти место, чтобы подумать. Я заглянула в Google Earth и нашла ближайшее жилое здание с достойным патио на крыше.

Парень посмотрел на меня с улыбкой.

– По крайней мере, ты экономна. Это хорошее качество.

По крайней мере?

Я кивнула, потому что *действительно* была экономной. И это *действительно* хорошее качество.

– Почему тебе потребовался свежий воздух? – спросил он.

Потому что сегодня я похоронила отца и произнесла эпически катастрофическую надгробную речь, и у меня появилось такое чувство, будто я не могла дышать.

Я посмотрела перед собой и медленно выдохнула.

– Мы могли бы просто помолчать немного?

Мне показалось, что он испытал облегчение, когда я попросила о тишине. Он перегнулся через парапет и опустил одну руку, уставившись вниз на улицу. Он оставался в таком положении некоторое время, и все это время я не сводила с него глаз. Вероятно, он знал об этом, но ему явно было все равно.

– В прошлом месяце с этой крыши упал парень, – сказал он.

Я могла бы обидеться из-за того, что он проигнорировал мою просьбу о тишине, но я была заинтригована.

– Несчастный случай?

Он пожал плечами:

– Никто не знает. Это произошло поздно вечером. Его жена готовила ужин, а он сказал ей, что поднимется сюда, чтобы сделать несколько снимков заката. Он был фотографом. Полиция считает, что он слишком сильно перегнулся через парапет, чтобы снять панораму города, и соскользнул вниз.

Я посмотрела на парапет, гадая, как кто-то мог намеренно оказаться в такой ситуации, чтобы случайно упасть. Но потом вспомнила, как сама только что сидела на парапете.

– Когда сестра рассказала мне о том, что случилось, я мог думать только об одном: успел ли он сделать снимок. Я надеялся, что фотоаппарат не упал вместе с ним, потому что это была бы настоящая потеря, понимаешь? Умереть из-за любви к фотографии, но так и не сделать последний снимок, который стоил тебе жизни...

Я рассмеялась, хотя я не была уверена, что мне следовало над этим смеяться.

– Ты всегда говоришь то, что думаешь?

Он пожал плечами:

– Большинству людей – нет.

Я улыбнулась. Мне понравилось, что, не зная меня, он все же по какой-то причине не включил меня в это *большинство*.

Он прислонился спиной к парапету и сложил руки на груди.

– Ты здесь родилась?

Я покачала головой:

– Нет, я переехала сюда из Мэна, когда окончила колледж.

Он сморщил нос, и это было очень сексуально. Я видела перед собой парня с двухсотдолларовой стрижкой, одетого в рубашку от Burberry, который корчил рожи.

– Значит, ты оказалась в чистилище Бостона, так? Здесь не слишком-то приятно.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я.

Уголки его губ дрогнули в улыбке.

– Туристы обращаются с тобой как с местной, а местные как с туристкой.

Я рассмеялась:

– Вау! Очень точное описание.

– Я здесь всего два месяца. Я еще и до чистилища не добрался, поэтому твои дела получше, чем у меня.

– Что привело тебя в Бостон?

– Ординатура. И моя сестра здесь живет. – Он постучал ногой о пол. – Прямо под нами, на самом деле. Она замужем за бостонским технарем, и они купили весь верхний этаж.

Я посмотрела вниз.

– *Весь* верхний этаж?

Он кивнул.

– Этот счастливчик работает из дома. Ему даже не нужно вылезать из пижамы, а он зарабатывает сумму с семью нулями каждый год.

В самом деле, счастливчик.

– А что за ординатура? Ты врач?

Он снова кивнул:

– Нейрохирург. Мне осталось меньше года ординатуры, и потом я стану настоящим врачом.

Стильный, умеет говорить, умный. И курит *травку*. Если этот вопрос не напрашивался сам собой, то мне бы осталось только гадать, какой напрашивался.

– Разве врачам можно курить траву?

Он фыркнул:

– Вероятно, нет. Но если бы мы время от времени не доставляли себе это удовольствие, то многие из нас перешагнули бы через этот парапет, можешь мне поверить. – Он закрыл глаза, как будто наслаждаясь ветром, обдувавшим ему лицо, и снова посмотрел перед собой. Он уже не выглядел таким устрашающим.

– Хочешь узнать кое-что, известное только местным?

– Разумеется, – откликнулся он, снова глядя на – меня.

Я указала на восток.

– Видишь это строение? С зеленой крышей?

Он кивнул.

– За ним на Мелчер-стрит есть здание, на крыше которого стоит дом. Все по закону, просто дом построен на крыше. С улицы этого не видно, и здание настолько высокое, что многие люди даже не знают об этом доме.

Он явно был впечатлен.

– Правда?

Я кивнула:

– Я видела дом, когда рыскала в Google Earth, поэтому прочла о нем. Судя по всему, разрешение на строительство было выдано в 1982 году. Как такое возможно? Каково это, жить в доме на крыше здания?

– Вся крыша в твоём распоряжении.

Об этом я не подумала. Если бы у меня был такой дом, я бы посадила на крыше сад. И мне было бы где выпустить пар.

– Кто там живет? – спросил он.

– Никто не знает. Это одна из самых больших загадок Бостона.

Он рассмеялся и внимательно посмотрел на меня:

– Есть еще какая-нибудь большая загадка Бостона?

– Твое имя. – Как только я это произнесла, я тут же мысленно шлепнула себя ладонью по лбу. Это прозвучало как заигрывание. Мне оставалось только посмеяться над собой.

Он улыбнулся:

– Меня зовут Райл. Райл Кинкейд.

Я вздохнула, впитывая его имя.

– Замечательное имя.

– Почему ты говоришь это с такой грустью?

– Потому что я отдала бы что угодно за красивое имя.

– Тебе не нравится имя Лили? ^[1]

Я наклонила голову к плечу и выгнула одну бровь.

– Моя фамилия... Блум ^[2].

Он молчал. Я видела, как на его лице появляется сочувствие.

– Знаю-знаю. Это ужасно. Это имя для двухлетней девочки, а не для двадцатитрехлетней женщины.

– У двухлетней девочки останется то же имя в любом возрасте. Мы из своих имен не вырастаем, Лили Блум.

– К несчастью для меня, – сказала я. – А моя любовь к садоводству только усугубляет ситуацию. Я люблю цветы. Растения. Люблю что-то выращивать. Это моя страсть. Я всегда мечтала открыть цветочный магазин, но я боюсь, что, если это сделаю, люди не сочтут мое желание искренним. Они решат, что я пытаюсь капитализировать мое имя и работа флористом вовсе не работа моей мечты.

– Может быть, и так, но какое это имеет значение?

– Полагаю, никакого. – Я поймала себя на том, что шепотом произношу «Магазин Лили Блум», и заметила, что он улыбается. – На самом деле это замечательное имя для флориста. Но у меня диплом по бизнесу. Это будет шаг вниз, ты так не считаешь? Я работаю на самую крупную маркетинговую фирму в Бостоне.

– Иметь собственный бизнес – это ни в коем случае не шаг вниз, – сказал он.

Я подняла бровь.

– Если только он не разорится.

Он кивнул в знак согласия.

– Если только он не разорится. А второе имя у тебя какое, Лили Блум?

Я застонала, и он вскинул голову.

– Хочешь сказать, что будет еще хуже?

Я уронила голову на руки и кивнула.

– Роза?

Я покачала головой:

– Хуже.

– Вайолет?

– Если бы. – Я поморщилась и пробормотала: – *Блоссом* [3].

Он отреагировал не сразу.

– Черт подери! – негромко произнес он.

– Ага. Блоссом – это девичья фамилия моей матери, и мои родители решили, что это судьба, раз их фамилии схожи. Поэтому, когда родилась я, название цветка первым пришло им на ум.

– Твои родители, должно быть, настоящие чудачки.

Один из них. *Был*.

– Мой отец умер на этой неделе.

Райл посмотрел на меня:

– Отличный ход. Я на это не куплюсь.

– Я говорю серьезно. Поэтому я сегодня сюда и пришла. Думаю, мне просто нужно было.

Он с подозрением смотрел на меня какое-то время, чтобы убедиться, что я его не разыгрываю. Он не извинился за свои слова. Вместо этого в его глазах появилось чуть больше любопытства, как будто он мне поверил.

– Вы были близки?

Это сложный вопрос. Я опустила подбородок на руки и снова посмотрела вниз на улицу.

– Не знаю, – ответила я, пожав плечами. – Как дочь я его любила. Но как человек я его ненавидела.

Я чувствовала, что он какое-то время смотрел на меня, а потом сказал:

– Мне нравится твоя честность.

Ему нравится моя честность. Я наверняка покраснела.

Мы оба молчали, пока он не заговорил:

– Тебе когда-нибудь хотелось, чтобы люди были более прозрачными?

– Это как?

Райл поддел большим пальцем кусочек отслоившейся штукатурки, потянул, пока она не отвалилась, и бросил вниз.

– У меня такое чувство, будто все притворяются не такими, какие есть на самом деле, хотя в глубине души мы все одинаково облажались. Некоторым из нас просто удается это скрывать лучше, чем другим.

Либо он уже был под кайфом, либо любил заниматься самокопанием. В любом случае меня это устраивало. Больше всего я любила разговоры, в которых не было настоящих ответов.

– Не думаю, что скрывать свои чувства – это плохо, – сказала я. – Голая правда не всегда красива.

Его взгляд задержался на мне.

– *Голая правда,* – повторил Райл. – Мне это нравится. – Он развернулся, ушел на середину крыши, отрегулировал спинку одного из шезлонгов у меня за спиной и устроился в нем. Он вытянулся во весь рост, заложил руки за голову и посмотрел вверх на небо. Я заняла соседний шезлонг и долго возилась с ним, пока не смогла лежать в той же позе, что и Райл.

– Скажи мне голую правду, Лили.

– О чем именно?

Он пожал плечами:

– Не знаю. О чем-то таком, чем ты не гордишься. Что поможет мне в душе почувствовать себя чуть меньшим лузером.

Он смотрел в небо, дожидаясь моего ответа. Мои глаза пробежались по линии его челюсти, по изгибу щек, по контуру губ.

Его брови задумчиво сошлись на переносице. Я не понимала почему, но, казалось, что ему был нужен этот разговор. Я подумала о его вопросе и попробовала найти честный ответ. Когда я его нашла, я отвернулась от него и тоже уставилась в небо.

– Мой отец бил мою мать. Меня – нет. Но когда они ссорились, он настолько выходил из себя, что поднимал на нее руку. Когда это случалось, всю следующую неделю, а иногда и две, он старался это компенсировать. Он приносил маме цветы или водил нас обеих в ресторан. Иногда он покупал мне что-нибудь, потому что знал, как я ненавидела их ссоры. Ребенком я ждала, когда они поссорятся. Ведь я знала, что если он ее ударит, то следующие две недели будут замечательными. – Я помолчала. Не думаю, что я признавалась в этом даже самой себе. – Разумеется, если бы я могла, то сделала бы так, чтобы он никогда ее не бил. Но в их браке побои были неизбежны, и это стало для нас нормой. Когда я подросла, я поняла, что, не реагируя на это, я становлюсь такой же виноватой. Большую часть моей жизни я ненавидела отца за то, что он такой плохой человек, но я не уверена на сто процентов, что я лучше его. Возможно, мы оба плохие люди.

Райл задумчиво посмотрел на меня.

– Лили, – многозначительно произнес он, – плохих людей не существует. Мы просто люди, которые иногда поступают плохо.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но его слова заставили меня замолчать. *Мы просто люди, которые иногда поступают плохо.* Наверное, это в каком-то смысле было правдой. Не существует абсолютно плохих людей, как нет и абсолютно хороших. Некоторым из нас просто приходится больше потрудиться, чтобы подавить это плохое.

– Теперь твоя очередь, – напомнила я ему.

По его реакции я поняла, что ему не слишком-то хочется играть в свою же игру. Райл тяжело вздохнул и провел рукой по волосам. Он открыл рот, собираясь заговорить, но тут же закрыл его. Немного подумав, он наконец произнес:

– Сегодня вечером я видел, как умер маленький мальчик. – Его голос звучал уныло. – Ему было всего пять лет. Они с братом нашли ружье в родительской спальне. Младший брат схватил его и случайно нажал на спусковой крючок.

У меня сжалось сердце. Пожалуй, для меня это было слишком тяжелой правдой.

– К тому времени, когда малыш оказался на операционном столе, уже почти ничего нельзя было сделать. Всем вокруг – сестрам, другим врачам – было жалко семью. «*Бедные родители*», – говорили они. Но когда мне пришлось выйти в зал ожидания и сообщить этим родителям, что их ребенок не выжил, мне ни капельки не было их жаль. Мне хотелось, чтобы они страдали. Мне хотелось, чтобы они почувствовали всю тяжесть своего преступления: ведь они оставили заряженное ружье в доступном для детей месте. Мне хотелось, чтобы они знали, что они не только потеряли одного ребенка, но и разрушили жизнь другого, того, кто случайно нажал на спусковой крючок.

Господи Иисусе. Я не была готова к такому тяжелому рассказу.

Я не могла даже представить, как семья сможет с этим справиться.

– Бедный младший брат, – сказала я. – Не могу представить, как на нем скажется то, что произошло.

Райл щелчком сбросил что-то с колена.

– Это разрушит его жизнь, вот что случится.

Я повернулась на бок, чтобы видеть его, и подперла рукой голову.

– Это тяжело? Видеть подобное каждый день?

Он едва заметно покачал головой:

– Раньше было намного тяжелее, но чем чаще я сталкиваюсь со смертью, тем больше это становится частью жизни. Не могу сказать наверняка, как я к этому отношусь. – Райл снова встретился со мной взглядом. – Расскажи мне еще что-нибудь, – попросил он. – У меня такое ощущение, что моя история оказалась куда более жесткой, чем твоя.

Я не была с ним согласна, но все же рассказала о своем ужасном поступке, который я совершила всего каких-то двенадцать часов назад.

– Два дня назад мать спросила меня, буду ли я произносить надгробную речь на похоронах отца. Я ответила, что мне бы этого не хотелось, что я могу разрыдаться и мне будет трудно говорить перед толпой. Но это была ложь. Мне просто не хотелось этого делать, потому что, по моим ощущениям, надгробную речь должны произносить только те, кто уважал покойного. А я не испытывала уважения к отцу.

– Ты произнесла ее?

Я кивнула:

– Ага. Сегодня утром. – Я села и подобрала под себя ноги, продолжая смотреть на него. – Хочешь ее услышать?

Райл улыбнулся:

– Обязательно.

Я сложила руки на коленях и сделала глубокий вдох.

– Я понятия не имела, что говорить. Примерно за час до похорон я сказала матери, что не хочу ничего говорить у гроба. Она ответила, что это просто и что мой отец хотел бы, чтобы я это сделала. По ее словам, мне нужно было всего лишь подняться на возвышение и сказать пять хороших вещей о моем отце. Ну... именно это я и сделала.

Райл приподнялся на локте, явно заинтересованный. По выражению моего лица он догадался, что дальше будет хуже.

– О нет, Лили! Что ты сделала?

– Вот что. Позволь мне продемонстрировать тебе. – Я встала, обошла свое кресло, выпрямилась. Я вела себя так, будто стою перед полным залом, как это было утром. Я откашлялась.

– Здравствуйте. Меня зовут Лили Блум, я дочь покойного Эндрю Блума. Благодарю вас всех за то, что вы присоединились к нам сегодня, когда мы оплакиваем нашу потерю. Мне бы хотелось почтить память моего отца, рассказав вам пять хороших вещей о нем. Первое...

Я посмотрела на Райла и пожала плечами:

– Вот и все.

Он сел.

– То есть как все?

Я снова улеглась на свой шезлонг.

– Я стояла добрых две минуты, не говоря больше ни слова. Я не могла сказать ничего хорошего о моем отце, поэтому я просто молча стояла перед толпой, пока моя мать не поняла, что я делаю, и не послала моего дядю, чтобы тот увел меня.

Райл покачал головой:

– Ты шутишь? Ты произнесла *такую* надгробную речь на похоронах твоего отца?

Я кивнула:

– Я этим не горжусь. Тут нечем гордиться. Я хочу сказать, что если бы он был не таким плохим человеком, то я бы стояла там и говорила о нем целый час.

Райл улегся обратно.

– Вау, – протянул он, качая головой. – Ты типа моя героиня. Ты только что поджарила мертвого парня.

– Это мерзко.

– Ну... да. Голая правда причиняет боль.

Я рассмеялась.

– Твоя очередь.

– Твою историю мне не переплюнуть, – сказал он.

– Уверена, ты сможешь меня догнать.

– Не думаю.

Я округлила глаза.

– Ты можешь. Не заставляй меня чувствовать себя худшим человеком из нас двоих. Поделись со мной своей самой свежей мыслью, которую большинство людей не произнесли бы вслух.

Райл заложил руки за голову и посмотрел мне прямо в глаза:

– Я хочу тебя трахнуть.

У меня приоткрылся рот. Но я снова его захлопнула.

Я почти лишилась дара речи.

Он бросил на меня невинный взгляд

– Ты просила поделиться самой свежей мыслью, вот я поделился.

Ты красивая. Я парень. Если бы ты была из тех девушек, что на одну ночь, я бы отвел тебя вниз, в мою спальню, и трахнул бы тебя.

Я не могла даже смотреть на него. После его заявления на меня сразу нахлынуло множество чувств.

– Что ж, я не из числа девушек на одну ночь.

– Я это понял. Теперь твоя очередь.

Райл был таким беспечным, он вел себя так, будто только что не лишил меня дара речи.

– После такого мне нужно время, чтобы собраться с мыслями, – со смехом сказала я и попыталась вспомнить что-то наименее шокирующее, но я никак не могла отделаться от мысли о том, что он мне только что сказал. Возможно, из-за того, что он был нейрохирургом, мне даже в голову не приходило, что такой образованный человек может с легкостью употреблять слово «трахнуть».

Я собралась с духом... и начала:

– Ладно. Раз уж мы об этом заговорили... Первым парнем, с которым я занималась сексом, был бездомный.

Он вскинул голову и посмотрел на меня.

– О, эту историю я хотел бы услышать в подробностях.

Я вытянула руку и опустила на нее голову.

– Я выросла в Мэне. Мы жили в очень достойном районе, но улица позади нашего дома была не в лучшем состоянии. Наш задний двор упирался в заброшенный дом, рядом с которым было два запущенных участка. Никто, кроме меня, не знал, что он там живет. Я носила ему еду, одежду и всякие мелочи. Пока отец это не обнаружил.

– И что же он сделал?

Я стиснула зубы. Зачем только я заговорила о том, о чем я все еще заставляла себя не думать каждый день?

– Он избил его. – Это было максимально откровенно.

– Твоя очередь.

Райл молча смотрел на меня некоторое время, как будто знал, что это не вся история. Но потом он отвел глаза.

– Меня отталкивает мысль о женитьбе, – заговорил он. – Мне почти тридцать, но у меня нет ни малейшего желания обзавестись женой. И *особенно* я не хочу детей. Единственное, чего я хочу от жизни, это успех. Большой успех. Но если я открыто признаюсь в этом, то это прозвучит высокомерно.

– Профессиональный успех? Или положение в обществе?

– И то и другое, – ответил Райл. – Любой может иметь детей. Любой может жениться. Но не каждый может стать нейрохирургом. И я этим очень горжусь. Я не просто хочу стать отличным нейрохирургом. Я хочу стать лучшим в этой области.

– Ты прав, это звучит высокомерно.

Он улыбнулся:

– Моя мать боится, что я трачу жизнь впустую. Потому что занят только работой.

– Ты нейрохирург, и твоя мать тобой *разочарована*? – Я засмеялась. – Боже. Невероятно. Бывают ли родители довольны своими детьми? Бывают ли дети достаточно хороши для них?

Райл покачал головой:

– Мои дети не будут мной довольны. Немногие так увлечены работой, поэтому им со мной не повезет. У меня их никогда и не будет.

– Думаю, тебя можно за это уважать, Райл. Многие люди отказываются признавать, что они слишком эгоистичны, чтобы иметь детей.

Он покачал головой:

– О, я слишком эгоистичен, чтобы иметь детей. И я определенно слишком эгоистичен, чтобы находиться в отношениях.

– И как же ты этого избегаешь? Просто ни с кем не встречаешься?

Он посмотрел мне в глаза, и на его лице появилась легкая усмешка.

– Когда у меня есть время, находятся девушки, которые удовлетворяют мои потребности. В этом отношении у меня все в порядке, если ты спрашиваешь об этом. Но любовь меня никогда не привлекала. Это всегда было для меня в большей степени обузой, чем чем-то еще.

Хотелось бы мне так же относиться к любви. Моя жизнь была бы куда легче.

– Завидую тебе. А я все еще думаю, что где-то есть для меня идеальный мужчина. Обычно я быстро разочаровываюсь, так как никто не соответствует моим стандартам. У меня такое чувство, будто я в бесконечных поисках святого Грааля.

– Тебе следовало бы испробовать мой метод, – сказал Райл.

– Какой же?

– Свидания на одну ночь. – Он поднял бровь, как будто приглашая попробовать.

Я была рада темноте, потому что мое лицо пылало.

– Я бы не смогла ни с кем переспать, если бы знала, что продолжения не будет. – Я произнесла это вслух, но моим словам, обращенным к нему, недоставало убежденности.

Райл медленно выдохнул и перекатился на спину.

– Ты не из таких девушек, не так ли? – В его голосе сквозило разочарование.

Я тоже была разочарована. Пожалуй, я бы даже не стала давать ему от ворот поворот, если бы он что-то предпринял, но я только что ликвидировала такую возможность.

– Если бы ты не стала *спать* с тем, с кем только что познакомилась... – Он снова встретился со мной взглядом. – Как далеко ты смогла бы зайти?

На этот вопрос у меня не было ответа. Я легла на спину: то, как он смотрел на меня, заставляло меня передумать насчет свиданий на одну ночь. Не то чтобы я реально была против них, мне просто никогда не предлагал этого мужчина, с которым я была бы готова на это пойти.

До этого момента. Но действительно ли он мне это предлагал? Я никогда не умела флиртовать.

Райл протянул руку, ухватился за край моего шезлонга и одним быстрым движением, с минимальным усилием, придвинул мой шезлонг к своему, пока они не стукнулись друг о друга.

Мое тело застыло. Он был так близко ко мне, что я чувствовала тепло его дыхания в холодном воздухе. Если бы мне нужно было взглянуть на него, то его лицо оказалось бы всего в нескольких дюймах от моего. Я отказывалась на него смотреть, потому что он наверняка собирался поцеловать меня, а я о нем ничего не знала, если не считать парочки голых правд. Но когда он положил свою тяжелую руку мне на живот, я не испытала угрызений совести.

– Как далеко ты могла бы зайти, Лили? – Его голос звучал возбуждающе мягко, пронизывая меня до кончиков пальцев ног.

– Не знаю, – прошептала я.

Его пальцы поползли к краю моей рубашки, медленно приподняли его, пока не показался живот.

– Боже... – выдохнула я, чувствуя тепло его руки на своем животе.

Вопреки собственному благоразумию я снова посмотрела ему в лицо, и выражение его глаз заворожило меня. В них были и надежда, и голод, и абсолютная уверенность. Райл закусил нижнюю губу, когда его рука начала пробираться выше под моей рубашкой. Я знала, что он чувствует бешеное биение моего сердца. Черт, он наверняка это слышал.

– Это не слишком далеко? – спросил он.

Не знаю, откуда это во мне взялось, но я покачала головой и ответила:

– Вовсе нет.

Райл усмехнулся, его пальцы коснулись моего бюстгалтера, щекоча кожу, которая внезапно покрылась мурашками.

Мои веки опустились, и в этот момент раздался пронзительный звонок. Рука Райла застыла, когда мы оба поняли, что это звонил телефон. *Его телефон.*

Он уткнулся лбом в мое плечо.

– Проклятье.

Я нахмурилась, когда его рука выскользнула из-под моей рубашки. Райл вытащил телефон из кармана, встал и отошел на несколько футов, чтобы ответить на звонок.

– Доктор Кинкейд слушает, – сказал он и застыл, обхватив рукой шею сзади. – А где Робертс? Я не должен сейчас отвечать на звонки. – Снова молчание. – Ладно, дайте мне десять минут. Я уже еду.

Он закончил разговор, сунул телефон обратно в карман и повернулся ко мне. Вид у него был несколько разочарованный. Он указал на дверь, ведущую на лестницу.

– Я должен...

Я кивнула.

– Все в порядке.

Райл посмотрел на меня, потом поднял руку.

– Не двигайся, – попросил он и снова потянулся за телефоном. Он подошел чуть ближе и поднял телефон выше, как будто собираясь сфотографировать меня. Я хотела запротестовать, даже не зная почему. Я была полностью одета, просто по какой-то причине мне это показалось неправильным.

Райл сфотографировал меня лежащей на уличном шезлонге с расслабленно закинутыми за голову руками. Я понятия не имела, что он намерен сделать с этим снимком, но я была рада, что он его сделал. Мне понравилось, что ему захотелось запомнить меня, хотя он и знал, что больше никогда меня не увидит.

Райл несколько секунд смотрел на экран, потом улыбнулся. Я едва не сфотографировала его в ответ, но я сомневалась, что мне захочется иметь напоминание о человеке, которого я больше никогда не увижу. И от этой мысли мне стало немного грустно.

– Приятно было познакомиться с тобой, Лили Блум. Надеюсь, ты бросишь вызов несостоятельности многих иллюзий и осуществишь свои мечты.

Я улыбнулась, в равной степени опечаленная и сбитая с толку этим парнем. Пожалуй, я раньше ни с кем подобным ему время не проводила, ни с кем, с настолько иным стилем жизни и совершенно другим уровнем доходов. И, вероятно, никогда больше не проведу. Но меня приятно удивило то, что мы оказались не такими уж разными.

Неправильное представление подтверждено.

В позе Райла сквозила неуверенность, пока он разглядывал пол у себя под ногами. Как будто он завис между желанием сказать мне что-то еще и необходимостью уйти. Он бросил на меня последний взгляд, и на этот раз в его лице не было прежней невозмутимости. Его губы выдавали разочарование, но он развернулся, пошел к двери и открыл ее. Я услышала стихающий звук его шагов, когда он побежал вниз по лестнице. Я снова осталась одна на крыше, но почему-то меня это больше не радовало.

Глава 2

Люси, та самая соседка по квартире, которая любила громко петь, металась по гостиной, собирая ключи, обувь, солнечные очки. Я сидела на диване со старыми обувными коробками, набитыми вещами из тех времен, когда я жила дома. Я схватила их, когда приезжала домой на похороны отца на этой неделе.

– Ты сегодня работаешь? – спросила Люси.

– Не-а. У меня отпуск до понедельника из-за траура.

Она прекратила бегать.

– До понедельника? – Она фыркнула. – Везучая – сучка.

– Да, Люси. Мне *так* повезло, что мой отец умер. – Я произнесла это с сарказмом, но поморщилась, поняв, что сарказма было не слишком много.

– Ты поняла, о чем я, – пробормотала она, схватила сумочку, балансируя на одной ноге и пытаясь надеть туфлю на другую. – Я сегодня ночевать не приду. Останусь у Алекса. – За ней захлопнулась дверь.

На первый взгляд у нас с ней было немало общего, но если не считать одинакового размера одежды, одного возраста и имен из четырех букв, начинающихся на «Л» и заканчивающихся на «И», то больше не было ничего, что могло бы сделать нас чем-то большим, чем просто соседки по квартире. Меня это вполне устраивало. Если не считать непрерывного пения Люси, ее вполне можно было выносить. Она была чистюлей и дома бывала нечасто. Для соседки по квартире это самые главные качества.

Я снимала крышку с одной из обувных коробок, когда мой телефон зазвонил. Я потянулась, схватила его и увидела, что это

звонила мать. Я уткнулась лицом в подушку, изобразила рыдания и поднесла телефон к уху.

– Алло?

После трех секунд молчания я услышала ее голос:

– Здравствуй, Лили.

Я вздохнула и выпрямилась на диване.

– Привет, мам. – Я была искренне удивлена тем, что она разговаривает со мной. После похорон прошел всего день. Я ожидала услышать ее только через 364 дня.

– Как ты? – спросила я.

Она театрально вздохнула.

– Отлично, – сказала она. – Твои тетя и дядя вернулись в Небраску сегодня утром. Это будет моя первая ночь в одиночестве после...

– С тобой все будет в порядке, мама. – Я старалась говорить уверенно.

Она слишком долго молчала, потом произнесла:

– Лили, я просто хочу, чтобы ты знала, что тебе незачем переживать из-за того, что случилось вчера.

Я молчала. *Я не переживала. Ни капельки.*

– Каждый может сорваться. Мне не следовало давить на тебя, зная, что тебе и без этого тяжело. Лучше бы речь произнес твой дядя.

Я закрыла глаза. *Начинается.* Она просто закрывала глаза на то, что не хотела видеть. Брала на себя вину, причем чужую. *Разумеется,* она убедила себя, что на похоронах я просто не смогла говорить, поэтому молчала. *Конечно же, она это сделала.* Я едва не сказала ей, что это не было ошибкой. Я могла говорить, просто мне нечего было сказать хорошего о ничем не примечательном мужчине, которого она выбрала мне в отцы.

Но я все же чувствовала себя виноватой из-за того, что сделала. И уж тем более мне не стоило этого делать в присутствии матери. Поэтому я просто приняла то, что она делала, и смирилась с этим.

– Спасибо, мам. Прости, что я не справилась.

– Все в порядке, Лили. Мне пора идти, меня ждут в страховой компании. Мне назначили встречу по поводу страховок твоего отца. Позвони мне завтра, – ладно?

– Позвоню, – пообещала я. – Я люблю тебя, мама.

Я закончила разговор, отшвырнула телефон в другой конец дивана, открыла крышку на коробке, стоявшей у меня на коленях, и вытащила содержимое. Сверху лежало маленькое полое деревянное сердце. Я пробежалась по нему пальцами и вспомнила ночь, когда мне его подарили. Как только стали всплывать воспоминания, я отложила сердце в сторону. Ностальгия – забавная штука.

Я вынула из коробки старые письма и газетные вырезки. Под ними я нашла то, что, как я надеялась, лежало в одной из этих коробок. И надеялась, что этого там не окажется.

Мои дневники для Эллен.

Я погладила их. В этой коробке лежало три, но всего их было восемь или девять. Сделав в них последнюю запись, я их больше никогда не перечитывала.

Я отказывалась признавать, что вела дневник, когда была моложе, потому что это было клише. Вместо этого я убедила себя, что это было круто, так как с технической точки зрения мои записи не были дневником. Каждую из них я адресовала Эллен Дедженерес, потому что я начала смотреть ее шоу с первого выпуска в 2003 году, когда я была совсем еще девочкой. Я смотрела его каждый день после школы и была убеждена, что я бы Эллен понравилась, если бы она со мной познакомилась. До шестнадцатилетия я регулярно писала ей письма, но писала их так, как делала бы записи в дневнике. Разумеется, я понимала, что Эллен Дедженерес меньше всего на свете были нужны записи в дневнике какой-то случайной девчонки. К счастью, я ни разу не отправила ей ни одно из «писем». Но мне все равно нравилось адресовать записи ей, поэтому я продолжала это делать до тех пор, пока совсем не перестала вести дневник.

Я открыла еще одну обувную коробку и обнаружила другие дневники. Я перебирала их, пока не нашла тот, который вела в пятнадцать лет. Я начала его перелистывать в поисках того дня, когда я познакомилась с Атласом. До того, как он вошел в мою жизнь, мне особо не о чем было писать, но я каким-то образом сумела заполнить шесть дневников, прежде чем он появился.

Я поклялась, что никогда не буду перечитывать эти записи, но после смерти отца я много думала о моем детстве. Возможно, если я прочитаю эти записи, я каким-то образом найду силы для прощения. Хотя я понимала, что рискую только усилить свое неприятие.

Я улеглась на диван и принялась читать.

Дорогая Эллен!

Прежде чем я напишу тебе о том, что случилось сегодня, я расскажу тебе о новой серии, которую я придумала для твоего шоу. Она называется «Эллен дома».

Думаю, многие люди хотели бы увидеть тебя вне работы. Я всегда гадаю, какая ты дома, когда там только ты и Порша, и вокруг нет камер. Возможно, продюсеры могут дать ей камеру, чтобы она иногда снимала тебя за обычными занятиями: когда ты смотришь ТВ, готовишь или занимаешься садом. Она могла бы снимать тебя несколько секунд без твоего ведома, а потом бы воскликнула: «Эллен дома!» и напугать тебя. И это было бы честно, потому что ты любишь розыгрыши.

О'кей, я тебе это сказала (я все собиралась сделать это, но забывала), а теперь расскажу о своем вчерашнем дне. Он был интересным. Пожалуй, это был самый интересный день в моей жизни, если не считать того дня, когда Эбигейл Айвори дала пощечину мистеру Карсону за то, что он смотрел на ее декольте.

Ты помнишь, как некоторое время назад я писала тебе о нашей соседке миссис Берлсон? Она умерла во время сильной снежной бури. Мой отец сказал, что она столько задолжала по налогам, что ее дочь не смогла вступить во владение домом. Думаю, ее это вполне устроило, так как дом все равно начал разваливаться. Вероятно, он бы стал для нее обузой.

Дом пустовал после смерти миссис Берлсон, то есть уже два года. Я знала, что дом пуст, потому что окно моей спальни выходит на него, и, насколько я видела, никто не входил в него и не выходил за все это время.

До прошлой ночи.

Я сидела в постели, тасовала карты. Звучит странно, но я это делаю. Я даже не умею играть в карты. Но когда мои родители начинают ссориться, я тасую карты и успокаиваюсь, сосредотачиваясь на этом.

Короче говоря, на улице было темно, поэтому я сразу заметила свет. Он был неяркий, но шел из старого дома. Это было больше всего похоже на свет свечи, поэтому я вышла на заднее крыльцо и нашла

папин бинокль. Я попробовала рассмотреть, что там происходит, но ничего не увидела. Было слишком темно. Через некоторое время свет погас.

Этим утром, пока я собиралась в школу, я увидела, как что-то движется в том доме. Я пригнулась у окна спальни и увидела, как кто-то выходит из задней двери. Это был парень с рюкзаком. Он огляделся по сторонам, как будто хотел убедиться, что его никто не заметил, а потом прошел между нашим домом и соседским и вышел на автобусную остановку.

Я никогда его раньше не видела. Он впервые ехал на моем школьном автобусе. Он сел сзади, я села в середине, поэтому я с ним не разговаривала. Но когда он вышел из автобуса у школы, я увидела, что он направился именно туда. Получается, он там учится.

Понятия не имею, почему он спал в том доме. Вероятно, там нет электричества и водопровод не работает. Я подумала, что он заключил пари, но сегодня он вышел из автобуса на той же остановке, что и я. Он прошел по улице с таким видом, будто направлялся куда-то еще. Но я сразу побежала в свою комнату и стала смотреть в окно. И точно, через несколько минут я увидела, как он проскальзывает в пустой дом.

Не знаю, должна ли я сказать об этом матери. Ненавижу совать нос в чужие дела, потому что это меня не касается. Но если этому парню некуда идти, мне кажется, что моя мать сможет ему помочь, потому что она работает в школе.

Не знаю. Я, наверное, подожду пару дней, прежде чем рассказать о нем, и посмотрю, вернется ли он к себе домой. Возможно, ему просто было нужно отдохнуть от родителей. Мне и самой иногда этого хочется.

Вот и все. Я напишу тебе о том, что будет завтра.

– Лили

Дорогая Эллен!

Когда я смотрела твое шоу, я промотала вперед все твои танцы. Раньше я смотрела с самого начала, когда ты танцевала среди зрителей. Но теперь мне стало немного скучно и хочется послушать то, что ты скажешь. Надеюсь, ты на меня не сердишься за это.

О'кей, я выяснила, кто этот парень, и да, он по-прежнему живет в заброшенном доме. Прошло уже два дня, а я все еще ничего никому не рассказала.

Его зовут Атлас Корриган, он учится в старших классах, но больше я ничего не узнала. Я спросила Кэти, сидевшую рядом со мной в автобусе, кто он такой. Она округлила глаза и назвала мне его имя. Но потом добавила: «Я больше ничего о нем не знаю, но от него воняет». И она сморщила нос, как будто ей неприятно. Мне захотелось накричать на нее, сказать, что он в этом не виноват, что в его доме не работает водопровод. Но вместо этого я просто оглянулась на него. Должно быть, я смотрела слишком долго, потому что он заметил мой взгляд.

Вернувшись домой, я вышла на задний двор, чтобы поработать немного в саду. Редис уже можно было вытаскивать, вот этим я и занялась. В моем саду только редис и остался. Холодает, поэтому я почти ничего не могу сейчас посадить. Наверное, я могла бы подождать еще несколько дней, но я была в саду, потому что мне было любопытно.

Вытаскивая редис, я заметила, что не хватает несколько штук. Все выглядело так, словно их просто выкопали. Я точно помню, что я их не вытаскивала, а мои родители никогда ничего не делают в моем саду.

И тогда я подумала об Атласе. Скорее всего, это сделал он. Я подумала, что если он не может принять душ, то у него и еды, вероятно, нет.

Я вернулась в дом, сделала парочку сэндвичей, вытащила из холодильника две банки с содовой и взяла пакет чипсов. Я сложила все в пакет для ланча, отнесла все к заброшенному дому и оставила на заднем крыльце у самой двери. Я не была уверена, что Атлас меня видел, поэтому я громко постучала и сразу убежала. Я сразу вернулась к себе в спальню. К тому моменту, когда я оказалась у окна, чтобы увидеть, как он выходит, пакет уже исчез.

В этот момент я поняла, что он за мной наблюдает. И я вроде как нервничаю теперь, когда он знает, что я знаю о том, что он живет в доме. Представить не могу, что ему скажу, если завтра он со мной заговорит.

– Лили

Дорогая Эллен!

Сегодня я видела твое интервью с кандидатом в президенты Бараком Обамой. Ты нервничала? Ведь это было интервью с человеком, который, возможно, будет управлять страной. Я мало знаю о политике, но не думаю, что мне было бы весело под таким давлением.

Боже. Столько всего случилось с нами обеими. Ты только что брала интервью у того, кто может стать нашим следующим президентом, а я кормлю бездомного парня.

Этим утром, когда я пришла на остановку автобуса, Атлас уже был там. Сначала мы были только вдвоем. Не стану врать, мне было неловко. Я видела, что автобус выезжает из-за угла, и мне хотелось, чтобы он ехал немного быстрее. В ту секунду, когда автобус остановился, Атлас подошел ко мне на шаг ближе и, не поднимая глаз, сказал: «Спасибо».

Двери автобуса открылись, и он пропустил меня вперед. Я не ответила ему «пожалуйста», потому что была в шоке от своей реакции. От его голоса у меня побежали мурашки, Эллен.

А с тобой такое бывало от мужского голоса?

Ой, прости. У тебя бежали мурашки от голоса де-вушки?

По дороге в школу он не сел рядом со мной, но по дороге домой он вошел в автобус последним. Свободных мест не оставалось, но по тому, как он осматривал сидящих в автобусе, я поняла, что он ищет не свободное место, а меня.

Когда наши глаза встретились, я очень быстро перевела взгляд на свои колени. Ненавижу себя за то, что не чувствую себя уверенно с мальчиками. Может быть, это придет с возрастом, когда мне наконец исполнится шестнадцать.

Атлас сел рядом со мной и бросил рюкзак на пол между своими ногами. И тут я заметила то, о чем говорила Кэти. От него действительно пахло, но я его за это не осудила.

Сначала он молчал, но теребил дыру на своих джинсах. Это была не та прореха, которые делают на джинсах, чтобы они были стильными. Я поняла, что это настоящая дырка, потому что у него старые джинсы. Они явно были ему маловаты, потому что не закрывали лодыжки. Но он был достаточно тощим, чтобы во всех остальных местах они сидели на нем нормально.

– Ты кому-нибудь сказала? – спросил он меня.

Я посмотрела на него, когда он заговорил, и он посмотрел мне прямо в глаза, как будто волновался. Я впервые по-настоящему рассмотрела его. У него были темно-каштановые волосы, но я подумала, что, возможно, если бы он их вымыл, они бы не были такими темными. Глаза у него были яркими, в отличие от всего остального. Настоящие голубые глаза, как у сибирских хаски. Мне не следовало бы сравнивать его глаза с собачьими, но это первое, что пришло мне в голову, когда я их увидела.

Я покачала головой и снова отвернулась к окну. Я подумала, что он может встать и найти другое место, так как он выяснил, что я ничего никому не сказала. Но он этого не сделал. Автобус остановился несколько раз, и то, что он продолжал сидеть рядом со мной, придало мне немного смелости. И я шепотом спросила:

– Почему ты не живешь дома с родителями?

Он смотрел на меня несколько секунд, как будто пытался решить, доверять мне или нет. Потом ответил:

– Потому что они этого не хотят.

После этого он встал. Я подумала, что разозлила его, но потом поняла, что автобус подъезжает к нашей остановке. Я схватила свои вещи и вышла следом за ним из автобуса. Он не пытался скрыть, куда направляется, как делал раньше. Обычно он проходил чуть дальше по улице и обходил квартал, чтобы я не видела, как он проходит через наш задний двор. Но в этот раз он пошел вместе со мной к моему дому.

Когда мы подошли к тому месту, где я обычно сворачивала к дому, а он проходил дальше, мы оба остановились. Он поддел носком кусок грязи и посмотрел через мое плечо на наш дом.

– В котором часу твои родители возвращаются домой?

– Около пяти, – ответила я. На часах было 3.45.

Он кивнул. У него был такой вид, как будто он собирался что-то сказать, но он ничего не сказал. Он просто кивнул еще раз и направился к тому дому без воды и электричества.

Эллен, я понимаю, что поступила глупо, поэтому тебе незачем мне это говорить. Я окликнула его, а когда он остановился и обернулся, сказала:

– Если ты поторопишься, то успеешь принять душ до их прихода.

Сердце у меня билось очень быстро, потому что я понимала, какие у меня будут неприятности, если родители вернуться домой и обнаружат бездомного парня в нашем душе. Мне бы, наверное, лучше было бы умереть. Но я просто не могла смотреть, как он уходил к своему дому, и не предложить ему хоть что-то.

Он снова посмотрел на землю, и я ощутила его неловкость у себя в животе. Он даже не кивнул. Он просто вошел в дом следом за мной и так и не сказал ни слова.

Все то время, пока он был в душе, я паниковала. Я все время выглядывала в окно и проверяла, не подъехала ли машина кого-то из родителей, хотя я прекрасно знала, что до их возвращения еще целый час. Я нервничала из-за того, что кто-то из соседей мог заметить, как Атлас входит в наш дом. Но они не настолько хорошо меня знали, чтобы счесть приход гостя чем-то необычным.

Я дала Атласу сменную одежду. Я понимала, что к моменту возвращения родителей ему нужно не только уйти из нашего дома, но и оказаться как можно дальше от него. Я уверена, что мой отец наверняка узнает собственные вещи на каком-то случайном подростке, живущем по соседству.

Я смотрела то в окно, то на часы и одновременно набивала свой старый рюкзак нужными вещами. Я уложила еду, которая могла храниться без холодильника, пару папиных футболок, джинсы, которые, вероятно, окажутся ему на пару размеров велики, и смену носков.

Я как раз застегивала рюкзак, когда Атлас появился в коридоре.

Я была права. Даже мокрыми его волосы были светлее, чем раньше. И от этого его глаза стали еще более голубыми.

Он, должно быть, побрился, пока был в душе, потому что теперь выглядел моложе. Я сглотнула и перевела взгляд на рюкзак, потому что была в шоке от того, как изменился этот парень. Я испугалась, что он прочтет мои мысли.

Я снова выглянула в окно и протянула ему рюкзак.

– Тебе лучше выйти через заднюю дверь, чтобы тебя никто не увидел.

Он взял рюкзак у меня из рук и с минуту смотрел мне в лицо.

– Как тебя зовут? – спросил он, вешая рюкзак на – плечо.

– Лили.

Он улыбнулся. Я впервые видела его улыбку, и мне в голову пришла глупейшая мысль. Я гадала, как у парня с такой потрясающей улыбкой могли быть такие дерьмовые родители. Я мгновенно возненавидела себя за такую мысль, потому что родители, разумеется, должны любить своих детей, какими бы симпатичными или страшенькими, тощими или толстыми, умными или глупыми они ни были. Но иногда невозможно контролировать свои мысли. Ты просто должен отмахнуться от них в следующий раз.

Он протянул мне руку и сказал:

– А я Атлас.

– Я знаю, – ответила я, не пожимая его руки. Не знаю, почему я не пожала ему руку. Это не потому, что я боялась до него дотронуться. То есть мне все-таки было страшно к нему прикоснуться. Но не потому, что я считала себя лучше него. Он просто заставлял меня нервничать.

Он опустил руку, кивнул и сказал:

– Думаю, мне лучше уйти.

Я отошла в сторону, чтобы он мог пройти мимо меня. Он дернул головой в сторону коридора, без слов спрашивая, как пройти к задней двери. Я кивнула и пошла следом за ним мимо кухни. Когда он почти подошел к задней двери, я заметила, что он на мгновение остановился, когда увидел мою спальню.

Мне вдруг стало неловко от того, что он видит мою комнату. Никто никогда раньше ее не видел, поэтому мне и в голову не приходило придать ей более взрослый вид. У меня с двенадцати лет оставались розовые шторы и такого же цвета покрывало на кровати. Впервые мне захотелось сорвать со стены постер с изображением Адама Броди ^[4].

Атласу было как будто все равно, как украшена моя комната. Он смотрел только на мое окно, то самое, выходившее на задний двор. Потом он повернулся ко мне. Перед тем как выйти из дома, он сказал:

– Спасибо тебе, Лили, что не отнеслась ко мне с пренебрежением.

И он ушел.

Разумеется, я слышала слово «пренебрежение», но было странным услышать его от парня-подростка. И еще более странным было то, что все в Атласе было противоречивым. Как мог оказаться бездомным этот скромный парень с хорошими манерами, который использует такие слова, как «пренебрежение»? Как вообще подросток мог оказаться бездомным?

Мне нужно это выяснить, Элен.

Я намерена разузнать, что с ним случилось. Подожди, и ты увидишь.

– Лили

** * **

Я собралась прочесть следующую запись, но тут зазвонил мой телефон. Я добралась по дивану до трубки и ни капельки не удивилась, увидев, что это опять звонила мать. Теперь, когда мой отец умер и она осталась одна, мама, вероятно, станет звонить мне в два раза чаще, чем раньше.

– Алло?

– Что ты думаешь о моем переезде в Бостон? – выпалила она.

Я прижала к себе подушку и уткнулась в нее лицом, чтобы подавить стон.

– Гм. *Вау*, – сумела выдавить я. – Ты серьезно?

Она помолчала немного, потом ответила:

– Это всего лишь идея. Мы сможем обсудить это завтра. Я почти доехала до страховой компании.

– О'кей. Пока.

Мне сразу захотелось уехать из Массачусетса. *Она не могла сюда переехать.* Мама никого здесь не знала. Она стала бы ожидать от меня, чтобы я развлекала ее каждый день. Не поймите меня неправильно, я люблю мать, но я переехала в Бостон, чтобы жить самостоятельно. Если бы она жила в одном городе со мной, я бы чувствовала себя менее независимой.

У моего отца диагностировали рак три года назад, когда я еще училась в колледже. Если бы Райл Кинкейд оказался в этот момент рядом со мной, я бы сказала ему голую правду о том, что у меня немного отлегло от сердца, когда мой отец слишком ослабел, чтобы причинить физическую боль моей матери. Это полностью изменило

динамику их отношений, и я перестала чувствовать себя обязанной оставаться в Плеторе, чтобы оберегать мать.

Но теперь отец умер, и мне больше никогда не придется тревожиться о матери. Поэтому я собиралась расправить крылья, если можно так выразиться.

И вот мама собралась переехать в Бостон...

Это ощущалось так, словно мне вдруг крылья подрезали.

Где то уличное кресло из полимера для судостроения, когда оно мне было так необходимо?

Новость стала для меня стрессом, и я понятия не имела, что я стану делать, если мать все же переедет в Бостон. У меня не было ни сада, ни двора, ни патио, ни сорняков.

Мне нужно найти другую отдушину.

Я решила заняться уборкой. Сложила все обувные коробки со старыми журналами и записями в платяной шкаф в спальне. Потом навела порядок в шкафу. Разобрала украшения, обувь, одежду...

Она не может переехать в Бостон.

Глава 3

Шесть месяцев спустя

– О...

И больше она ничего не сказала.

Мать повернулась и оценила помещение, проводя пальцем по ближайшему подоконнику. Она собрала слой пыли и растерла его между пальцами.

– Это...

– Я понимаю, здесь требуется серьезно поработать, – прервала я ее и указала на окна у нее за спиной. – Но посмотри на фасад магазина. У него есть потенциал.

Мать, кивая, посмотрела на окна. Когда она с чем-то соглашалась, она издавала странный звук горлом, но губы ее при этом оставались сжатыми. Это означало, что она на самом деле *не согласна*. И я услышала этот звук. *Дважды*.

Я опустила руки, сдаваясь.

– По-твоему, я сделала глупость?

Мать еле заметно покачала головой.

– Все зависит от того, как пойдут дела, Лили, – сказала она. Раньше в этом здании был ресторан, и в зале все еще оставались старые столы и стулья. Мать подошла к ближайшему столу, выдвинула стул и села. – Если все сложится и твой цветочный магазин будет успешным, тогда люди скажут, что это было смелое и умное деловое решение. Но если бизнес не пойдет и ты потеряешь все свое наследство...

– Тогда люди скажут, что это было *глупое* деловое решение.

Она пожала плечами:

– Так это работает. У тебя диплом по бизнесу, ты сама об этом знаешь. – Мать медленно оглядела зал, как будто представляла, как это будет выглядеть через месяц. – Просто сделай все для того, чтобы решение оказалось смелым и умным, Лили.

Я улыбнулась. *Вот это я могу принять.*

– Не могу поверить, что я это купила, не посоветовавшись сначала с тобой, – сказала я и уселась на стол.

– Ты взрослая. Это твое право, – ответила мать, но в ее голосе я услышала нотки разочарования. Пожалуй, теперь она чувствовала себя все более одинокой, а я нуждалась в ней все меньше и меньше. Прошло полгода после смерти моего отца, и хотя он был не лучшим компаньоном, матери наверняка было непривычно жить в одиночестве. Она нашла работу в одной из начальных школ, поэтому она все же переехала в Бостон. Она выбрала небольшой пригород на выезде из города, купила симпатичный стоявший в тупике дом с двумя спальнями и с огромным задним двором. Я мечтала посадить там сад, но он бы потребовал ежедневного ухода. А мой лимит – визит раз в неделю, иногда два раза.

– Что ты собираешься делать со всем этим мусором? – спросила мать.

Она была права. Мусора было действительно много. Чтобы расчистить это место, потребуется целая вечность.

– Понятия не имею. Мне придется некоторое время поработать, засучив рукава, прежде чем я смогу хотя бы задуматься о декоре.

– Когда твой последний день в маркетинговой – фирме?

Я улыбнулась:

– Вчера.

Мать вздохнула, потом покачала головой:

– Ох, Лили. Я надеюсь, что все сложится в твою пользу.

Мы оба начали подниматься с мест, когда открылась входная дверь, от которой нас отделял стеллаж. Поэтому я выглянула из-за него и увидела, как в магазин вошла женщина. Ее глаза быстро обежали зал, пока она не увидела меня.

– Привет, – поздоровалась она и помахала рукой. Женщина была симпатичной и хорошо одетой, но на ней были белые брюки-капри. Катастрофа в этом полном пыли помещении.

– Чем я могу вам помочь?

Она сунула сумочку под локоть и направилась ко мне, протягивая руку.

– Я Алиса, – назвалась женщина. Я пожала ей руку.

– Лили.

Она указала большим пальцем через плечо.

– Это твое объявление о том, что требуется помощь?

Я посмотрела туда же и удивленно подняла бровь.

– Оно там есть? – *Я не вешала никакого объявления.*

Алиса кивнула, потом пожала плечами.

– Хотя оно выглядит старым, – сказала она. – Вероятно, оно провисело там уже некоторое время. Я вышла прогуляться и увидела его. Мне просто стало любопытно, только и всего.

Она понравилась мне практически сразу. Голос у нее был приятный, улыбка казалась искренней.

Рука матери опустилась на мое плечо, она нагнулась ко мне и поцеловала в щеку.

– Мне пора идти, – сказала она. – Сегодня у меня день открытых дверей.

Я попрощалась с ней, посмотрела ей вслед, пока она выходила на улицу, а потом снова повернулась к Алисе.

– На самом деле я пока не набираю персонал, – объяснила я и рукой обвела зал. – Я собираюсь открыть цветочный магазин, но до этого еще месяца два, не меньше. – Мне, конечно, следовало бы воздержаться от предвзятого мнения, но она не выглядела так, будто ей хватит минимальной оплаты. Ее сумочка, вероятно, стоила больше, чем это помещение.

Ее глаза загорелись.

– Правда? Я люблю цветы! – Она развернулась на каблуках и сказала:

– В этом месте море потенциала. В какой цвет покрасишь стены?

Я сложила руки на груди и ухватила себя за локти. Покачиваясь на каблуках, я ответила:

– Не знаю пока. Всего час назад я получила ключи от помещения, поэтому у меня пока нет никакого плана, как его оформить.

– Лили, верно?

Я кивнула.

– Я не собираюсь делать вид, что у меня есть диплом дизайнера, но я это обожаю. Если тебе потребуется любая помощь, я к твоим услугам и сделаю все бесплатно.

Я склонила голову к плечу.

– Ты будешь работать бесплатно?

Алиса кивнула:

– Работа мне на самом деле не нужна. Я просто увидела объявление и подумала: «Почему нет?» Просто мне иногда становится скучно, и я буду рада помочь тебе в любом деле. Уборка, декор, выбор цвета краски. Я фанат пинтереста. – Что-то за моей спиной привлекло ее внимание, и она ткнула пальцем в том направлении. – Я могла бы взять ту сломанную дверь и сделать ее великолепной. На самом деле я могу забрать *все*. Всему найдется применение, знаешь ли.

Я оглядела зал, отлично понимая, что одной мне с этим не справиться. Половину из этого хлама я даже поднять одна не смогу.

– Я не собираюсь позволять тебе работать бесплатно. Но я могла бы платить 10 долларов в час, если ты говоришь серьезно.

Алиса захлопала в ладоши и наверняка запрыгала бы на месте, если бы не была на каблуках.

– Когда я могу начать?

Я посмотрела на ее белые капри.

– Как насчет завтра? Ты, возможно, захочешь – прийти в более подходящей одежде.

Алиса отмахнулась от меня, бросила сумочку Hermes на пыльный стол рядом с ней.

– Глупости, – заявила она. – Мой муж смотрит игру команды «Бостон Брюинз» в баре на этой улице. Если ты не возражаешь, я побуду с тобой и начну прямо сейчас.

Два часа спустя я уже не сомневалась, что встретила новую лучшую подругу. И она действительно оказалась фанатом пинтереста.

Мы написали «Оставить» и «Выбросить» на стикерах и наклеили их на все, что было в зале. Алиса, как и я, верила в переработку, поэтому мы нашли применение по крайней мере для 75 процентов того, что оставалось в зале. Остальное, по ее словам, сможет выбросить ее муж, когда у него будет свободное время. Как только мы разобрались с мебелью, я схватила блокнот и ручку, и мы уселись за один из столиков, чтобы записать идеи дизайна.

– О'кей, – выдохнула Алиса, откидываясь на спинку стула. Я едва не рассмеялась, потому что ее белые капри покрылись грязью, но ей явно было все равно. – Какая у тебя цель? Как ты собираешься использовать это помещение? – спросила она, оглядываясь.

– Моя цель – преуспеть, – ответила я.

Она рассмеялась:

– Ни минуты не сомневаюсь, что ты преуспеешь. Но тебе нужна концепция.

Я подумала о словах матери. *«Просто сделай все для того, чтобы решение оказалось смелым и умным, Лили»*. Я улыбнулась и села прямее на своем стуле.

– Мне нужен смелый дизайн. Я хочу, чтобы это место отличалось от всех прочих. Я хочу рискнуть.

Алиса сощурилась и принялась жевать кончик ручки.

– Но ты всего лишь продаешь цветы, – сказала она. – Как можно быть смелой с цветами?

Я оглядела зал и попыталась представить то, о чем я думала. Хотя я не знала наверняка, о чем именно я думаю. Я просто не находила покоя, как будто блестящая идея должна была вот-вот появиться.

– Какие слова приходят тебе на ум, когда ты думаешь о цветах? – спросила я Алису.

Она пожала плечами:

– Не знаю. Они милые, я полагаю? Они живые, поэтому я думаю о жизни. И еще о розовом цвете и о – весне.

– Милый, жизнь, розовый, весна, – повторила я. И добавила: – Алиса, ты гений! – Я встала и начала ходить взад и вперед. – Мы возьмем все, что каждый любит в цветах, и сделаем прямо противоположное!

Она скорчила гримасу, давая понять, что не понимает меня.

– Смотри, – принялась объяснять я. – Что, если вместо того, чтобы показывать *милую* сторону цветов, мы покажем их *неприятную* сторону? Вместо розовых акцентов используем более темные цвета, к примеру, густо-фиолетовый или даже черный. И станем прославлять не только весну и жизнь, но еще и зиму, и смерть.

Глаза Алисы расширились.

– Но... что, если кто-то все-таки захочет розовые цветы?

– Что ж, мы дадим им то, что они хотят, разумеется. Но еще мы дадим им что-то такое, о чем они даже не подозревают, что этого хотят.

Алиса почесала щеку.

– Ты думаешь о *черных* цветах? – Она выглядела встревоженной, и я ее за это не винила. Она видела только темную сторону нарисованной мной картины. Я снова села за стол и попыталась убедить ее.

– Один человек однажды сказал, что не бывает плохих людей. Мы просто люди, которые иногда совершают плохие поступки. Я это запомнила, потому что это правда. В каждом из нас есть что-то хорошее и что-то плохое. Я хочу сделать это нашей темой. Вместо того чтобы красить стены в миленький цвет, мы выкрасим их густо-фиолетовой краской с черными акцентами. И вместо того чтобы выставлять цветы только пастельных оттенков в скучных хрустальных вазах, при виде которых люди думают о жизни, мы рискнем, поступим смело. Мы выставим в зале композиции из цветов более темных оттенков, завернутые, например, в кожу или в серебристые цепи. И вместо того чтобы ставить их в хрустальные вазы, мы разместим их в черном ониксе и... Не знаю... Скажем, в вазах из фиолетового бархата с серебристыми «гвоздиками». Идей море. – Я снова встала. – В городе

полно цветочных магазинов для тех, кто любит цветы. Но в какой цветочный магазин пойдут те, кто ненавидит цветы?

Алиса покачала головой.

– Ни в один из них, – прошептала она.

– Вот именно. Ни в один из них.

Мы долго смотрели друг на друга, но потом я больше не смогла сдерживаться. Меня разрывало от возбуждения, и я засмеялась как расшалившийся ребенок. Алиса тоже засмеялась, вскочила с места и обняла меня.

– Лили, это так неожиданно! Это гениально!

– Я знаю! – Меня переполняла новая энергия. – Мне нужен письменный стол, чтобы я могла сесть и написать бизнес-план! Но мой будущий офис полон старых ящиков для овощей!

Алиса направилась в заднюю часть магазина.

– Что ж, давай вытащим их оттуда и пойдём покупать тебе письменный стол!

Мы протиснулись в офис и начали по одному вытаскивать ящики в заднюю комнату. Я встала на стул, чтобы стопки были выше, и у нас оставалось больше места.

– Это идеальный вариант для оформления витрины, который я придумала. – Алиса протянула мне еще два ящика и ушла. Я поднялась на цыпочки, чтобы поставить их на самый верх, и тут пирамида начала качаться. Я попыталась ухватиться за что-то, чтобы удержаться на ногах, но ящики сбили меня с ног. Оказавшись на полу, я почувствовала, что моя нога вывернута под необычным углом. И тут же ногу пронзила острая боль.

В комнату вбежала Алиса. Ей пришлось снять с меня два ящика.

– Лили! – воскликнула она. – Боже мой, ты в порядке?

Я сумела сесть, но даже не пыталась наступить на ногу. Я покачала головой.

– Что-то с лодыжкой.

Она мгновенно стянула с меня обувь, сразу вытащила из кармана телефон, начала набирать номер и посмотрела на меня.

– Понимаю, что вопрос глупый, но у тебя тут, случайно, нет холодильника со льдом?

Я покачала головой.

– Я так и подумала. – Она включила громкую связь и начала заворачивать мою штанину. Я поморщилась, но не от боли. Я просто поверить не могла, что совершила такую глупость. Если я сломала ногу, дело плохо. Я только что потратила все полученное наследство на покупку этого здания, и я еще долго не смогу приступить к ремонту.

– Эй, Исса, – раздался голос из телефона моей новой подруги. – Где ты? Матч закончился.

Алиса взяла телефон и поднесла его ближе к губам.

– Я на работе. Послушай, мне нужно...

Мужчина не дал ей договорить:

– На *работе*? Детка, ты же нигде не работаешь.

Алиса покачала головой и продолжила:

– Маршалл, послушай меня. Ты мне срочно нужен. Кажется, мой босс сломала лодыжку. Мне нужно, чтобы ты принес немного льда в...

Он снова ее не дослушал и начал смеяться.

– Твой *босс*? Детка, ты же нигде не работаешь, – повторил он.

Алиса округлила глаза.

– Маршалл, ты что, пьян?

– Сегодня день *комбинезонов*, – невнятно пробормотал мужчина. – Ты знала об этом, когда бросила нас, Исса. Бесплатное пиво пока не...

Она застонала.

– Передай трубку моему брату.

– Ладно, ладно, – пробормотал Маршалл. В трубке раздалось похрустывание, а потом прозвучало:

– Да?

Алиса быстро назвала наш адрес и добавила:

– Немедленно иди сюда. Пожалуйста. И захвати пакет со льдом.

– Так точно, мэм, – ответил брат Алисы. По его голосу было заметно, что он тоже навеселе. Раздался смех, потом кто-то из мужчин сказал:

– *Она в плохом настроении*. – И в трубке все стихло.

Алиса убрала телефон обратно в карман

– Я выйду и подожду их на улице, – сказала она. – Они здесь неподалеку. Ты без меня справишься?

Я кивнула и потянулась к стулу.

– Возможно, мне стоит все-таки попробовать на нее наступить.

Алиса надавила мне на плечи и заставила снова прислониться к стене.

– Нет, не двигайся. Подожди, пока они придут, – ладно?

Я с трудом представляла, чем мне смогут помочь два пьяных парня, но кивнула. В тот момент моя новая служащая вела себя как мой босс, и я даже немного испугалась ее.

Я прождала около десяти минут, когда наконец услышала, как распахнулась входная дверь.

– Какого черта? – произнес мужской голос. – Почему ты одна в этом заброшенном доме?

Алиса ответила:

– Она там, – и вошла в комнату. Следом за ней вошел парень в домашнем комбинезоне. Он был высокий, худощавый, по-мальчишески красивый, с честными глазами и копной темных, давно не стриженных волос. Он держал в руке пакет со льдом.

Я упомянула, что он был в домашнем комбинезоне?

Представьте взрослого мужчину в комбинезоне Губки Боба.

– Это твой муж? – спросила я Алису, подняв бровь.

Она округлила глаза. В комнату следом за ними вошел еще один парень (тоже в домашнем комбинезоне), но я смотрела только на Алису, которая объясняла, почему они в пижамах в обычную среду во второй половине дня.

– Дальше по улице есть бар, в котором угощают бесплатным пивом каждого, кто придет в домашнем комбинезоне в тот день, когда играет «Бостон Брюинз». – Она подошла ко мне и жестом пригласила парней сделать то же самое. – Лили упала со стула и повредила лодыжку, – обратилась она к другому парню. Тот обошел Маршалла, и первым, что мне бросилось в глаза, были его руки.

Черт подери. Я уже видела эти руки.

Это были руки нейрохирурга.

Алиса была его сестрой? Той самой сестрой, которой принадлежит весь верхний этаж и чей муж работает из дома, не снимая пижамы, и зарабатывает в год сумму с семью нулями?

Как только мои глаза встретились с глазами Райла, его лицо расплылось в улыбке. Я не видела его – *боже, как же давно это было* – целых шесть месяцев. Не могу сказать, что я не думала о нем за прошедшие полгода, потому что я несколько раз о нем вспоминала.

– Райл, это Лили. Лили, это мой брат Райл, – представила нас друг другу Алиса. – А это мой муж Маршалл.

Райл подошел ко мне и опустился на колени.

– Лили, – сказал он, с улыбкой глядя на меня, – рад познакомиться с тобой.

Он явно меня помнил, я видела это по его улыбке. Но, как и я, он делал вид, что мы встречаемся впервые. Пожалуй, я была не в настроении объяснять, что мы уже знакомы.

Райл коснулся моей лодыжки и осмотрел ее.

– Можешь пошевелить ступней?

Я попыталась это сделать, но острая боль пронзила всю ногу. Я втянула воздух сквозь стиснутые зубы и покачала головой:

– Пока нет. Больно.

Райл махнул рукой Маршаллу.

– Найди, во что положить лед.

Алиса вышла из комнаты следом за Маршаллом. Когда они оба ушли, Райл посмотрел на меня и широко улыбнулся.

– Я не выставлю тебе счет за это, потому что я несколько пьян. – Он подмигнул мне.

Я склонила голову к плечу.

– Когда мы встретились в первый раз, ты был под кайфом. Теперь ты пьян. Я начинаю беспокоиться, что из тебя не выйдет достаточно квалифицированный нейрохирург.

Он рассмеялся:

– Так может показаться, но уверяю тебя, что я очень редко курю траву, и это мой первый выходной за месяц, поэтому мне срочно требовалась порция пива. Или пять.

Вернулся Маршалл. Он принес лед, завернутый в какую-то старую тряпку, и протянул его Райлу. Тот приложил лед к моей щиколотке.

– Принеси из багажника аптечку, – обратился Райл к сестре. Она кивнула, схватила Маршалла за руку и снова вытащила его из комнаты.

Райл прижал руку к моей подошве.

– Надави на мою руку, – попросил он.

Я надавила, и хотя мне было больно, я смогла сдвинуть его руку.

– Щиколотка сломана?

Он повернул ступню из стороны в сторону, потом сказал:

– Я так не думаю. Давай подождем пару минут и посмотрим, сможешь ли ты наступить на нее.

Я кивнула, наблюдая, как он устраивается на полу наискосок от меня. Он сел по-турецки и положил мою ступню себе на колено. Оглядев комнату, он снова переключил внимание на меня.

– Что это за место?

Я улыбнулась, пожалуй, излишне широко.

– Магазин Лили Блум. Примерно через два месяца здесь будут продавать цветы.

Клянусь, его лицо засветилось от гордости.

– Не может быть! Ты сделала это? Ты действительно открываешь собственный бизнес?

Я кивнула:

– Ага. Я подумала, что стоит попробовать, пока я еще достаточно молода, чтобы оправиться от про-вала.

Одной рукой он прижимал лед к моей щиколотке, другой держал мою голую ступню, проводя по ней большим пальцем взад и вперед, как будто в его прикосновении не было ничего особенного. Но его руку на своей ступне я чувствовала намного острее, чем боль в лодыжке.

– Я смешно выгляжу, да? – Он оглядел свой красный комбинезон.

Я пожала плечами:

– Ты хотя бы не выбрал комбинезон мультяшного персонажа. Это более зрелый выбор, чем костюм Губки Боба.

Райл рассмеялся, но потом его улыбка исчезла, он прислонился головой к двери позади него и оценивающе оглядел меня.

– При дневном свете ты еще красивее.

В подобные моменты я всегда жалею о том, что у меня рыжие волосы и белая кожа. Смущение не только хорошо заметно на моих щеках, румянец заливает все мое лицо, шею и даже руки.

Я прижалась затылком к стене, у которой сидела, и принялась изучать его так же, как он изучал меня.

– Хочешь услышать голую правду?

Райл кивнул.

– Мне не раз хотелось вернуться на твою крышу. Но я слишком боялась, что ты тоже окажешься там. Ты заставляешь меня нервничать.

Его пальцы на моей ступне замерли.

– Моя очередь?

Я кивнула.

Его глаза сузились, рука снова заскользила по моей подошве от пальцев к пятке.

– Мне все еще очень хочется трахнуть тебя.

Кто-то ахнул, и это была не я.

Мы с Райлом оба посмотрели на дверной проем. Там стояла Алиса с глазами на пол-лица.

– Ты только что... – Она посмотрела на меня. – Прости меня за него, Лили. – Ее взгляд снова вернулся к брату, в глазах плескался яд. – Ты только что сказал моему боссу, что хочешь ее трахнуть?

О боже.

Райл потянул себя за нижнюю губу и немного ее пожевал. Вошел Маршалл и поинтересовался:

– Что происходит?

Алиса посмотрела на мужа и ткнула пальцем в Райла:

– Он только что сказал Лили, что хочет ее *трахнуть!*

Маршалл перевел взгляд с Райла на меня. Я не знала, то ли рассмеяться, то ли заползти под стол и там спрятаться.

– Ты это сказал? – спросил он, глядя на шурина.

Тот пожал плечами:

– Ну, да.

Алиса обхватила голову руками.

– Господи Иисусе! Он пьян. Они оба пьяные. Пожалуйста, не осуждай меня за то, что мой брат придурок.

Я улыбнулась ей и махнула рукой:

– Все в порядке, Алиса. Многие мужчины хотя меня трахнуть. – Я посмотрела на Райла, который все еще непринужденно поглаживал мою ступню. – По крайней мере, твой брат говорит откровенно. Немногие могут сказать то, что у них на самом деле на уме.

Райл подмигнул мне и осторожно спустил мою ступню со своих колен.

– Давай проверим, сможешь ли ты наступить на ногу, – сказал он.

Они с Маршаллом помогли мне подняться. Райл указал на стол, придвинутый к стене.

– Попробуем дойти до стола, чтобы я смог забинтовать твою лодыжку.

Его рука твердо обнимала меня за талию, он крепко держал мою руку, чтобы я не упала. Маршалл просто стоял рядом на всякий случай. Я слегка наступила на ногу, мне было больно, но не настолько мучительно. Я смогла доковылять до стола с помощью Райла. Он помог мне сесть на стол, и я прислонилась к стене, вытянув ногу перед собой.

– Что ж, хорошая новость в том, что щиколотка не сломана.

– А плохая новость? – спросила я.

Он открыл аптечку и ответил:

– Тебе придется посидеть дома несколько дней. Возможно, даже неделю. Все будет зависеть от того, как нога будет восстанавливаться.

Я закрыла глаза и прислонилась головой к стене.

– Но у меня так много дел, – простонала я.

Он начал аккуратно бинтовать мою лодыжку. Алиса стояла за его спиной и наблюдала за его движениями.

– Я пить хочу! – сказал Маршалл. – Кто-нибудь хочет чего-нибудь выпить? Тут аптека напротив.

– Мне не надо, – сказал Райл.

– Я выпью воды, – ответила я.

– Мне «Спрайт», – подала голос Алиса.

Маршалл схватил ее за руку.

– Ты пойдешь со мной.

Алиса вырвала руку и сложила руки на груди.

– Я никуда не иду, – заявила она. – Моему брату нельзя доверять.

– Алиса, все в порядке, – сказала я ей. – Райл просто шутил.

Она молча смотрела на меня несколько секунд, потом ответила:

– Ладно. Только ты не сможешь уволить меня, если он опять сморозит какую-нибудь глупость.

– Обещаю, я тебя не уволю.

На этом Алиса схватила Маршалла за руку, и они ушли. Райл продолжал бинтовать мою ногу. Потом – спросил:

– Моя сестра у тебя работает?

– Ага, наняла ее пару часов назад.

Он сунул руку в аптечку и вытащил пластырь.

– Ты хотя бы понимаешь, что она ни одного дня в своей жизни не работала?

– Она меня об этом предупредила, – сказала я. Его лицо напряглось, он уже не выглядел таким расслабленным, как раньше. Мне пришло в голову, что он мог решить, будто я наняла Алису только ради того, чтобы оказаться ближе к нему. – Я понятия не имела, что она твоя сестра до той минуты, когда ты вошел сюда. Клянусь.

Райл посмотрел на меня, потом сосредоточился на моей ступне.

– Я даже не думал, что ты знаешь об этом. – Он начал накладывать пластырь поверх повязки.

– Я тебя в этом не обвиняю. Мне просто не хотелось, чтобы ты подумал, будто я каким-то образом пытаюсь поймать тебя в ловушку. Ты же помнишь, что мы от жизни хотим совершенно разного?

Райл кивнул и осторожно положил мою ногу на стол.

– Верно, – согласился он. – Я специалист по свиданиям на одну ночь, а ты находишься в поисках своего святого Грааля.

Я рассмеялась:

– У тебя отличная память.

– Да. – Его губы изогнулись в медленной улыбке. – Но тебя трудно забыть.

Иисусе. Он был просто *обязан* прекратить говорить мне такие вещи. Я оперлась ладонями о стол и спустила ногу со стола.

– Пришло время для голы правды.

Райл прислонился к столу рядом со мной.

– Весь внимание.

Я не стала ничего скрывать.

– Меня очень тянет к тебе, – сказала я. – Мне практически все в тебе нравится. У нас с тобой разные цели в жизни, это факт. Поэтому, если нам доведется встретиться снова, я была бы благодарна, если бы ты перестал говорить такие вещи, от которых у меня кружится голова. Это не совсем честно по отношению ко мне.

Он кивнул:

– Теперь моя очередь.

Он положил руку на стол рядом со мной и слегка наклонился ко мне.

– Меня тоже очень тянет к тебе. И в тебе мне почти все нравится. Но я надеюсь, что мы больше никогда не встретимся, потому что мне не нравится, что я так много о тебе думаю. Не так уж много на самом деле, но куда больше, чем мне бы хотелось. Поэтому если ты по-

прежнему не собираешься согласиться на свидание на одну ночь, то я думаю, что нам лучше избегать встреч. Потому что нас обоих это ни к чему хорошему не приведет.

Я не знала, каким образом он оказался так близко ко мне, но между нами было не больше фута. Его близость мешала мне сосредоточиться на тех словах, которые слетали с его губ. Взгляд Райла на мгновение остановился на моих губах, но как только мы услышали звук открывающейся входной двери, он сразу оказался на другой половине комнаты. К тому моменту, когда Алиса и Маршалл добрались до нас, Райл был занят тем, что заново складывал в пирамиду упавшие ящики. Алиса посмотрела на мою лодыжку.

– Каков вердикт? – поинтересовалась она.

Я выпятила нижнюю губу.

– Твой братец-доктор говорит, что мне придется посидеть дома несколько дней.

Она протянула мне воду, которую я просила.

– Хорошо, что у тебя есть я. Я могу работать и заняться уборкой, которая мне по силам, пока ты будешь отдыхать.

Я сделала глоток воды и вытерла рот.

– Алиса, я объявляю тебя лучшей служащей месяца.

Она улыбнулась и повернулась к Маршаллу:

– Ты это слышал? Я лучшая из ее служащих!

Он обнял ее и поцеловал в макушку.

– Я горжусь тобой, Исса.

Мне нравилось, что он называет ее *Исса*, что, как я догадалась, было уменьшительным от Алисы. Я подумала о собственном имени и о том, встречу ли когда-нибудь парня, который догадается называть меня головокружительно милым прозвищем – *Илли*.

Не-а. Не этот парень.

– Тебе помочь добраться домой? – спросила Алиса.

Я соскочила со стола и проверила ногу.

– Если только ты проводишь меня до машины. Нога левая, так что я вполне справлюсь с управлением.

Она подошла ко мне и обхватила за талию.

– Если оставишь мне ключи, то я все тут закрою и вернусь завтра, чтобы начать уборку.

Они втроем проводили меня до машины, но Райл позволил Алисе выполнить всю работу. По какой-то причине он стал бояться прикоснуться ко мне. Когда я уселась за руль, Алиса поставила мою сумочку и другие вещи на пол и заняла пассажирское кресло. Она взяла мой телефон и начала вбивать в него свой номер.

Райл наклонился к окну:

– Следующие несколько дней постарайся как можно чаще прикладывать к ноге лед. Ванна тоже помо-гает.

Я кивнула:

– Спасибо тебе за помощь.

Алиса перегнулась через меня и спросила:

– Может быть, тебе, Райл, следует довезти ее до дома и вернуться на такси? Просто на всякий случай.

Райл посмотрел на меня и покачал головой.

– Не думаю, что это хорошая идея, – сказал он. – С ней все будет в порядке. Я выпил пива, поэтому мне не стоит садиться за руль.

– Ты мог бы помочь ей дойти до квартиры, – предложила Алиса.

Райл снова покачал головой, похлопал по крыше машины, развернулся и пошел прочь.

Я все еще смотрела ему вслед, когда Алиса вернула мне телефон и сказала:

– Серьезно, я прошу за него прощения. Сначала он возбуждается при виде тебя, а потом ведет себя как эгоистичный придурок. – Она выбралась из машины и закрыла дверцу, потом сунула голову в окно. – Вот поэтому он и останется одиноким до конца дней. – Она указала на мой телефон. – Пришли мне сообщение, когда доберешься домой. И позвони мне, если тебе что-то понадобится. Дружеские услуги я в рабочее время не включу.

– Спасибо, Алиса.

Она улыбнулась:

– Нет, это *тебе* спасибо. Я так не радовалась жизни с того времени, когда в прошлом году побывала на концерте Паоло Нутини [5]. – Она помахала мне на прощание рукой и пошла туда, где стояли Маршалл и Райл.

Они пошли по улице, и я смотрела на них в зеркало заднего вида. Когда они поворачивали за угол, я увидела, что Райл обернулся и посмотрел в моем направлении.

Я закрыла глаза и выдохнула.

Две наши встречи с Райлом выпали на те дни, которые я предпочла бы забыть. Похороны отца и растяжение лодыжки. Но каким-то образом от его присутствия они не ощущались такими катастрофическими, какими были на самом деле.

Ну почему он брат Алисы! У меня было такое чувство, что мы с ним виделись не в последний раз.

Глава 4

Мне потребовалось полчаса, чтобы добраться от машины до квартиры. Я дважды набирала номер Люси, чтобы узнать, сможет ли она мне помочь, но она не ответила на звонки. Войдя наконец в квартиру, я испытала раздражение, когда увидела ее лежащей на диване с прижатым к уху телефоном.

Я с грохотом захлопнула входную дверь, и Люси подняла на меня глаза.

– Что с тобой случилось? – спросила она.

Опираясь на стену, я поскакала в коридор.

– Лодыжку растянула.

Когда я добралась до двери в свою спальню, Люси крикнула:

– Прости, что не ответила на твои звонки! Я разговариваю с Алексом! Я собиралась тебе перезвонить!

– Все в порядке! – крикнула я в ответ и захлопнула за собой дверь. Я направилась в ванную и нашла в шкафчике какие-то старые обезболивающие таблетки. Проглотив две штуки, я рухнула на кровать и уставилась в потолок.

Я не могла поверить в то, что обречена сидеть в квартире целую неделю. Я схватила телефон и отправила сообщение матери.

Растянула лодыжку. Я в порядке, но могу я прислать тебе список необходимого, чтобы ты купила мне в магазине?

Я уронила телефон на постель, и в первый раз с момента переезда матери в Бостон я была благодарна за то, что она живет рядом со мной. На самом деле это было не так уж плохо. Пожалуй, я любила ее больше с тех пор, как мой отец умер. Я догадывалась о причине. Это было связано с тем, что я всегда осуждала ее за неспособность уйти от него. И хотя это осуждение практически исчезло, когда речь шла о матери, то по отношению к отцу я испытывала все те же чувства.

Не слишком-то это хорошо, хранить в сердце столько горечи по отношению к отцу. Но черт подери, он был ужасен. По отношению к моей матери, ко мне, к Атласу.

Атлас.

Я была так занята маминым переездом и тайными поисками помещения под магазин в нерабочие часы, что у меня не было времени дочитать мои дневники, которые я начала читать полгода назад.

Я кое-как доковыляла до платяного шкафа, споткнувшись лишь однажды. К счастью, я устояла на ногах, ухватившись за комод. Как только дневник оказался в моих руках, я вернулась в постель и устроилась поудобнее.

Следующую неделю мне все равно было больше нечем заняться, так как работать я не могла. Я вполне могла позволить себе вспомнить печальное прошлое, раз уж я оказалась вынуждена страдать в настоящем.

Дорогая Эллен!

Церемония вручения «Оскар»», которую ты вела, оказалась самой интересной телепередачей за последний год. Не думаю, что я тебе об этом говорила, но я описалась, пока смотрела, как ты подошла к первым рядам с пылесосом и почистила ковер.

Кстати, сегодня я сагитировала нового фолловера Эллен в лице Атласа. Прежде чем ты осудишь меня за то, что я сновапустила его в наш дом, позволь мне объяснить, как это получилось.

После того как он вчера принял у нас душ, я его прошлым вечером больше не видела. Но утром он снова сел рядом со мной в автобусе. Он выглядел чуть счастливее, чем накануне, потому что он сел и по-настоящему мне улыбнулся.

Не буду лгать, было немного странно видеть его в одежде моего отца. Но брюки сидели на нем намного лучше, чем я ожидала.

– Знаешь что? – Он нагнулся вперед и растянул свой рюкзак.

– Что?

Атлас вытащил пакет и протянул его мне.

– Я нашел это в гараже. Я пытался их очистить для тебя, но они такие грязные, что без воды я мало что смог сделать.

Я взяла пакет и с подозрением посмотрела на него. Такой длинной фразы я от него еще ни разу не слышала. Потом я все-таки

посмотрела на пакет и открыла его. Там лежало нечто похожее на старые инструменты для садоводства.

– Я на днях видел, как ты копаешься с этим твоим совком. Я не знал наверняка, есть ли у тебя настоящие садовые инструменты, а этими никто не пользуется, поэтому...

– Спасибо, – поблагодарила я. Я была почти в шоке. У меня раньше был специальный садовый совок, но пластиковая ручка треснула, и от этого у меня на руке оставались мозоли. В прошлом году я попросила маму подарить мне садовые инструменты на день рождения, и когда она принесла мне большую лопату и тяпку, у меня не хватило духа сказать ей, что это совсем не то.

Атлас откашлялся и более тихим голосом продолжил:

– Я знаю, что это не настоящий подарок. Я это не купил. Но мне хотелось подарить тебе что-нибудь. Ты знаешь... за...

Он не договорил, поэтому я кивнула и снова завязала мешок.

– Как думаешь, ты сможешь поддержать их у себя до возвращения домой? В моем рюкзаке совсем нет места.

Атлас забрал у меня мешок, поднял рюкзак на колени и убрал туда инструменты. Он обхватил свой рюкзак и спросил:

– Сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

По его взгляду я поняла, что мой возраст его немного разочаровал, но вот почему?

– Ты в десятом классе?

Я кивнула, но, честно говоря, не могла ничего придумать, чтобы продолжить разговор. Я не слишком часто общалась с парнями. Особенно из старших классов. И когда я нервничаю, я просто замыкаюсь в себе.

– Не знаю, как долго я задержусь в этом доме, – сказал Атлас, снова понизив голос. – Но если тебе когда-нибудь понадобится помощь по саду или с чем-то еще после школы, то и тут от меня мало толку. Все равно у меня нет электричества.

Я рассмеялась и тут же засомневалась, не зря ли я рассмеялась над его самоуничижительным комментарием.

Остаток пути до школы мы говорили о тебе, Эллен. Когда он сказал, что скучает, я спросила, смотрел ли он когда-нибудь твое шоу. Он сказал, что хотел бы посмотреть, потому что считает тебя

забавной, но для телевизора нужно электричество. Еще одно замечание, над которым мне, наверное, не следовало бы смеяться.

Я сказала Атласу, что он может посмотреть шоу вместе со мной после школы. Я всегда записываю его на видео-магнитофон и смотрю, пока занимаюсь делами по дому. Я подумала, что могу просто запереть входную дверь на задвижку, и если родители вернуться раньше времени, то я успею выпустить Атласа через заднюю дверь.

Я не видела его до поездки из школы домой. На этот раз он не сел рядом, потому что Кэти вошла в автобус раньше него и села со мной. Я хотела попросить ее садиться на другое место, но тогда бы она подумала, что я влюбилась в Атласа. Кэти раззвонила бы об этом всем, поэтому я просто позволила ей сидеть рядом со мной.

Атлас сидел впереди, поэтому он вышел из автобуса раньше меня. Он как-то неловко стоял на остановке и ждал, пока я выйду. Когда я вышла, он открыл рюкзак и протянул мне пакет с инструментами. Он ничего не сказал относительно моего утреннего приглашения посмотреть вместе телевизор, поэтому я повела себя так, как будто мы обо всем договорились.

– Заходи, – пригласила я, открывая дверь. Он вошел, и я закрыла дверь на задвижку. – Если мои родители вернуться раньше, беги через заднюю дверь и сделай так, чтобы они тебя не увидели.

Атлас кивнул.

– Не волнуйся, я убегу, – пообещал он со смешком.

Я спросила, хочет ли он что-нибудь выпить, и он сказал, что да. Я сделала нам перекусить и принесла все вместе с напитками в гостиную. Я уселась на диван, Атлас устроился в кресле моего отца. Я включила шоу. Больше ничего не было. Мы почти не разговаривали, потому что я прокручивала всю рекламу. Но я заметила, что он смеялся во всех нужных местах. Я думаю, что чувство юмора – это одна из самых важных черт в человеке. Каждый раз, когда он смеялся твоим шуткам, я начинала чувствовать себя лучше из-за того, что впустила его в дом. Не знаю почему. Может быть, потому, что, если он окажется тем, с кем я могу дружить, я буду чувствовать себя менее виноватой.

Он ушел сразу после того, как твое шоу закончилось. Я хотела спросить, не нужно ли ему снова воспользоваться душем, но это бы

задержало его в доме почти до прихода родителей. Меньше всего мне хотелось, чтобы ему пришлось бежать из душа и через задний двор голышом.

Хотя это было забавно и ужасно.

– Лили

Дорогая Эллен!

Что ты творишь, женщина? Повторы? Целая неделя повторов? Я так понимаю, что тебе потребовался отпуск, но позволь мне предложить тебе кое-что. Вместо того чтобы записывать одно шоу в день, записывай два. Тогда ты сделаешь двойную работу за половину времени, и нам никогда не придется смотреть повторы.

Я говорю «мы», потому что речь идет обо мне и об Атласе. Он стал моим регулярным партнером по просмотру твоего шоу. Думаю, он любит тебя так же, как и я, но я никогда ему не скажу, что пишу тебе каждый день. Это ему покажется слишком девчачьим.

К настоящему времени он прожил в том доме уже две недели. Он еще несколько раз принимал душ в нашем доме, и я даю ему еду каждый раз, когда он заходит. Я даже стираю его одежду, пока он сидит у нас после школы. Он продолжает передо мной извиняться, как будто он тяжелая ноша. Но, честно говоря, мне это нравится. Он не дает мне думать о разных вещах, и на самом деле мне бы хотелось проводить с ним время после школы каждый день.

Вечером папа вернулся домой поздно, и это означало, что после работы он заходил в бар. И это означало, что он, вероятно, устроит скандал с моей матерью. И это означало, что он, вероятно, снова совершит какую-нибудь глупость.

Клянусь, иногда я так злюсь на нее за то, что она остается с ним. Я знаю, мне всего пятнадцать, и я, скорее всего, не понимаю всех причин, по которым она предпочитает остаться. Но я отказываюсь позволять ей использовать меня как предлог. Мне все равно, слишком ли она бедна, чтобы уйти от него, и придется ли нам переехать в убогую квартирку и питаться только лапшой рамен до того, как я окончу школу. Это все равно было бы лучше, чем это.

Сейчас я слышу, как он кричит на нее. Когда он становится таким, я иногда выхожу в гостиную, надеясь, что это его успокоит.

Ему не нравится бить ее в моем присутствии. Возможно, мне стоит попробовать этот способ.

– Лили

Дорогая Эллен!

Если бы у меня под рукой сейчас оказался нож или ружье, я бы его убила. Как только я вошла в гостиную, я увидела, как он толкает ее. Они стояли в кухне, мать схватила его за руку, пытаясь успокоить, а он ударил ее тыльной стороной руки, и мать упала на пол. Я почти уверена, что он собирался ударить ее ногой, но увидел, как я вошла в гостиную, и остановился. Он что-то процедил ей сквозь зубы, ушел в их спальню и захлопнул за собой дверь.

Я бросилась в кухню и попыталась помочь матери, но она никогда не хотела, чтобы я видела ее в таком состоянии. Она отмахнулась от меня и сказала:

– Я в порядке, Лили. Я в порядке, это была просто глупая ссора.

Она плакала, и я видела красноту на ее щеке в том месте, куда он ее ударил. Когда я подошла ближе к ней, желая убедиться, что с ней все в порядке, мать повернулась ко мне спиной и ухватила за рабочий стол.

– Я сказала, что со мной все в порядке, Лили. Возвращайся в свою комнату.

Я побежала по коридору, но в комнату не вернулась. Я выбежала через заднюю дверь и побежала через задний двор. Я ужасно злилась на мать за то, что она отделалась от меня. Мне не хотелось находиться в одном доме ни с одним из них. Не обращая внимания на наступившую темноту, я подбежала к дому, в котором жил Атлас, и постучала в дверь.

Я слышала, как он двигается внутри, как уронил что-то.

– Это я, Лили, – прошептала я. Через несколько секунд дверь запахнулась, Атлас посмотрел мне за спину, потом налево, направо. Только взглянув мне в лицо, он понял, что я плачу.

– Ты в порядке? – спросил он, выходя на крыльцо. Я вытерла своей рубашкой слезы и заметила, что он вышел на крыльцо вместо того, чтобы пригласить меня войти. Я села на ступеньку крыльца, Атлас сел рядом со мной.

– Я в порядке, – ответила я. – Я просто злюсь. Иногда я плачу, когда злюсь.

Атлас протянул руку и убрал мне волосы за ухо. Мне это понравилось, и я вдруг растеряла всю свою злость. Он обнял меня и прижал к себе так, что моя голова оказалась у него на плече. Не понимаю, как ему удалось меня успокоить, не произнеся ни слова, но он это сделал. Есть люди, одно лишь присутствие которых успокаивает, и он был одним из таких людей. Полная противоположность моего отца.

Мы посидели так немного, пока я не увидела, как в моей комнате зажегся свет.

– Тебе лучше вернуться, – прошептал Атлас. Мы оба видели мою маму, стоящую в комнате. Только в эту минуту я поняла, какой вид открывается Атласу на мою спальню.

Возвращаясь в дом, я пыталась вспомнить все то время, которое Атлас провел в брошенном доме. Ходила ли я по комнате при включенном свете после наступления темноты, ведь сплю я только в одной футболке?

Совершенное безумие, Эллен: я вроде как надеялась, что ходила.

– Лили

Я закрыла дневник, когда начали действовать обез-боливающие таблетки, решив почитать еще на следующий день. *Может быть, почитаю.* Когда я читала о том, как отец обычно обращался с моей матерью, у меня портилось настроение.

Когда я читала об Атласе, я загрустила.

Я попыталась заснуть, думать о Райле, но почему-то вся ситуация между ним и мной и разозлила меня, и опечалила.

Возможно, мне стоило подумать только об Алисе и о том, как мне повезло, что она появилась в моем будущем магазине. В следующие несколько недель подруга бы мне очень пригодилась, не говоря уже о помощнице. У меня появилось чувство, что они будут более стрессовыми, чем я предполагала.

Глава 5

Райл оказался прав. Потребовалось всего несколько дней, чтобы моя лодыжка пришла в норму, и я снова смогла нормально ходить. Но

все же я выждала целую неделю, прежде чем выйти из квартиры. Меньше всего на свете мне нужно было опять повредить щиколотку.

Разумеется, первым делом я отправилась в свой цветочный магазин. Алиса была там, когда я приехала. Сказать, что я была в шоке, когда вошла, это не сказать ничего. Помещение выглядело совершенно иначе, чем то, которое я купила. Работы оставалось еще много, но Алиса и Маршалл сумели избавиться от всего того, что мы обозначили как мусор. Все остальное было аккуратно сложено. Окна и полы помыли. Алисе даже удалось разобрать ту комнату, в которой я планировала сделать офис.

Я помогала ей в течение нескольких часов, но поначалу она не позволяла мне делать то, что требовало ходьбы, поэтому я большей частью занималась составлением планов для магазина. Мы выбрали краску для стен, наметили дату открытия, до которой оставалось примерно сорок пять дней. Когда Алиса ушла, я потратила несколько следующих часов, занимаясь тем, что она не позволила бы мне делать. Приятно было вернуться. Но как же я устала...

Вот почему я никак не могла решить, стоит ли мне встать с дивана и открыть дверь, в которую только что постучали. Люси опять ночевала у Алекса, с мамой я поговорила пять минут назад, поэтому я знала, что это не может быть никто из них.

Я подошла к двери и посмотрела в «глазок», прежде чем открыть ее. Сначала я его не узнала, потому что он стоял с опущенной головой, но когда он поднял ее, у меня сильнее забило сердце.

Зачем он пришел?

Райл постучал снова, и я попыталась смахнуть волосы с лица и пригладить их. Но это был напрасный труд. Я много работала и выглядела дерьмово, у меня не было получаса на душ, мейкап и переодевание, поэтому мне предстояло предстать перед ним как есть.

Я открыла дверь, и его мгновенная реакция смутила меня.

– Господи Иисусе. – Он уперся головой в дверной косяк. Райл дышал так, как будто только после тренировки, и в этот момент я заметила, что выглядел он ничуть не более отдохнувшим или чистым, чем я. На его лице была двухдневная щетина, да и волосы не были аккуратно причесаны. Они были в некотором беспорядке, взгляд был странным. – Ты даже не представляешь, в какое количество дверей я постучал, прежде чем найти тебя...

Я покачала головой, потому что действительно не представляла. Но когда он упомянул об этом, я задалась вопросом: *откуда, ради всего святого, он узнал, где я – живу?*

– Двадцать девять, – сказал он. Потом он поднял руки и показал цифры на пальцах, повторив шепотом:

– *Двадцать... девять.*

Я посмотрела на его одежду. Он был в медицинской форме. И мне *очень не понравилось*, что он был в медицинской форме именно в этот момент. *Черт бы его побрал.* Она шла ему больше, чем домашний комбинезон и *намного* больше, чем рубашка Burberry.

– Почему ты стучал в двадцать девять дверей? – поинтересовалась я, склонив голову к плечу.

– Ты мне не говорила, в какой квартире живешь, – сухо ответил он. – Ты сказала, что живешь в этом доме, но не помню, чтобы ты называла этаж. На самом деле я едва не начал с третьего этажа. Я был бы здесь уже час назад, если бы поверил своему внутреннему голосу.

– Почему ты пришел?

Райл провел рукой по лицу, а потом кивком указал на квартиру.

– Можно войти?

Я оглянулась через плечо и открыла дверь шире.

– Полагаю, да. Если скажешь мне, что тебе нужно.

Райл переступил через порог, и я закрыла за нами дверь. Он огляделся, одетый в свою дурацкую сексуальную форму, и упер руки в бока, стоя ко мне лицом. Он выглядел несколько разочарованным, но я не была уверена, разочарован он мной или самим собой.

– На подходе очень большая голая правда, согласна? – объявил он. – Приготовься.

Я сложила руки на груди и смотрела, как он набирает в грудь воздуха, собираясь заговорить.

– Ближайшие два месяца – самые важные месяцы в моей карьере. Я должен сосредоточиться. Моя ординатура подходит к концу, а потом мне надо будет сдать экзамены. – Райл мерил шагами гостиную, отчаянно жестикулируя. – Но последнюю неделю я не мог выбросить тебя из головы. Не знаю почему. На работе, дома я могу думать только об одном: как невероятно я себя чувствую рядом с тобой. Мне нужно это прекратить, Лили. – Райл остановился и посмотрел на меня. –

Пожалуйста, прекрати это. Только один раз будь со мной, и на этом все, я клянусь.

Мои ногти впились в ладони, пока я смотрела на него. Он все еще немного задыхался, глаза по-прежнему блуждали, но он с мольбой смотрел на меня.

– Когда ты спал в последний раз? – спросила я.

Райл округлил глаза, как будто досадуя на то, что я его не понимаю.

– Я только что после двух суток дежурства, – он сказал это так, как будто отмахнулся от меня. – *Сосредоточься*, Лили.

Я кивнула и повторила про себя его слова. Если бы я не знала наверняка... Я бы подумала, что он...

Я сделала вдох, чтобы успокоиться.

– Райл, – осторожно начала я. – Ты действительно только что постучался в двадцать девять дверей, чтобы сказать мне, что мысли обо мне превратили твою жизнь в ад и что мне следует переспать с тобой, чтобы тебе больше никогда не пришлось думать обо мне? Ты что, *издеваешься* сейчас надо мной?

Он сжал губы и, поразмыслив секунд пять, медленно кивнул:

– Ну... да. Но... в твоём исполнении это звучит намного хуже.

Я раздраженно рассмеялась:

– Все потому, что это смехотворно, Райл.

Он закусил нижнюю губу и оглядел комнату, как будто ему неожиданно захотелось сбежать. Я открыла дверь и жестом пригласила его на выход. Но он остался стоять. Его взгляд упал на мои ступни.

– Твоя лодыжка выглядит неплохо, – сказал Райл. – Как она?

Я округлила глаза:

– Лучше. Сегодня я впервые смогла помочь Алисе в магазине.

Райл кивнул, потом сделал вид, что собирается – выйти. Но как только он оказался рядом со мной, он развернулся ко мне и уперся ладонями в стену по обе стороны от моей головы. Я задохнулась и от его близости, и от его настойчивости.

– Пожалуйста... – попросил он.

Я покачала головой, хотя мое тело начало сдаваться и умолять мой разум передумать.

– Я действительно хорош в этом, Лили. – Райл усмехнулся. – Тебе практически ничего не придется делать.

Я постаралась не рассмеяться, но его упорство было настолько же милым, насколько и раздражающим.

– Спокойной ночи, Райл.

Он опустил голову и покачал ею. Оттолкнувшись от двери, он выпрямился. Райл почти развернулся, направляясь к коридору, но вдруг упал передо мной на колени и обнял меня руками за талию.

– Пожалуйста, Лили, – попросил он с самоуничижительным смехом. – *Пожалуйста*, займись со мной сексом. – Райл смотрел на меня щенячьим взглядом, с жалкой, полной надежды улыбкой. – Я так тебя хочу, так отчаянно. Клянусь. После того как ты со мной пересподишь, ты больше никогда обо мне не услышишь. Обещаю.

Было что-то такое в нейрохирурге, стоявшем передо мной на коленях и умолявшем о сексе, что меня тронуло. *Это просто смешно.*

– *Встань*, – приказала я, отталкивая его руки. – Ты выставляешь себя на посмешище.

Райл медленно поднялся, провел руками по двери по обе стороны от меня, пока я не оказалась как будто в клетке.

– Это означает «да»? – Его грудь едва касалась моей, и я ненавидела себя за то, что мне было так приятно его отчаянное желание. Мне следовало бы почувствовать отторжение, но я едва могла дышать, когда смотрела на него. Особенно когда на его лице появилась двусмысленная улыбка.

– В данный момент я совершенно не чувствую себя сексуальной, Райл. Я работала весь день, я вымотана. От меня пахнет потом, а на вкус я как пыль. Если ты дашь мне время сначала принять душ, то я, возможно, почувствую себя достаточно сексуальной, чтобы заняться с тобой сексом.

Он быстро закивал, когда я еще не договорила.

– Иди в душ. Не спеши. Я подожду.

Я оттолкнула его и закрыла входную дверь. Райл пошел следом за мной в спальню, и я сказала ему, чтобы он ждал меня на кровати.

К счастью, накануне вечером я привела спальню в порядок. Обычно моя одежда валяется всюду, книги скапливаются на прикроватной тумбочке, обувь и бюстгалтеры почему-то не добираются до шкафа. Но в этот вечер все было чисто. Я даже кровать убрала, украсив ее уродливыми стегаными подушками, которые бабушка передала всем членам нашей семьи.

Я быстро оглядела комнату, просто чтобы убедиться в том, что ему на глаза не попадется что-то неподобающее. Райл сел на кровать, и я видела, что он осматривает пространство вокруг себя. Я остановилась на пороге ванной и в последний раз попыталась его выпроводить.

– Ты говоришь, что после этого все прекратится, Райл, но сразу предупреждаю тебя. Я как наркотик. Если сегодня вечером ты займешься со мной сексом, для тебя все станет только хуже. Но один раз – это все, что ты получишь. Я отказываюсь становиться одной из многих девушек, которые – как ты это сказал той ночью? – *удовлетворяют твои потребности.*

Райл откинулся на локти.

– Ты не такая девушка, Лили. А я не тот парень, которому кто-то нужен больше, чем на один раз. Нам не о чем волноваться.

Я закрыла за собой дверь ванной, гадая, как этому парню удалось меня уговорить.

Все дело было в медицинской форме. Это моя слабость. К нему это не имело никакого отношения.

Интересно, он мог бы остаться в форме во время секса?

* * *

Я никогда не тратила более получаса, чтобы привести себя в порядок, но прошел почти час, пока я закончила в ванной. Я побрила больше частей тела, чем, вероятно, требовалось. Двадцать минут у меня ушло на то, чтобы успокоиться и отговорить себя от того, чтобы открыть дверь и приказать ему убираться. Но мои волосы высохли, я была чище, чем когда бы то ни было. Я решила, что могу сделать это. Я могу позволить себе одноразовый секс. Мне двадцать три года.

Я открыла дверь, и Райл все еще лежал на моей кровати. Я с некоторым разочарованием увидела, что форменная рубашка валяется на полу, но брюк я там не увидела. Должно быть, он все еще в них. Он лежал под одеялом, и я не видела, в чем он.

Я закрыла дверь ванной и стала ждать, чтобы он перевернулся и посмотрел на меня. Но он этого не сделал. Я подошла ближе, и только тут заметила, что он храпит.

И это был не легкий храп (*ох, прости, я неожиданно заснул*). Нет, это был настоящий храп крепко спящего человека.

– Райл? – шепотом окликнула я его. Он не проснулся даже после того, как я потрясла его.

Должно быть, он надо мной издевается.

Я бросилась на кровать, не заботясь о том, что могу его разбудить. Я только что провела целый час, готовя себя для него, вымотавшись за день, а он вот так вот отнесся к этому вечеру?

Но я не могла на него сердиться, особенно когда увидела, каким умиротворенным он выглядит. Я представить не могла, каково это – отработать сорок восемь часов подряд. И потом у меня очень удобная кровать. Настолько удобная, что человек в ней может заснуть даже после полноценного ночного сна. *Мне следовало предупредить его об этом.*

Я посмотрела время на моем телефоне. Было почти половина одиннадцатого. Я поставила телефон в беззвучный режим и легла рядом с Райлом. Его телефон лежал на подушке рядом с его головой, поэтому я схватила его и включила камеру. Подержав телефон над нами и убедившись в том, что мое декольте выглядит наилучшим образом, я сделала снимок, чтобы он увидел, что он пропустил.

Я выключила свет и рассмеялась про себя, потому что я собиралась заснуть рядом с полуобнаженным мужчиной, с которым я даже никогда не целовалась.

* * *

Я не успела открыть глаза, когда почувствовала, как его пальцы провели по моей руке. Я подавила улыбку и сделала вид, что все еще сплю. Его пальцы добрались до моего плеча, остановились на ключице, а потом коснулись шеи. На этом месте у меня татуировка, я сделала ее в колледже. Это просто очертания сердца, слегка открытого в верхней части. Я чувствовала, как его пальцы обводят тату, а потом он нагнулся и прижался к ней губами. Я еще крепче зажмурила глаза.

– Лили, – прошептал Райл, обнимая меня за талию. Я еле слышно застонала, пытаюсь проснуться, а потом перекадилась на спину, чтобы смотреть на него. Когда я открыла глаза, Райл смотрел на меня. Поэтому, как солнце светило в мои окна и на его лицо, я поняла, что еще нет семи утра.

– Я самый презренный из мужчин, которых ты когда-либо встречала. Я прав?

Я засмеялась и едва заметно кивнула:

– Ты невероятно близок к истине.

Райл улыбнулся и убрал волосы с моего лица. Нагнувшись, он прижался губами к моему лбу, и мне не понравилось, что он сделал только это. После этого мне придется страдать от бессонницы по ночам, потому что я стану прокручивать в голове это воспоминание.

– Я должен идти, – сказал Райл. – Я уже опаздываю. Во-первых, прости меня. Во-вторых, я никогда не сделаю этого снова. Ты видишь меня в последний раз, обещаю. И, в-третьих, мне *по-настоящему* жаль. Ты даже не представляешь насколько.

Я выдавила улыбку, но мне хотелось хмуриться, потому что мне совершенно не понравилось это его «во-вторых». Я вовсе даже не возражала, чтобы он попробовал уговорить меня снова, но потом я напомнила себе, что мы хотим от жизни противоположных вещей. И даже хорошо, что он уснул и мы даже не поцеловались. Потому что, если бы мы с ним занялись сексом, пока он был в медицинской форме, это я бы появилась у его дверей на коленях, умоляя о большем.

Все к лучшему. Срываем пластырь и отпускаем его.

– Пусть у тебя будет хорошая жизнь, Райл. Желаю тебе добиться всех возможных успехов.

Он не ответил на мои прощальные слова. Он молча смотрел на меня, как будто слегка нахмурившись, но потом сказал:

– Ага. И тебе того же, Лили.

После этого он откатился от меня и встал. Я даже не могла смотреть на него в этот момент, поэтому я повернулась на бок, спиной к нему. Я слышала, как он надевает обувь, потом тянется за телефоном. После долгой паузы он зашевелился снова, и я знала, что он смотрел на меня. Я не открывала глаз до той минуты, пока не услышала, как захлопнулась входная дверь.

У меня моментально запыхало лицо, но я запретила себе плакать. Я заставила себя встать с кровати. У меня была работа. Я не могла расстраиваться из-за того, что я не настолько хороша, чтобы заставить парня пересмотреть свои жизненные цели.

И потом у меня были собственные цели в жизни, чтобы о них беспокоиться. И эти цели меня возбуждали. Поэтому, как бы там ни было, у меня все равно не было времени для парня в моей жизни.

Ни минуты.

Нет.

Деловая девушка, что тут скажешь.

Я была смелой и отважной бизнес-леди, которой некогда трахать мужчин в медицинской форме.

Глава 6

Прошло пятьдесят три дня после того, как Райл вышел из моей квартиры тем утром. Это означало, что я не видела его пятьдесят три дня.

Но в этом не было ничего страшного, потому что эти пятьдесят три дня я была слишком занята, чтобы думать о нем, так как я готовилась к этому моменту.

– Готова? – спросила Алиса.

Я кивнула, и она повернула табличку с надписью «Открыто». Мы обнялись и обе завизжали как маленькие.

Мы побежали за прилавок и стали ждать нашего первого покупателя. Открытие было негромким, маркетингом я пока не занималась, но нам хотелось убедиться, что не осталось никаких недочетов перед «большим» открытием.

– Здесь очень красиво, – оценила Алиса, любуясь результатами нашей работы. Я с гордостью огляделась. Разумеется, я хотела преуспеть, но в этот момент я даже не была уверена, что это имеет значение. У меня была мечта, я изо всех сил старалась, чтобы она осуществилась. Что бы ни произошло после этого дня, это будет всего лишь глазурь на торте.

– У нас очень вкусно пахнет, – сказала я. – *Обожаю* этот запах.

Я не знала, заглянет ли к нам хотя бы один клиент, но мы обе вели себя так, как будто это было лучшее, что происходило с нами. Поэтому я не думала, что это имеет значение. И потом в какой-то момент обязательно зайдет Маршалл, и моя мама после работы тоже заглянет. Это два верных клиента. Ну и достаточно.

Когда начала открываться входная дверь, Алиса сжала мой локоть. Я вдруг запаниковала немного: вдруг что-то пойдет не так?

А потом я запаниковала по-настоящему, потому что кое-что действительно пошло не так. Совершенно не так. Моим первым покупателем оказался Райл Кинкейд.

Он остановился. Когда дверь за его спиной закрылась, он с восхищением огляделся.

– Как? – спросил он. – Как вы?.. – Райл снова посмотрел на меня и на Алису. – Это невероятно. Такое ощущение, что это другое помещение!

Ладно, может быть, мне не стоило расстраиваться, что именно он стал первым покупателем.

У него ушло несколько минут, чтобы добраться до прилавка, потому что он все трогал и рассматривал. Когда Райл наконец дошел до нас, Алиса выбежала из-за прилавка и обняла его.

– Правда красиво? – спросила она и указала на меня. – Это была ее идея. Вся целиком. Я только помогала с черной работой.

Райл рассмеялся:

– Мне трудно поверить в то, что твое увлечение пинтерестом не сыграло никакой роли.

Я кивнула:

– Алиса просто скромничает. Ее навыки гарантировали воплощение этих идей в жизнь.

Райл улыбнулся мне, но с тем же успехом он мог вонзить нож мне в грудь, потому что *ой*.

Он хлопнул ладонями по прилавку и сказал:

– Итак, я первый официальный клиент?

Алиса протянула ему одну из наших листовок.

– Тебе придется что-то купить, чтобы считаться покупателем.

Райл проглядел листовку и положил ее на прилавок. Он подошел к одной из композиций и схватил вазу, полную фиолетовых лилий.

– Я хочу вот эти, – объявил он, ставя цветы на прилавок.

Я улыбнулась, гадая, знал ли он, что только что выбрал лилии. В этом была какая-то ирония.

– Хочешь, чтобы мы доставили их по какому-то адресу? – спросила Алиса.

– Вы, ребята, еще и доставляете?

– Мы с Алисой нет, – ответила я. – У нас есть водитель-курьер на всякий случай. Мы не были уверены, что сегодня он нам понадобится.

– Ты покупаешь это для девушки? – поинтересовалась Алиса. Она сунула нос в любовную жизнь брата, как сделала бы это любая сестра,

но я поймала себя на том, что подошла к ним ближе, чтобы лучше услышать его ответ.

– Да. – Райл встретился со мной взглядом и добавил: – Хотя я о ней почти не думаю. Практически никогда.

Алиса схватила карточку и подвинула ее брату.

– Бедняжка, – посочувствовала она неизвестной девушке. – Ты такой мудака. – Она побарабанила пальцами по карточке. – Напиши ей вот на этой стороне, а на другой стороне оставь адрес, по которому надо доставить цветы.

Я смотрела, как Райл наклоняется над карточкой и пишет на обеих сторонах. Я знала, что не имею на это права, но меня мучила ревность.

– Ты приведешь эту девушку на мой день рождения в пятницу? – спросила брата Алиса.

Я пристально наблюдала за его реакцией. Но он только покачал головой и сказал:

– Нет. А ты придешь, Лили?

По его голосу я не сумела понять, надеется он, что я приду, или надеется, что не приду. Принимая во внимание тот стресс, которому я его как будто подвергала, то полагаю, что второе.

– Я еще не решила.

– Она придет, – ответила за меня Алиса, посмотрела на меня и сощурилась. – Ты придешь на мою вечеринку, хочешь ты этого или нет. Если не появишься, я уволюсь.

Закончив писать, Райл сунул карточку в конверт, прикрепленный к цветам. Алиса пробила чек, и он заплатил наличными. Он отсчитывал деньги и смотрел на меня.

– Лили, ты слышала про традицию помещать под стекло первый заработанный доллар?

Я кивнула. *Разумеется*, я об этом знала. И он *знал*, что мне это известно. Он только что дал мне понять, что это его доллар будет висеть в рамочке на стене до конца существования этого магазина. Я едва не попросила Алису отдать ему цветы бесплатно, но вспомнила, что бизнес есть бизнес. Мне пришлось унять свою уязвленную гордость.

Как только Райл получил чек, он постучал кулаком по прилавку, чтобы привлечь мое внимание. Слегка наклонив голову, он произнес с искренней улыбкой:

– Мои поздравления, Лили.

Он развернулся и вышел из магазина. Как только дверь за ним закрылась, Алиса схватила конверт.

– Кому, черт подери, он посылает цветы? – сказала она, вытаскивая карточку. – Райл *никогда* не посылает цветы.

Она прочла вслух текст.

– «Прекрати это».

Проклятье.

Алиса какое-то время смотрела на карточку, повторяя фразу:

– *Прекрати это?* Что это может значить?

Я не могла больше выносить это ни одной секунды. Схватила карточку и перевернула ее. Алиса нагнулась и прочла адрес вместе со мной.

– Ну что за идиот, – рассмеялась она. – Райл написал адрес нашего цветочного магазина. – Алиса взяла карточку у меня из рук.

Вау.

Райл только что купил мне цветы. И не просто *ка-кие-то* цветы. Он купил мне букет лилий.

Алиса взяла свой телефон.

– Сейчас напишу ему сообщение и скажу, что он облажался. – Она отправила сообщение брату, а потом снова рассмеялась, глядя на цветы. – Ну как нейрохирург может быть таким *дурачиной?*

Я не могла перестать улыбаться. У меня отлегло от сердца, потому что Алиса смотрела на цветы, а не на меня, иначе бы она легко обо все догадалась.

– Я поставлю их в моем офисе, пока мы не пойдем, по какому адресу он собирался их отправить, – сказала я, взяла вазу и быстро унесла мои цветы.

Глава 7

– Прекрати дергаться, – сказал Девин.

– Я не дергаюсь.

Он продел свою руку под мой локоть и повел меня к лифту.

– Нет, дергаешься. Если ты подтянешь этот твой топ спереди еще раз, ты полностью «убьешь» эффект от твоего маленького черного платья. – Девин схватил мой топ и одернул его, а потом сунул руку в мое декольте, чтобы поправить бюстгальтер.

– Девин! – Я шлепнула его по руке, и он рассмеялся.

– Расслабься, Лили. Я касался куда лучших сисек, чем твои, и я все еще гей.

– Ага, но держу пари, что эти сиськи прилагались к тем, с кем ты встречался куда чаще, чем раз в полгода.

Девин рассмеялся:

– Ты права, но отчасти ты сама в этом виновата. Это ты нас бросила, чтобы играть с цветами.

Девин был одним из самых любимых моих коллег в маркетинговой фирме, где я раньше работала, но все же мы не были настолько близки, чтобы активно общаться вне работы. Днем он заглянул в цветочный магазин, и Алиса почти мгновенно прониклась к нему симпатией. Она уговаривала его прийти на вечеринку вместе со мной. А так как я не хотела появляться в одиночестве, я тоже попросила его прийти.

Я пригладила руками волосы и попыталась поймать свое отражение в стене лифта.

– Почему ты так нервничаешь? – спросил Девин.

– Я не нервничаю. Я просто терпеть не могу ходить в гости туда, где я никого не знаю.

Девин понимающе хмыкнул и спросил:

– Как его зовут?

Я сокрушенно выдохнула. *Неужели я до такой степени прозрачна?*

– Райл. Он нейрохирург. И ему очень, очень хочется заняться со мной сексом.

– Откуда ты знаешь, что он этого хочет?

– Потому что он в прямом смысле упал передо мной на колени и сказал: «*Пожалуйста, Лили. Пожалуйста, займись со мной сексом*».

Девин поднял бровь:

– Он тебя умолял?

Я кивнула:

– Все выглядело не так жалко, как кажется. Обычно он более сдержанный.

Раздался звонок лифта, двери начали открываться. Я услышала музыку, льющуюся в холл. Девин взял обе мои руки в свои и спросил:

– Итак, каков наш план? Я должен заставить этого парня ревновать?

– Нет. – Я покачала головой. – Это было бы неправильно. – Но... При каждой нашей встрече Райл обязательно говорит мне, что надеется никогда больше меня не увидеть. – Может быть, немного? – Я сморщила нос. – Капельку?

– Считаю, договорились. – Девин щелкнул зубами, положил руку мне на поясницу и повел прочь от лифта. В холле была только одна дверь, поэтому мы подошли к ней и постучали.

– Почему здесь только одна дверь? – поинтересовался Девин.

– Алисе принадлежит весь этаж.

Он щелкнул языком:

– И она работает на *тебя*? Черт, твоя жизнь становится все интереснее и интереснее.

Дверь начала открываться, и я с облегчением увидела перед собой Алису. В квартире звучала музыка и слышался смех. В одной руке она держала бокал с шампанским, а в другой был хлыст для верховой езды. Она заметила, что я смущенно смотрю на хлыст, бросила его через плечо и схватила меня за руку.

– Это долгая история, – со смехом сказала она. – Входите, входите!

Алиса втянула меня внутрь, я сжала руку Девина и потащила его за собой. Она продолжала вести нас через толпу, пока мы оказались на противоположном конце гостиной.

– Эй! – Она потянула за руку Маршалла. Тот повернулся и улыбнулся мне, потом притянул к себе, чтобы обнять. Я посмотрела за его спину, оглядела комнату, но Райла нигде не было. *Может быть, мне повезло, и его вызвали на работу этим вечером.*

Маршалл протянул руку Девину, они обменялись рукопожатием.

– Привет, парень! Рад с тобой познакомиться!

Девин обнял меня за талию.

– Я Девин! – проорал он, перекрывая музыку. – Я сексуальный партнер Лили!

Я рассмеялась и ткнула его локтем в бок, а потом нагнулась к его уху:

– Это Маршалл. Не тот парень, но получилось здорово.

Алиса схватила меня за руку и потянула меня прочь от Девина. Маршалл заговорил с ним, а меня утащили в противоположном направлении.

– С тобой все будет в порядке! – крикнул Девин.

Я последовала за Алисой в кухню, где она вложила мне в руку бокал с шампанским.

– Выпей! – приказала она. – Ты этого заслужи-ваешь!

Я сделала глоток шампанского, но даже не сумела оценить его вкус, потому что увидела ее кухню промышленных размеров с двумя «островками» и холодильником, который был больше моей квартиры.

– Ничего себе! – прошептала я. – Ты на самом деле здесь живешь?

Она хихикнула:

– Понимаю тебя. И подумать только, мне даже не пришлось выходить за него ради денег. Когда я в него влюбилась, у Маршалла было семь долларов и ездил он на «Форде пинто».

– Но он же больше не ездит на «Форде пинто»?

Алиса вздохнула:

– Нет. Но с этой машиной у нас связано столько хороших воспоминаний.

– Понятно.

Алиса вскинула брови:

– Что ж... Девин милый.

– И, вероятно, Маршалл больше в его вкусе, чем я.

– Ну надо же, – ахнула Алиса. – Вот это облом. А я-то решила, что играю роль свахи, когда пригласила его на свою вечеринку.

Дверь кухни распахнулась, и вошел Девин.

– Твой муж тебя ищет, – обратился он к Алисе. Она выбежала из кухни, хихикая на ходу.

– Она мне действительно понравилась, – сказал – Девин.

– Алиса замечательная, правда?

Он прислонился к «островку».

– Кажется, я только что встретил Стоявшего-на-коленях.

Мое сердце затрепетало. Пожалуй, прозвище Нейрохирург подходило ему больше.

– Как ты понял, что это он? Он представился?

Девин покачал головой:

– Не-а, но он слышал, как Маршалл представил меня кому-то как «парня Лили». Я думал, что он испепелит меня взглядом. Поэтому я пришел сюда. Ты мне нравишься. Но не настолько, чтобы умереть за тебя.

Я рассмеялась:

– Не беспокойся. Уверена, что убийственный взгляд, который он на тебя бросил, был на самом деле его улыбкой. В большинстве случаев они неотделимы друг от друга.

Дверь снова распахнулась, и я мгновенно застыла, но это был всего лишь поставщик еды. Я с облегчением выдохнула.

– *Лили!* – В голосе Девина я услышала разочарование.

– Что?

– Ты выглядишь так, будто тебя вот-вот стошнит, – обвиняюще сказал он. – Видно, парень действительно тебе нравится.

Я округлила глаза. Но потом я опустила плечи и изобразила плач.

– Да, Девин. Просто я этого *не хочу*.

Он взял у меня бокал, допил остатки шампанского, потом снова подхватил меня под руку.

– Пойдем, пообщаемся, – предложил он и против моей воли потащил из кухни.

Народа в гостиной еще прибавилось. Там было больше ста человек. Пожалуй, у меня не набралось бы такого количества даже просто знакомых.

Мы обошли гостиную. Я держалась сзади, разговор вел Девин. У него находились общие знакомые со всеми, к кому мы подходили. Примерно через полчаса следования по пятам за Двином я поняла, что у него была своя игра: найти общих знакомых со всеми присутствующими. Пока мы общались таким образом, половина моего внимания была занята поисками следов Райла. Я его нигде не видела и начала гадать, Райла ли на самом деле видел Девин.

– Это странно, – сказала какая-то женщина. – Как, по-вашему, что это такое?

Я подняла глаза и увидела, что она смотрит на художественное произведение на стене. Оно выглядело как фотография крупным планом, перенесенная на холст. Я склонила голову к плечу, чтобы рассмотреть получше. Женщина задрала нос и заявила:

– Не знаю, зачем кому-то понадобилось превращать фотографию в настенное искусство. Это ужасно. Все так размыто, невозможно понять, что это.

Женщина в раздражении отошла, и я испытала облегчение. Ну... Это немного странно, но кто я такая, чтобы оценивать вкусы Алисы?

– Что ты об этом думаешь?

Его низкий глубокий голос прозвучал у меня за спиной. Я на мгновение закрыла глаза, вдохнула, чтобы успокоиться, выдохнула, надеясь, что он не заметит, как на меня подействовал его голос.

– Мне нравится. Я не знаю наверняка что это, но это интересно. У твоей сестры хороший вкус.

Райл обошел меня, встал рядом лицом ко мне, потом сделал еще шаг, оказавшись настолько близко, что касался моей руки.

– Ты привела своего парня?

Вопрос прозвучал непринужденно, но я знала, что это не так. Я не ответила, и тогда Райл нагнулся к моему уху. Он повторил свои слова, но на этот раз утвердительно.

– Ты привела *своего парня*.

Я нашла в себе смелость посмотреть на него и мгновенно пожалела об этом. Он был в черном костюме, по сравнению с которым медицинская форма выглядела детской игрой. Для начала я сглотнула неожиданно появившийся комок в горле, а потом сказала:

– Для тебя это проблема? – Я отвела от него взгляд и снова посмотрела на фотографию на стене. – Я пыталась упростить для тебя ситуацию. Ты же понимаешь. Я просто пыталась *это прекратить*.

Райл фыркнул и допил остававшееся в его стакане вино.

– Как *предусмотрительно* с твоей стороны, Лили. – Он выбросил пустой стакан в мусорную корзину в углу комнаты. Он попал в корзину, но она была пуста, и стакан разбился, когда упал на дно. Я оглянулась, но никто не обратил внимания на то, что случилось. Когда я снова посмотрела на Райла, он уже шел по коридору. Он скрылся в комнате, а я осталась стоять, снова глядя на фотографию.

И тут я это увидела.

Изображение было размытым, поэтому сразу разобраться было трудно. Но эти волосы я бы узнала всюду. Это были *мои* волосы. Невозможно было ошибиться, особенно в сочетании с шезлонгом из полимера для судостроения, на котором я лежала. *Именно этот*

снимок он сделал на крыше в ту ночь, когда мы впервые встретились с ним. Он, должно быть, увеличил снимок и сделал изображение размытым, чтобы никто не понял, что это такое. Я коснулась рукой шеи, потому что мне показалось, будто у меня закипела кровь. В гостиной было по-настоящему жарко.

Рядом со мной появилась Алиса.

– Странный снимок, правда? – сказала она, глядя на него.

Я почесала грудь.

– Здесь слишком жарко, – сказала я. – Тебе не кажется?

Алиса огляделась:

– В самом деле? Я не заметила, но я немного пьяна. Я скажу Маршаллу, чтобы он включил кондиционер.

Она снова исчезла. Чем больше я смотрела на фотографию, тем больше злилась. Парень повесил мою фотографию в своей квартире. Он купил мне цветы. Ему было неприятно, что я привела парня на вечеринку его сестры, и он этого не скрывал. Он вел себя так, как будто между нами действительно что-то было. А мы даже не целовались.

На меня нахлынуло все сразу. Гнев... Раздражение... Полбокала шампанского, которое я выпила на кухне. Я была так зла, что не могла даже думать нормально. Если парню настолько сильно хотелось заняться со мной сексом... то ему не следовало засыпать! Если ему хотелось, чтобы я исчезла из его жизни, тогда нечего было присылать мне цветы! И ему определенно не следовало вешать мою фотографию там, где он жил!

Больше всего на свете мне нужен был свежий воздух. К счастью, я знала, где его найти.

Через несколько мгновений я уже выбежала на крышу. На крыше оказались отколовшиеся от вечеринки гости. Трое из них сидели в шезлонгах. Я их проигнорировала и подошла к парапету в том месте, откуда открывался красивый вид, и облокотилась на него. Я сделала несколько глубоких вдохов и попыталась успокоиться. Мне хотелось спуститься вниз и сказать Райлу, чтобы он наконец принял решение. Но я понимала, что сделать это я могу только с ясной головой.

Воздух был холодным, и по какой-то причине я винила в этом Райла. В этот вечер он был виноват во всем. *Во всем*. Войны, голод, бессмысленная стрельба, все каким-то образом было связано с Райлом.

– Не могли бы вы ненадолго оставить нас наедине?

Я развернулась. Райл стоял рядом с другими гостями. Все трое кивнули и начали подниматься, чтобы уйти. Я подняла руки и сказала:

– Подождите! – Но никто из них не посмотрел на меня. – В этом нет необходимости. В самом деле, вам незачем уходить.

Райл сохранял невозмутимость, стоял, сунув руки в карманы, когда один из гостей пробормотал:

– Ничего, мы не против.

Они направились друг за другом к лестнице. Я округлила глаза и, как только мы с Райлом остались наедине, сразу развернулась обратно к парапету.

– Все всегда делают то, что ты скажешь? – раздраженно поинтересовалась я.

Он не ответил. Я слышала его медленные уверенные шаги, приближавшиеся ко мне. У меня бешено застучало сердце, и я снова принялась чесать грудь.

– Лили, – раздался его голос у меня за спиной.

Я развернулась и, отведя обе руки назад, ухватила за парапет. Его глаза путешествовали по моему декольте. Я мгновенно дернула платье вверх, чтобы ему не на что было смотреть, а потом снова схватила за парапет. Райл рассмеялся и сделал еще шаг ко мне. Мы уже почти касались друг друга, и мой мозг превратился в кашу. Это было нелепо. Я была нелепой.

– У меня такое чувство, будто ты многое хочешь мне сказать, – сказал он. – Поэтому я предпочел предоставить тебе возможность выложить твою голую правду.

– Ха! Ты в этом уверен?

Райл кивнул, и я приготовилась выложить ему все. Я толкнула его в грудь, обошла его. Теперь он стоял, прислонившись к парапету.

– Я не могу сказать то, что тебе *хочется* услышать, Райл! И каждый раз, когда мне наконец удается забыть о тебе, ты появляешься снова как будто из ниоткуда! Ты приходишь в мой магазин, ты появляешься на пороге моей квартиры, ты оказываешься на вечеринке, ты...

– Я здесь живу, – ответил он на последнее обвинение. Это рассердило меня еще сильнее. Я сжала кулаки.

– Уф! Ты сводишь меня с ума! Ты хочешь меня или *нет*?

Райл выпрямился и сделал шаг ко мне.

– О, я хочу тебя, Лили. Не сомневайся в этом. Я просто *не хочу* хотеть тебя.

Все мое тело вздохнуло при этих его словах. Частично от досады, частично от того, что все его слова вызывали во мне дрожь. И мне

совсем не нравилось, что я позволяла ему вызывать во мне такие чувства.

Я покачала головой.

– Ты не понимаешь, так? – Я понизила голос. Я чувствовала себя слишком расстроенной, чтобы продолжать кричать на него. – Ты мне нравишься, Райл. И знание того, что ты хочешь от меня всего лишь свидания на одну ночь, очень и очень печалит меня. Возможно, случись это несколько месяцев назад, мы бы просто переспали и все было бы в порядке. Ты бы ушел, и я бы продолжала жить своей жизнью. Но сейчас все иначе. Ты слишком долго ждал, и теперь я слишком много вложила в тебя, поэтому, пожалуйста, прекрати флиртовать со мной. Прекрати развешивать мои фото в твоей квартире. И прекрати присылать мне цветы. Потому что когда ты это делаешь, это *неправильно*, Райл. Мне от этого больно.

У меня было такое чувство, будто из меня выкачали воздух, у меня не осталось сил. И я была готова уйти. Райл молча смотрел на меня, и из уважения я дала ему время ответить. Но он этого не сделал. Он просто развернулся, оперся на парапет и посмотрел вниз на улицу, как будто не слышал ни единого слова из того, что я произнесла.

Я прошла по крыше и открыла дверь. Какая-то часть меня ждала, что Райл меня окликнет или попросит остаться. Я проделала весь путь до квартиры, прежде чем потеряла всякую надежду на то, что это случится. Я протолкалась через толпу в гостиную, заглянула в три другие комнаты, пока нашла Девина. Когда он увидел выражение моего лица, он только кивнул и направился ко мне.

– Уходим? – спросил он, беря меня под руку.

Я кивнула:

– Да. Мне определенно *пора*.

Мы нашли Алису в главной гостиной. Я попрощалась с ней и Маршаллом, объяснив, что совершенно без сил после недели перед открытием и мне бы хотелось выспаться. Алиса обняла меня и проводила до входной двери.

– В понедельник я буду в магазине, – сказала она и поцеловала меня в щеку.

– С днем рождения! – еще раз поздравила я ее. Девин открыл дверь, но в ту минуту, когда мы собирались переступить через порог, я услышала, как кто-то выкрикивает мое имя.

Я обернулась. Расталкивая гостей, с другого конца гостиной к нам шел Райл.

– Лили, подожди! – снова крикнул он, пытаясь пробраться ко мне. Мое сердце сбилось с ритма. Он шел быстро, обходя гостей, и каждый человек на его пути только усиливал его досаду. Наконец Райл добрался до просвета в толпе и снова встретился со мной взглядом. Он не отводил глаз, пока шел ко мне. Шаг он не замедлил, и Алисе пришлось уступить ему дорогу, так как он направлялся прямо ко мне. Поначалу я подумала, что он собрался поцеловать меня или хотя бы как-то отреагировать на все то, что я сказала ему наверху. Но вместо этого он сделал то, чего я от него никак не ожидала. Он подхватил меня на руки.

– Райл! – закричала я, обхватывая его за шею, боясь, что он меня уронит. – Поставь меня! – Одной рукой он держал меня под коленями, другой под спину.

– Мне нужно позаимствовать у тебя Лили на эту ночь, – обратился он к Девину. – Ты не возражаешь?

Я посмотрела на Девина и покачала головой, выразительно глядя на него. Девин только фыркнул и ответил:

– Ни в коем случае.

Предатель!

Райл развернулся и пошел обратно в гостиную. Я посмотрела на Алису, когда он проносил меня мимо нее. Ее глаза расширились от смущения.

– Я убью твоего брата! – крикнула я ей.

На нас уже смотрели собравшиеся. Мне было настолько неловко, что я уткнулась лицом в грудь Райла, пока он нес меня по коридору в свою спальню. Как только за нами захлопнулась дверь, он медленно поставил меня на пол. Я тут же принялась на него орать и попыталась оттолкнуть его с дороги, но он развернул меня, прислонил спиной к двери и схватил меня за оба запястья. Прижав их к двери у меня над головой, он произнес:

– Лили?

Он смотрел на меня так пристально, что я перестала отбиваться и затаила дыхание. Его грудь прижималась к моей, пригвозждая меня к двери. И теплые губы Райла оказались на моих губах.

Несмотря на таившуюся в них силу, они были как шелк. Я была поражена, когда его стон пробежал по моему телу, и поразила еще больше, когда я приоткрыла губы ему навстречу и захотела большего. Его язык скользнул по моему языку, он отпустил мои запястья, чтобы обхватить ладонями мое лицо. Его поцелуй стал глубже, и я вцепилась ему в волосы, притягивая его к себе, всем телом ощущая этот поцелуй.

Мы оба превратились в смешение стонов и вздохов, когда поцелуй довел нас до грани, и нашим телам захотелось большего, чем могли дать наши рты. Я почувствовала на себе его руки, когда он потянулся вниз, взял мои ноги, приподнял меня и сцепил их на своей талии.

Боже, этот мужчина умел целоваться. Как будто он относился к поцелуям с такой же серьезностью, как и к своей профессии. Он отодвинулся вместе со мной от двери, когда я начала понимать, что да, его рот был способен на многое. Но его рот не смог сделать только одного: ответить на все, что я сказала наверху.

Но я просто сдалась. Я давала ему то, чего он хотел. Секс на одну ночь. И именно этого он в этот момент совершенно не заслуживал.

Я оторвалась от его рта и толкнула его в плечи.

– Поставь меня на пол.

Он остановился и выполнил мою просьбу. Мне пришлось отойти от него и посмотреть в другую сторону, чтобы собраться с мыслями. Смотреть на него, когда я все еще чувствовала его губы на своих губах, было больше, чем я могла вынести.

Я почувствовала, как его руки обнимают меня за талию, он положил голову мне на плечо.

– Прости, – прошептал Райл, развернул меня, поднял руку к моему лицу и провел большим пальцем по щеке.

– Теперь моя очередь, ладно?

Я не ответила на его прикосновение. Я стояла, скрестив руки на груди, и ждала, что он скажет. Только потом я смогу позволить себе ответить на его прикосновение.

– Я заказал это фото на следующий день после того, как сделал его, – начал Райл. – Оно висит в квартире уже несколько месяцев, потому что ты самая красивая девушка, которую я когда-либо видел, и мне хотелось смотреть на тебя каждый день.

Ох.

– А в тот вечер, когда я появился у твоей двери? Я принялся искать тебя, потому что никому за всю мою жизнь не удавалось пробраться мне под кожу так, как это сделала ты. Я не знал, что с этим делать. А цветы я прислал тебе потому, что я очень, очень горжусь тем, что ты идешь за своей мечтой. Но если бы я посылал тебе цветы каждый раз, когда мне хотелось тебе их послать, в твоей квартире для них не хватило бы места. Вот так часто я думаю о тебе. И да, Лили, ты права, я причиняю тебе боль, но я делаю больно и самому себе. И до этого вечера... я не знал почему.

Я понятия не имела, как мне хватило сил заговорить после этого.

– Почему тебе больно?

Райл прижался лбом к моему лбу и сказал:

– Потому что я понятия не имел, что я делал. Ты заставила меня захотеть стать другим человеком, но что, если я не знаю, как быть тем, кто тебе нужен? Все это ново для меня, и я хочу доказать тебе, что я хочу тебя не только на одну ночь.

В эту минуту он выглядел таким уязвимым. Мне хотелось верить искреннему выражению его глаз, но он так безапелляционно заявил в день нашей встречи, что ему нужна полная противоположность тому, чего хочу я. Меня пугало то, что я сдамся, а он уйдет от меня.

– Что мне сделать, Лили? Скажи, и я это сделаю.

Я не знала. Я была едва знакома с этим парнем. Но я знала достаточно, чтобы понять, что одного секса с ним мне будет недостаточно. Но хотел ли он только секса?

Мои глаза на мгновение встретились с его глазами.

– Не занимайся со мной сексом.

Мгновение он смотрел на меня, его лицо было абсолютно бесстрастным. Но потом он начал кивать, как будто до него наконец дошло.

– О'кей, – сказал Райл, продолжая кивать. – Согласен, я не буду заниматься с тобой сексом, Лили Блум.

Он обошел меня, подошел к двери и запер ее. Потом выключил свет, оставив только лампу у кровати, снял рубашку и подошел ко мне.

– Что ты делаешь?

Райл швырнул сорочку на стул, потом скинул обувь.

– Мы ложимся спать.

Я посмотрела на его кровать.

– Сейчас?

Он кивнул и подошел ко мне. Одним быстрым движением он снял с меня платье, и я осталась посреди его спальни только в бюстгальтере и трусиках. Я прикрыла себя руками, но он даже не посмотрел на меня. Райл подтолкнул меня к кровати и приподнял одеяло, чтобы я могла лечь. Подходя к своей стороне кровати, он сказал:

– Как будто мы раньше вместе не спали без секса. Никаких проблем.

Я рассмеялась. Он подошел к комоду и поставил телефон на зарядку. Я воспользовалась моментом, чтобы рассмотреть его спальню. Это определенно был не тот тип гостевой спальни, к которому я привыкла. В этой спальне могли поместиться три моих. У противоположной стены стоял диван, кресло расположилось перед телевизором. В спальне был уголок с кабинетом, включая книжный шкаф от пола до потолка. Я все еще пыталась рассмотреть обстановку, когда лампа погасла.

– Твоя сестра *по-настоящему* богата, – сказала я, чувствуя, как он накрывает одеялом нас обоих. – На кой черт ей сдались те десять баксов в час, которые я ей плачу? Она ими задницу вытирает?

Райл рассмеялся и сплел свои пальцы с моими.

– Скорее всего, она даже чеки не обналичивает, – ответил он. – Ты когда-нибудь проверяла?

Я не проверяла. А теперь мне стало любопытно.

– Спокойной ночи, Лили.

Я не могла перестать улыбаться, потому что это было смешно. И так здорово.

– Спокойной ночи, Райл.

Я подумала, что заблудилась.

Все было таким белым и чистым, что слепило глаза. Я прошла по одной из гостиных и попыталась найти путь в кухню. Я понятия не имела, где накануне вечером осталось мое платье, поэтому я надела одну из сорочек Райла. Она была мне ниже колен, и мне пришлось в голову, что он покупает сорочки большего размера, чтобы в них помещались его руки.

В квартире было слишком много окон и слишком много солнца, поэтому я приложила руку козырьком к глазам и отправилась на

поиски кофе.

Толкнув дверь в кухню, я обнаружила кофемашину.

Спасибо тебе, Господи.

Я поставила вариться кофе и стала искать кружку, когда кухонная дверь за моей спиной распахнулась. Я развернулась и с облегчением увидела, что Алиса не всегда выглядит как произведение искусства с мейкапом и украшениями. Волосы она скрутила небрежным пучком на макушке, по ее щекам размазалась тушь. Она ткнула пальцем в кофемашину.

– Мне точно потребуется немного вот этого, – сказала она, подтянувшись на кухонном «островке» и уселась на него.

– Можно тебя кое о чем спросить? – спросила я.

У нее едва хватило сил, чтобы кивнуть.

Я взмахом руки обвела кухню.

– Как это получилось? Каким волшебным образом твой дом стал безупречным за то время, которое прошло после вчерашней вечеринки до моего подъема? Ты не спала и наводила порядок?

Алиса рассмеялась:

– У нас для этого есть люди.

– Люди?

Она кивнула:

– Ага. Люди есть для *всего*. Ты удивишься. Подумай о чем-нибудь.

О чем угодно. Скорее всего, у нас есть люди и для этого.

– Продукты?

– Люди.

– Украшения к Рождеству?

Она кивнула:

– И для этого есть люди.

– А как насчет подарков ко дню рождения? Для членов семьи?

Алиса усмехнулась:

– Ага. И это тоже *люди*. Каждый член моей семьи получает подарок и карточку по каждому поводу, и мне никогда не приходится даже пальцем пошевелить.

Я покачала головой:

– Вау. И как давно вы настолько богаты?

– Три года, – сказала она. – Маршалл продал несколько приложений, которые он разработал для Apple, за огромные деньги.

Каждые шесть месяцев он создает обновления и их тоже продает.

Медленно потекла струйка кофе, поэтому я схватила кружку и наполнила ее.

– Что тебе добавить в кофе? – спросила я Алису. – Или для этого тоже есть люди?

Она рассмеялась:

– У меня есть ты, и положи мне, пожалуйста, сахар.

Я размешала немного сахара в ее чашке и принесла Алисе. В кухне стало тихо, пока я размешивала сливки и ждала, чтобы она что-то сказала обо мне и Райле. Разговор был неизбежен.

– Мы можем просто забыть о неловкости? – спросила Алиса.

Я вздохнула с облегчением:

– С радостью. Мне самой неприятно. – Я села лицом к ней и отпила глоток кофе. Алиса отставила в сторону чашку и вцепилась в столешницу.

– Как это могло *случиться*?

Я покачала головой, пытаюсь не улыбаться как влюбленная идиотка. Я не хотела, чтобы она считала меня слабой или глупой, потому что я поддаюсь ее брату.

– С Райлом я познакомилась раньше, чем с тобой.

Она склонила голову к плечу:

– Подожди. До того, как мы узнали друг друга лучше, или до того, как мы встретились впервые?

– До того, как мы с тобой впервые встретились, – ответила я. – У нас с Райлом была встреча однажды ночью примерно полгода тому назад.

– Встреча? – переспросила Алиса. – Типа... секс на одну ночь?

– Нет. Мы даже не целовались до вчерашнего вечера. Не знаю, я не могу это объяснить. Мы просто довольно долго вроде как флиртовали, и вчера вечером наступила развязка. Вот и все.

Алиса снова взяла свою чашку с кофе и медленно отпила из нее. Некоторое время она смотрела на пол, я не могла не заметить, что она выглядит расстро-енной.

– Алиса? Ты ведь на меня не сердишься, нет?

Она тут же покачала головой:

– Нет, Лили. Я просто... – Алиса снова отставила чашку. – Я просто знаю брата. И я люблю его. Но...

– Но что?

Мы обе повернули головы в направлении раздавшегося голоса. Райл стоял на пороге кухни, скрестив руки на груди. На нем были серые тренировочные брюки, едва державшиеся на бедрах. Он был без рубашки. *Я добавлю этот наряд ко всем остальным, которые я зафиксировала в памяти.*

Райл толкнул дверь и вошел в кухню. Он подошел ко мне и взял у меня из рук кружку с кофе. Потом нагнулся, поцеловал меня в лоб, отпил глоток кофе и прислонился к рабочему столу.

– Я не хотел тебя прерывать, – обратился он к сестре. – Пожалуйста, продолжайте ваш разговор.

Алиса округлила глаза и приказала:

– Прекрати.

Райл вернул мне кружку с кофе, взял другую и начал наливать себе кофе.

– Мне показалось, что ты хотела о чем-то предупредить Лили. Мне просто любопытно, что ты собиралась сказать.

Алиса соскочила с кухонного «островка» и отнесла свою кружку в раковину.

– Она моя подруга, Райл. У тебя не слишком-то хороший послужной список, если речь идет об отношениях. – Она вымыла кружку, а потом прислонилась бедром к мойке, глядя на нас. – Как ее *подруга*, я имею право сообщить ей свое мнение, когда речь идет о парне, с которым она встречается. Так поступают *друзья*.

Мне вдруг стало не по себе, потому что напряжение между сестрой и братом нарастало. Райл даже не стал пить кофе. Он подошел к Алисе и вылил кофе в раковину. Он стоял прямо перед ней, но она не хотела и взглянуть на него.

– Что ж, как твой брат, я мог бы надеяться, что ты будешь больше верить в меня. Так поступают *сестры*.

Райл вышел из кухни, оставив дверь открытой. После его ухода Алиса глубоко вздохнула, покачала головой и закрыла лицо руками.

– Прости за все это. – Она выдавила улыбку. – Мне нужно в душ.

– Для этого у тебя людей нет?

Алиса рассмеялась и вышла из кухни. Я вымыла кружку и направилась обратно в спальню Райла. Когда я открыла дверь, он сидел на диване и просматривал что-то в телефоне. Он не посмотрел

на меня, когда я вошла, и на секунду мне подумалось, что он и на меня разозлился. Но потом он отбросил телефон в сторону и откинулся на спинку дивана.

– Иди сюда, – сказал он.

Райл схватил меня за руку и потянул на себя так, что я его оседлала. Он привлек меня к себе и поцеловал так крепко, что у меня возникла мысль, не пытается ли он доказать, что его сестра ошибается.

Райл оторвался от моих губ и медленно прошелся взглядом по моему телу.

– Мне нравится, как ты выглядишь в моей одежде.

Я улыбнулась:

– Видишь ли, мне надо идти на работу, поэтому, к сожалению, я не смогу остаться в ней.

Он убрал волосы с моего лица и сказал:

– Мне предстоит очень сложная операция, к которой мне нужно подготовиться. А это значит, что мы с тобой не увидимся несколько дней.

Я постаралась скрыть разочарование, но мне придется к этому привыкнуть, если он действительно хотел попробовать наладить наши отношения. Райл уже предупреждал меня, что слишком много работает.

– Я тоже буду занята. Настоящее открытие в пятницу.

– О, до пятницы мы увидимся. Обещаю.

Я не стала скрывать улыбку.

– Договорились.

Райл снова поцеловал меня, и на этот раз поцелуй длился целую минуту. Он начал опускать меня на диван, но тут же отстранился и произнес:

– Нетушки. Ты мне слишком нравишься, чтобы я с тобой целовался.

Я легла на диван и наблюдала, как он одевается.

К моей радости, он надел медицинскую форму.

Глава 8

– Нам надо поговорить, – сказала Люси.

Она сидела на диване с потеками туши на щеках.

Вот черт.

Я бросила сумку и рванулась к ней. Как только я села рядом, она заплакала.

– Что случилось? Алекс порвал с тобой?

Люси затрясла головой, и у меня екнуло сердце. *Пожалуйста, только не говори, что у тебя рак.* Я схватила ее за руку, и только в этот момент я заметила кольцо.

– Ты помолвлена?

Она кивнула:

– Прости меня. Я знаю, что у нас осталось еще шесть месяцев аренды, но Алекс хочет, чтобы я переехала к нему.

Я уставилась на нее. *Она из-за этого плакала? Потому что не будет больше снимать со мной квартиру?* Люси потянулась за бумажным носовым платком и начала промокать глаза.

– Я ужасно себя чувствую, Лили. Ты останешься совершенно одна. Я уеду, и у тебя *никого* не останется.

Какого ч...

– Люси? Гм... Со мной все будет в порядке, обещаю.

Она подняла на меня глаза с выражением надежды на лице.

– Правда?

Почему, ради всего святого, она так обо мне думает? Я снова кивнула.

– Да, я не сержусь, я счастлива за тебя.

Люси обняла меня.

– Ох, Лили. Спасибо тебе! – Она начала хихикать, то и дело разражаясь слезами. Потом Люси отпустила меня и сказала:

– Я должна обо всем рассказать Алексу! Он так беспокоился, что ты не позволишь мне отказаться от аренды! – Она схватила сумку, туфли и вылетела из квартиры.

Я улеглась на диван и уставилась в потолок. *Она меня только что обдурила?*

Я начала смеяться, потому что до этой минуты я понятия не имела, насколько сильно я этого хотела. *Вся квартира в моем распоряжении!*

И что еще лучше, если я решу заняться сексом с Райлом, мы сможем делать это здесь и не беспокоиться о том, чтобы вести себя тихо.

В последний раз я разговаривала с Райлом в субботу, перед тем как уйти из его квартиры. Мы договорились попробовать. Пока никаких обязательств. Всего лишь зондирование почвы, чтобы понять, этого ли хотим мы оба. Теперь был вечер понедельника, и я испытывала небольшое разочарование из-за того, что он не дал о себе знать. Прежде чем расстаться с ним в субботу, я дала ему номер моего телефона. Но я не была знакома с этикетом сообщений, особенно в *пробных отношениях*.

Как бы там ни было, я не собиралась писать ему – первой.

Вместо этого я решила занять свободное время подростковыми терзаниями и Эллен Дедженерес. Я не собиралась сидеть и ждать, пока меня поманит парень, с которым я даже не занимаюсь сексом. Правда, было непонятно, почему я решила, что, читая о *первом* парне, с которым у меня был секс, я отвлекусь от парня, с которым у меня *секса нет*.

Дорогая Эллен!

Моего прадедушку звали Эллис. Всю свою жизнь я думала, какое это классное имя для старика. После его смерти я прочла некролог. Ты не поверишь. Но Эллис не было его настоящим именем. На самом деле его звали Леви Сампсон, а я об этом понятия не имела.

Я спросила бабушку, откуда взялось имя Эллис. Она сказала, что его инициалы были Л. С., и все очень давно звали его по этим инициалам, поэтому за прошедшие годы буквы слились в имя.

Вот почему его все называли Эллис.

Я только что вспомнила твое имя и подумала об этом. Эллен. Это твое настоящее имя? Или ты поступила как мой прадедушка и используешь инициалы для прикрытия?

Л. Н.

И получается «Эллен».

Если говорить об именах, как по-твоему, Атлас – странное имя?

Вчера, пока мы вместе с ним смотрели твое шоу, я спросила его, почему у него такое странное имя. Он ответил, что не знает. Не подумав, я сказала, что ему следовало спросить у матери, почему она его так назвала. Атлас просто посмотрел на меня и ответил:

– Сейчас для этого слишком поздно.

Я не знаю, что он хотел этим сказать. Не знаю, умерла его мама или она отдала его на усыновление. Мы с ним друзья уже несколько недель, но по-настоящему я почти ничего о нем не знаю, как не знаю и того, почему ему негде жить. Я бы могла спросить его об этом, но я не уверена, что он мне доверяет. Кажется, у него проблемы с доверием, и, наверное, я не могу его за это винить.

Я беспокоюсь за него. На этой неделе по-настоящему похолодало, а на следующей должно стать еще холоднее. Если у него нет электричества, то и обогреться ему нечем. Надеюсь, что у него хотя бы есть одеяла. Ты понимаешь, как ужасно я буду себя чувствовать, если он замерзнет насмерть? Просто ужасно, Эллен.

На этой неделе я найду одеяла и отдам их ему.

– Лили

Дорогая Эллен!

Скоро пойдет снег, поэтому я решила сегодня навести порядок в своем саду. Я уже вырвала редис, поэтому мне нужно было только разбросать мульчу и компост, что не потребовало бы много времени, но Атлас настоял на том, чтобы мне помочь.

Он задал мне кучу вопросов о садоводстве, и мне понравилось, что его как будто интересуется то, чем я занимаюсь. Я показала ему, как раскладывать компост и мульчу, чтобы прикрыть почву и защитить ее от снега. По сравнению с большинством садов мой сад маленький. Футов десять на двенадцать. Но это все, что отец разрешает мне использовать на заднем дворе.

Атлас все сделал сам, пока я сидела по-турецки на траве и наблюдала за ним. Я не ленилась, он просто уговорил меня позволить ему сделать все самому, и я позволила. Видно было, что он увлечен работой. Может быть, работа отвлекает его, и поэтому он всегда хочет помочь мне.

Закончив, он подошел ко мне и упал рядом со мной на траву.

– Почему ты решила что-то выращивать? – спросил он.

Я посмотрела на него. Атлас тоже сел по-турецки и с любопытством смотрел на меня. В эту минуту я поняла, что он, наверное, лучший друг из тех, кто у меня когда-то был, а мы почти ничего не знаем друг о друге. У меня были друзья в школе, но по очевидным причинам им никогда не разрешали приходить в наш дом.

Мать всегда волнуется, что отец может проявить свой характер, и об этом пойдут разговоры. Мне никогда не разрешали бывать в чужих домах, но я не знаю почему. Возможно, отец не хотел, чтобы я ночевала у подруг, потому что я могла увидеть, как хороший муж должен обращаться со своей женой. Вероятно, он хотел заставить меня поверить, что его отношение к моей матери – это нормально.

Атлас мой первый друг, который бывает в моем доме. И он первый друг, знающий, насколько сильно я люблю садоводство. А теперь он еще и первый друг, который спросил, почему я занимаюсь садоводством.

Я протянула руку, выдернула сорняк и принялась рвать его на мелкие кусочки, обдумывая его вопрос.

– Мне было десять лет, когда мать зарегистрировала меня на сайте под названием «Анонимные семена», – начала я. – Каждый месяц я получала по почте пакетик с семенами без маркировки с приложенной инструкцией, как их посадить и как за ними ухаживать. Я не знала, что я выращиваю, пока растения не вылезали из земли. Каждый день после школы я бежала на задний двор, чтобы посмотреть на то, что происходит с семенами. У меня появились подопечные. Выращивание растений ощущается как награда.

Я чувствовала на себе взгляд Атласа, когда он спросил:

– Награда за что?

Я пожала плечами:

– За то, что я правильно любила мои растения. Растения вознаграждают тебя пропорционально отданной им любви. Если ты с ними жесток или пренебрегаешь ими, ты от них ничего не получишь. Но если ты правильно ухаживаешь за ними и любишь их, они подарят тебе овощи, фрукты или цветы. – Я посмотрела на сорняк, который я рвала на части. От него почти ничего не осталось. Я растерла остатки между пальцами и щелчком сбросила их.

Мне не хотелось смотреть на Атласа, потому что я все еще чувствовала на себе его взгляд, поэтому я просто разглядывала свой покрытый мульчей сад.

– Мы просто похожи, – сказал он.

Я перевела на него взгляд.

– Я и ты?

Атлас покачал головой:

– Нет, растения и люди. Растениям для выживания нужно, чтобы их любили правильно. И людям тоже. Мы с рождения полагаемся на родителей, думаем, что они будут достаточно любить нас и мы выживем. И если наши родители дают нам правильную любовь, мы становимся хорошими людьми. Но если нами пренебрегают...

Он заговорил тише и почти печально. Атлас вытер руки о колени, пытаясь немного стереть грязь.

– Если нами пренебрегают, мы оказываемся бездомными и неспособными ни на что стоящее.

От его слов мое сердце превратилось в подобие той мульчи, которую он только что разбросал. Я даже не знала, что на это ответить. Он действительно так о себе думает?

Атлас как будто собрался встать, но прежде чем он это сделал, я окликнула его.

Он снова сел на траву. Я указала на ряд деревьев, росших вдоль ограды в левой части двора.

– Видишь вон то дерево? – В середине ряда деревьев стоял дуб, поднявшийся к небу выше остальных.

Атлас посмотрел на него и взглядом добрался до макушки дерева.

– Оно выросло само, – сказала я. – Большинству растений нужно много заботы, чтобы выжить. Но некоторые из них, например деревья, достаточно сильны, чтобы полагаться только на себя.

Я понятия не имела, понимает ли он, что я пытаюсь сказать, не называя вещи своими именами. Мне просто хотелось, чтобы он знал, что я считаю его достаточно сильным, чтобы выжить, несмотря ни на что. Я плохо его знала, но я видела, что у него есть запас жизненных сил. И он справлялся с ситуацией куда лучше, чем справилась бы я в его обстоятельствах.

Его глаза были прикованы к дереву. Прошло много времени, прежде чем он хотя бы моргнул. Моргнув наконец, Атлас слегка кивнул и посмотрел вниз, на траву. По складке у его губ я решила, что он собирается нахмуриться, а он взял и слегка улыбнулся.

От его улыбки мое сердце застучало так, словно я только что очнулась от глубокого сна.

– Мы просто похожи, – повторил Атлас.

– Растения и люди? – спросила я.

Он покачал головой:

– Нет, я и ты.

Я ахнула, Эллен. Я надеялась, что он этого не заметил, но я определенно глотнула воздуха. Что, черт подери, я должна была сказать на это?

Я просто сидела в неловком молчании, пока он не встал и не повернулся, как будто собирался пойти домой.

– Атлас, подожди.

Он обернулся и посмотрел на меня. Я указала на его руки и сказала:

– Тебе, должно быть, захочется побыстренько принять душ перед уходом. В основе компоста коровий навоз.

Он поднял руки, посмотрел на них, а потом на свою испачканную компостом одежду.

– Коровий навоз? Серьезно?

Я улыбнулась и кивнула. Атлас хохотнул, и я не успела и глазом моргнуть, как он уже сидел на траве рядом со мной и вытирал об меня руки. Мы оба хохотали, когда он дотянулся до мешка, стоявшего рядом с нами, сунул туда руку, а потом размазал компост по моим рукам.

Эллен, я уверена, что ничего подобного следующему предложению я никогда не писала и не произносила вслух.

Когда он размазывал по мне коровий навоз, я почувствовала такое возбуждение, какого никогда раньше не испытывала.

Через несколько минут мы оба лежали на земле, тяжело дыша и все еще смеясь. Наконец Атлас встал и помог мне подняться, зная, что ему нельзя терять ни минуты, если он хочет принять душ до возвращения моих роди-телей.

Как только Атлас ушел в душ, я вымыла руки в раковине и просто стояла, гадая, что он имел в виду, говоря о том, что мы похожи.

Это был комплимент? Ощущалось так. Хотел ли он сказать, что я тоже сильная? Большую часть времени я себя сильной не чувствовала. В ту минуту при одной только мысли о нем я испытывала слабость. Я гадала, что мне делать с тем, как я себя чувствую в его присутствии.

Я думала и о том, как долго я смогу скрывать его от своих родителей. И как долго он останется в брошенном доме. В Мэне зимы

невыносимо холодные, и без обогревателя он не выживет.

Или без одеял.

Я взяла себя в руки и отправилась на поиски лишних одеял. Я собиралась отдать их Атласу, когда он выйдет из душа. Но было уже пять часов, и он поспешно ушел.

Я отдам их ему завтра.

– Лили

Дорогая Эллен!

Гарри Конни-младший невероятно смешон. Я не уверена, что он когда-либо появлялся в твоём шоу, потому что несколько выпусков я пропустила, хотя мне неприятно в этом признаваться. Но если он у тебя не появлялся, то тебе следовало бы его пригласить. А ты когда-нибудь смотрела «Позднюю ночь с Конаном О'Брайаном»? У него там есть парень по имени Энди, который сидит на диване в каждом выпуске. Мне бы хотелось, чтобы Гарри сидел у тебя на диване в каждом выпуске. Он только что стал лучшим онлайн-комиком, и вы вместе были бы потрясающими.

Я просто хочу сказать тебе спасибо. Я знаю, что ты ведешь шоу на ТВ не для того, чтобы рассмешить меня, но иногда мне так кажется. Порой у меня бывает такое чувство, что я потеряла способность смеяться или улыбаться, но потом я включаю твоё шоу, и уже не имеет значения, в каком настроении, мне становится лучше к тому моменту, когда твоё шоу заканчивается.

Поэтому – да. Спасибо за это.

Я знаю, что ты, возможно, ждёшь новостей об Атласе, и я тебе все расскажу. Но сначала мне нужно рассказать тебе о том, что случилось вчера.

Моя мать работает помощником учителя в начальной школе Браймера. До школы надо ехать, и поэтому она никогда не возвращается домой раньше пяти. Отец работает в двух милях от дома, поэтому он приезжает домой сразу после пяти.

У нас есть гараж, но он только на одну машину, так как отец хранит там различные вещи. Отец ставит машину в гараж, а мама оставляет машину на подъездной дорожке.

Так вот вчера мама приехала домой немного раньше. Атлас все еще был в доме, и мы почти досмотрели твоё шоу, когда я услышала,

как начала открываться дверь гаража. Атлас выбежал через заднюю дверь, а я поспешила убрать из гостиной банки с содовой и остатки еды.

Вчера после ланча пошел сильный снег, и матери надо было отнести в дом много вещей, поэтому она заехала в гараж, чтобы внести все через дверь кухни. Это были продукты и рабочие материалы. Я помогала ей перенести все в дом, когда на подъездной дорожке остановился автомобиль отца. Он начал сигналить, потому что разозлился на маму, припарковавшуюся в гараже. Думаю, ему не хотелось выходить из машины под снег. Мне это кажется единственной причиной того, почему он захотел, чтобы она немедленно освободила гараж, вместо того чтобы подождать, пока она все выгрузит. Хотя, если подумать, почему отец всегда занимает гараж? Мужчина едва ли захотел бы, чтобы его любимая женщина парковалась в более неудобном месте.

Как бы там ни было, в глазах матери появилось испуганное выражение, как только отец принялся сигналить. Она попросила меня отнести все на стол, пока она будет перегонять машину.

Я не знаю точно, что случилось, когда она вышла на улицу. Я услышала грохот, потом мама вскрикнула, поэтому я побежала в гараж, думая, что она поскользнулась на льду.

Элен... я даже описывать не хочу, что произошло потом. Я все еще шокирована случившимся.

Я открыла дверь гаража и не увидела маму. Я видела только отца, который что-то делал за машиной. Я сделала шаг вперед и поняла, почему не вижу маму. Отец повалил ее на капот и душил.

Он душил ее, Элен!

При одной мысли об этом мне хочется плакать. Он кричал на нее и смотрел с такой ненавистью. Что-то о том, что она не уважает его тяжелый труд. Не знаю, почему он разозлился, правда, потому что я слышала только то, как она пытается дышать. Следующие несколько минут промчались как в тумане, но я знаю, что закричала на него. Я прыгнула ему на спину и била его по голове.

А потом не била.

Не знаю толком, что произошло, но догадываюсь, что он стряхнул меня с себя. Помню только, что в одну секунду я сижу у него на спине, а в следующую секунду я уже лежу на земле и лоб у меня

болит со страшной силой. Мама сидела рядом со мной, держала мою голову и повторяла, что ей жаль. Я оглянулась в поисках отца, но его нигде не было. Он сел в машину и уехал после того, как я ударилась головой.

Мама дала мне тряпку и сказала приложить ее к голове, потому что шла кровь. Потом она помогла мне сесть в ее машину и повезла в больницу. По дороге туда она сказала мне только одно.

– Когда тебя спросят, что случилось, скажи, что ты поскользнулась на льду.

Когда она это сказала, я отвернулась к окну и заплакала. Потому что это была последняя капля. Я думала, что она уйдет от него после того, как он меня ударил. Но в ту минуту я поняла, что она никогда не уйдет от него. Я чувствовала себя такой подавленной, но я была слишком напугана, чтобы сказать ей об этом хотя бы слово.

Мне наложили на лоб девять швов. Я до сих пор точно не знаю, обо что я ударилась лбом, но это не имеет значения. Важно, что это мой отец ударил меня, и он даже не остался и не проверил, что со мной. Он просто бросил нас обоих на полу гаража и уехал.

Вчера вечером я вернулась домой довольно поздно и сразу уснула, потому что мне дали какое-то обезболивающее.

Этим утром, когда я шла к автобусу, я старалась не смотреть на Атласа, чтобы он не увидел мой лоб. Я уложила волосы так, чтобы швы не было видно, поэтому он заметил их не сразу. Когда мы сели рядом в автобусе и ставили рюкзаки на пол, наши руки соприкоснулись.

Руки у него были как лед, Эллен. Как лед.

Только в этот момент я вспомнила, что забыла отдать ему одеяла, которые я нашла для него, потому что мама вернулась домой раньше. Случай в гараже занял все мои мысли, и я совершенно забыла об Атласе. Всю ночь морозило, шел снег, а он сидел один в темном холодном доме. И он настолько замерз, что я не понимала, как он еще жив.

Я схватила обе его руки и сказала:

– Атлас, ты окоченел.

Он ничего не ответил. Я принялась растирать его руки, чтобы согреть их. Я положила голову ему на плечо и заплакала, за что мне было очень стыдно. Я плакала не очень громко, но я была все еще

очень расстроена тем, что произошло накануне, и чувствовала себя безмерно виноватой, потому что забыла отнести ему одеяла. Все это обрушилось на меня по дороге в школу. Атлас по-прежнему молчал. Просто выдернул свои руки, чтобы я перестала их растирать, и накрыл своими руками мои. Так мы и просидели всю дорогу до школы, склонив друг к другу головы, его руки поверх моих.

Только по дороге домой он заметил швы у меня на лбу.

Честно говоря, я о них забыла. Никто в школе не спросил меня о них, и когда он сел рядом со мной в автобусе, я даже не пыталась закрыть швы волосами. Атлас посмотрел на меня и спросил:

– Что случилось с твоей головой?

Я не знала, что ответить. Я только коснулась швов пальцами и посмотрела в окно. Я пыталась завоевать его доверие в надежде, что он расскажет мне, почему ему негде жить, поэтому врать ему мне не хотелось. Но и говорить ему правду желания у меня не было.

Когда автобус тронулся, Атлас сказал:

– Вчера после того, как я ушел от тебя, я услышал, что у вас там что-то происходит. Я слышал крики. Слышал, как ты закричала. А потом я увидел, как уезжает твой отец. Я хотел проверить, все ли у тебя в порядке, но по дороге к твоему дому я увидел, что ты уезжаешь вместе с матерью.

Должно быть, он слышал драку в гараже и видел, как мама повезла меня зашивать лоб. Я не могла поверить, что он подходил к нашему дому. Знаешь, что сделал бы с ним мой отец, если бы увидел его в своей одежде? Я так испугалась за Атласа. Едва ли он знал, на что способен мой отец.

Я посмотрела на него и сказала:

– Атлас, тебе нельзя этого делать! Ты не можешь приходить ко мне домой, когда там мои родители!

Он надолго замолчал, потом сказал:

– Я слышал, как ты закричала, Лили. – Атлас произнес это так, будто то, что я в опасности, перевешивало все остальное.

Я понимала, что он только пытается помочь, но от этого все станет только хуже.

– Я упала, – ответила я Атласу. И как только я это сказала, мне стало противно. И честно говоря, он явно был разочарован во мне,

потому что в тот момент мы оба знали, что это было не просто падение.

Атлас подтянул рукав рубашки и вытянул вперед руку.

Эллен, у меня упало сердце. Вся рука у него была усеяна мелкими шрамами. Некоторые из них выглядели так, будто кто-то приложил сигарету к его руке и держал ее так.

Он повернул руку, и я увидела, что на другой стороне точно такие же шрамы.

– Я тоже много падал, Лили. – Атлас опустил рукав и больше ничего не сказал.

На секунду мне захотелось возразить, что это было совсем другое, что отец никогда не причинял мне боли, что он просто пытался сбросить меня с себя. Но потом я поняла, что собралась использовать те же оправдания, что и моя мать.

Когда мы доехали до дома, мамина машина была уже там. Разумеется, на подъездной дорожке. Не в гараже.

Это означало, что Атлас не сможет зайти и посмотреть твоё шоу вместе со мной. Я собиралась сказать ему, что позже принесу одеяла, но, выйдя из автобуса, он даже не сказал мне «до свидания». Он просто пошел по улице с таким видом, будто злился.

Уже стемнело, и я жду, когда родители уснут. Через некоторое время я собираюсь отнести ему несколько одеял.

– Лили

Дорогая Эллен!

Я никак не могу в этом разобраться.

Ты когда-нибудь делаешь что-то, зная, что это неправильно и одновременно правильно? Я не знаю, как выразить это более простыми словами.

То есть мне только пятнадцать лет, и мне определенно не следовало разрешать парню ночевать в моей комнате. Но если человек знает, что кому-то негде ночевать, разве помочь – это не долг любого человека?

Прошлой ночью, когда мои родители уснули, я выскользнула через заднюю дверь, чтобы отнести Атласу несколько одеял. Я взяла с собой фонарь, потому что было темно. Все еще шел сильный снег, и пока я добралась до заброшенного дома, я заледенела. Я постучала в

заднюю дверь, и как только он открыл ее, я протиснулась мимо него, чтобы уйти с холода.

Вот только... От холода я не избавилась. Почему-то внутри старого дома было даже холоднее. Я так и не выключила фонарь и обвела им гостиную и кухню. Там ничего не было, Эллен!

Ни дивана, ни кресла, ни матраса. Я протянула Атласу одеяла и продолжала оглядываться. В крыше над кухней была большая дыра, и ветер и снег проникали внутрь. Когда я направила луч фонаря в гостиную, я увидела в одном из углов вещи Атласа. Его рюкзак и тот рюкзак, который ему дала я. Там же была небольшая стопка других вещей, которые я ему отдала, например одежда моего отца. На полу было два полотенца. На одном, надо полагать, он лежал, а другим укрывался.

От ужаса я прижала руку к губам. И он жил так несколько недель!

Атлас положил руку мне на спину и попытался выпроводить меня из дома.

– Тебе не надо было приходить сюда, Лили, – сказал он. – У тебя будут неприятности.

И тогда я схватила его за руку и сказала:

– Тебе тоже не надо здесь находиться. – Я потянула его за собой к выходу, но он выдернул руку. И тогда я добавила:

– Сегодня ты сможешь переночевать на полу в моей комнате. Я запру дверь. Ты не можешь спать здесь, Атлас. Здесь слишком холодно, ты получишь воспаление легких и умрешь.

У него был такой вид, как будто он не знает, как поступить. Уверена, мысль о том, что его застанут в моей спальне, пугала его не меньше, чем пневмония и смерть. Он оглянулся на свой уголок в гостиной, а потом просто кивнул и ответил:

– Ладно.

Так скажи мне, Эллен, была ли я права, разрешив ему переночевать в своей спальне? Я не считала это неправильным. Я думала, что поступаю правильно. Но если бы нас поймали, у меня точно были бы большие неприятности. Он спал на полу, поэтому мне оставалось только дать ему что-то теплое.

Прошлой ночью я узнала о нем чуть больше. После того как я провела его через заднюю дверь, а потом в свою спальню, я заперла

дверь и устроила ему лежбище на полу возле моей кровати. Я поставила будильник на 6 утра и предупредила Атласа, что ему надо будет встать и уйти до того, как проснутся мои родители, потому что мама иногда будит меня по утрам.

Я забралась в постель и перегнулась через край, чтобы я могла видеть его, пока мы разговаривали. Я спросила, сколько еще он рассчитывает пробыть в заброшенном доме. Он ответил, что не знает. И тогда я спросила, как он там оказался. Я все еще не выключила лампу у кровати, и говорили мы шепотом, но после этого вопроса Атлас надолго замолчал. Он просто смотрел на меня, заложив руки за голову. Потом заговорил:

– Я не знаю моего настоящего отца. Он никогда не появлялся в моей жизни. Мы всегда были только вдвоем, я и мама. Но около пяти лет назад она снова вышла замуж за парня, который никогда меня не любил. Мы много ссорились. Когда несколько месяцев назад мне исполнилось восемнадцать, мы крупно поругались, и он выгнал меня из дома.

Атлас глубоко вздохнул, как будто не хотел больше ничего мне рассказывать. Но потом он снова заговорил:

– С тех пор я жил в семье моего друга, но его отца перевели в Колорадо, и они переехали. Разумеется, они не могли взять меня с собой. Его родители и без того много для меня сделали, разрешив пожить у них. Я это понимал и сказал им, что поговорил с мамой и могу вернуться домой. В тот день, когда они уехали, мне некуда было идти. Поэтому я отправился к маме и сказал ей, что хотел бы вернуться домой и пожить там до окончания школы. Она мне не позволила. Сказала, что это расстроит моего отчима.

Атлас отвернулся и посмотрел на стену.

– Поэтому я просто бродил по окрестностям несколько дней, пока не увидел этот дом. Я подумал, что смогу пожить в нем, пока не найдется что-то получше или пока я не окончу школу. В мае я иду в армию, в морскую пехоту, поэтому я всего лишь стараюсь продержаться до этого времени.

До мая еще шесть месяцев, Эллен. Шесть.

У меня в глазах стояли слезы, когда он закончил свой рассказ. Я спросила, почему он не попросил ни у кого помощи. Атлас сказал, что пытался, но для взрослого это сложнее, чем для ребенка, а ему уже

восемнадцать. Кто-то дал ему телефоны приютов, где ему могли бы помочь. В радиусе двадцати трех миль от нашего города было три приюта, но два из них предназначались для женщин, терпевших побои. Третий приют был для бездомных, но там было всего лишь несколько коек, и оттуда ему было слишком далеко ходить пешком в школу. И потом там надо было стоять в очереди, чтобы получить место. Атлас сказал, что однажды попробовал туда попасть, но в этом старом доме он чувствовал себя в большей безопасности, чем в приюте.

В таких ситуациях я была абсолютно наивной, поэтому спросила:

– А разве нет других вариантов? Разве ты не мог рассказать в школе, что сделала твоя мама?

Он покачал головой и ответил, что слишком взрослый для приемной семьи. Ему уже восемнадцать, и у его матери не будет неприятностей из-за того, что она не позволяет ему вернуться домой. Он сказал, что узнавал насчет талонов на питание на прошлой неделе, но у него не было денег, чтобы доехать до нужного места. Машины у него не было, поэтому и работу он найти не мог. Хотя, по его словам, он ее искал. Когда он уходил из моего дома во второй половине дня, он отправлялся искать работу, но у него не было ни адреса, ни телефона, чтобы ему могли сообщить о принятом решении. И это только усложняло ситуацию.

Клянусь, Элен, на каждый мой вопрос у него был ответ. Как будто Атлас испробовал все, чтобы не оставаться в сложившихся обстоятельствах, но таким людям, как он, не слишком хорошо помогают. Вся ситуация настолько меня разозлила, что я сказала, что он сошел с ума, раз собирается идти в армию. Я не слишком понизила голос, когда выпалила:

– Какого черта ты решил служить стране, которая позволила тебе оказаться в таком положении?

И знаешь, что он мне ответил, Элен? Его глаза погрустнели, и он ответил:

– Страна не виновата, что моей матери на меня наплевать. – Атлас протянул руку и выключил лампу. – Спокойной ночи, Лили.

После этого я почти не спала. Я была слишком сердита. Не знаю, на кого именно я сердилась. Я просто продолжала думать о нашей

стране, обо всем мире, о том, как это неправильно, что люди не делают больше друг для друга. Не знаю, когда люди начали думать только о себе. Может быть, так было всегда. И это заставило меня задуматься о том, сколько еще таких людей, как Атлас. И сколько еще детей в нашей школе, у которых может не быть дома.

Я хожу в школу каждый день и про себя почти всегда жалею на это, но мне никогда не приходило в голову, что школа может быть единственным домом для некоторых детей. Это единственное место, где Атлас знает, что его накормят.

Теперь я никогда не смогу уважать богатых людей, но думаю, что к таким людям, как ты, это не относится. Я видела, сколько всего ты сделала для других в твоём шоу, и знаю, сколько благотворительных организаций ты поддерживаешь. Но я знаю, что есть много эгоистичных богатых людей. Черт, даже среди бедных есть эгоисты. И в среднем классе тоже. Посмотри на моих родителей. Мы не богатые, но мы точно не настолько бедны, чтобы не помогать другим людям. И все-таки я не думаю, что мой папа сделал хоть что-то для благотворительности.

Помню, как однажды мы зашли в магазин за продуктами, и какой-то старик звонил в колокольчик и собирал деньги для Армии спасения. Я спросила папу, можем ли мы дать ему деньги, и он ответил, что нет, что он много работает, чтобы зарабатывать, и не собирается позволять мне разбрасываться деньгами. Он сказал, что это не его вина, если другие люди не хотят работать. Все время, что мы были в магазине, он говорил мне о том, как люди обманывают правительство, и пока правительство не прекратит помогать таким людям, давая им подачки, проблема не исчезнет.

Эллен, я ему поверила. Это было три года назад, и все это время я думала, что бездомные не имеют дома потому, что они ленивые или наркоманы, или просто не хотят работать, как другие люди. Но теперь я знаю, что это неправда. Конечно, кое-что в словах отца было до определенной степени правдой, но он говорил о худшем сценарии. Не все бездомные сами выбрали такую жизнь. Им просто не помогли.

Такие люди, как мой отец, вот это проблема. Вместо того чтобы помогать другим, они прикрываются наихудшим сценарием, чтобы оправдать собственный эгоизм и свою жадность.

Я никогда не буду такой. Клянусь тебе, когда я вырасту, я буду делать все, что смогу, чтобы помочь другим людям. Я буду как ты, Элен. Только, вероятно, не такой богатой.

– Лили

Глава 9

Я уронила дневник на грудь и удивилась, почувствовав, что по щекам текут слезы. Каждый раз, когда я брала в руки свои дневники, я думала, что со мной все будет в порядке. Все это случилось очень давно, и я не буду чувствовать то, что чувствовала тогда.

Я такая размазня. Дневник вызвал у меня желание обнять столько людей из моего прошлого. Особенно мою маму, потому что последний год я совсем не думала о том, через что ей пришлось пройти до смерти отца. И, скорее всего, это все еще мучило ее.

Я схватила телефон, чтобы позвонить ей, и посмотрела на экран. Четыре пропущенных сообщения от Райла. Мое сердце пропустило удар. *Как я могла включить беззвучный режим?* Я округлила глаза, потому что мне не следовало так возбуждаться.

Райл: Ты спишь? Райл: Судя по всему, да. Райл: Лили... Райл: L

Печальную рожицу он прислал десять минут назад. Я нажала на «ответить» и напечатала: «Нет. Не сплю». Через десять секунд я получила еще одно сообщение.

Райл: Хорошо. Я как раз поднимаюсь по лестнице. Буду у тебя через двадцать секунд.

Я улыбнулась, прыгнула с кровати, прошла в ванную и изучила свое лицо. *Неплохо.* Я подбежала к двери и открыла ее в тот самый момент, когда Райл шагнул на площадку. Он практически втащил себя на последнюю ступеньку и остановился отдохнуть, прежде чем дойти до моей двери. Каким же усталым он выглядел! Глаза у него покраснели, под ними залегла чернота. Райл обнял меня за талию, привлек к себе, уткнулся лицом мне в шею.

– Ты так хорошо пахнешь, – сказал он.

Я втянула его в квартиру.

– Ты голоден? Я могу что-нибудь тебе приготовить.

Райл покачал головой, избавляясь от куртки, поэтому в кухню я не пошла, а направилась в спальню. Он пошел за мной, бросил куртку на спинку кресла. Потом Райл скинул обувь и отодвинул ее к стене.

Он был в медицинской форме.

– Ты выглядишь измотанным, – сказала я.

Он улыбнулся и положил руки мне на бедра.

– Так и есть. Я только что ассистировал на операции, которая длилась восемнадцать часов. – Райл нагнул голову и поцеловал татуировку в виде сердца на моей ключице.

Понятно, почему он совершенно без сил.

– Как такое возможно? – воскликнула я. – Восемнадцать часов?

Он кивнул, подвел меня к кровати и потянул меня за собой. Мы устроились так, чтобы лежать лицом друг к другу на одной подушке.

– Да. Но это было удивительно. Настоящий прорыв. Об этом напишут в медицинских журналах, и меня тоже упомянут, поэтому я не жалею. Я только очень устал.

Я нагнулась к нему и легко поцеловала в губы. Он коснулся моей щеки и отстранился.

– Я догадываюсь, что ты, вероятно, жаждешь жаркого потного секса, но сегодня вечером у меня нет на это сил. Прости. Но я скучал по тебе, и по какой-то причине мне лучше спится рядом с тобой. Ты не будешь против, если я останусь?

Я улыбнулась:

– Я определенно не против.

Райл поцеловал меня в лоб, взял мою руку и положил ее между нами на подушку. Глаза у него закрылись, но я продолжала смотреть на него. У него было одно из тех лиц, которых люди сторонятся, потому что на такое лицо можно заглядеться. Если подумать, то я все время смотрела на него. Мне незачем было смущаться и отворачиваться, потому что Райл был моим.

Наверное.

У нас были пробные отношения. Я не должна была забывать об этом.

Через минуту Райл выпустил мою руку и начал сгибать пальцы. Я посмотрела на его руку и подумала, каково это простоять восемнадцать часов кряду, используя все необходимые навыки. Я не смогла представить что-то настолько же изматывающее.

Я выскользнула из постели, взяла в ванной лосьон, вернулась в кровать и села по-турецки рядом с Райлом. Вылив немного лосьона в

ладонь, я положила его руку к себе на колени. Он открыл глаза и посмотрел на меня.

– Что ты делаешь? – пробормотал он.

– Тсс. Спи, – сказала я, надавила большими пальцами на его ладонь и начала массировать ее круговыми движениями вверх и внаружи. Глаза Райла снова закрылись, и он застонал в подушку. Я продолжала массировать его руку примерно в течение пяти минут, потом перешла к другой руке. Все это время он лежал с закрытыми глазами. Закончив с руками, я перевернула Райла на живот и оседлала его спину. Он помог мне, стянув с себя рубашку, но его руки безвольно упали на кровать.

Я помассировала ему и плечи, и шею, и спину, и руки. Закончив с массажем, я слезла с него и улеглась – рядом.

Запустив руки в волосы Райла, я массировала ему голову, когда он открыл глаза.

– Лили? – прошептал он, глядя на меня с благодарностью. – Ты лучшее из того, что случилось в моей – жизни.

Эти его слова окутали меня словно теплое одеяло. Я не знала, что ему ответить. Райл поднял руку, нежно коснулся моей щеки, и его взгляд проник в мою душу. Он медленно приподнялся и прижался губами к моим губам. Я ожидала легкого поцелуя, но Райл не отстранился, провел кончиком языка по моим губам, мягко раздвигая их. Его рот был таким теплым, и я застонала, когда его поцелуй стал глубже.

Он перекатил меня на спину, провел рукой вниз по телу, замер на бедре. Потом придвинулся ближе, и меня накрыла жаркая волна. Я схватила прядь его волос и прошептала у его губ:

– Думаю, мы достаточно долго ждали. Я бы очень хотела, чтобы ты трахнул меня прямо сейчас.

Райл практически зарычал с вновь обретенной энергией и начал стаскивать с меня рубашку. Это стало интерлюдией рук, стонов, языков и пота. У меня было такое ощущение, что мужчина впервые прикоснулся ко мне. Те немногие, с кем я была до Райла, были мальчиками: нервные руки, застенчивые рты. Но Райл был воплощением уверенности. Он точно знал, где ко мне прикоснуться и как меня поцеловать.

Единственный раз, когда он не уделил моему телу абсолютного внимания, это когда он потянулся к полу и выудил презерватив из своего бумажника. Как только он снова вернулся под одеяло и презерватив оказался на месте, он не колебался ни секунды. Одним мощным движением он вошел в меня, и я ахнула, все мускулы в моем теле были напряжены.

Его жадный яростный рот целовал меня везде, куда он мог дотянуться. У меня так закружилась голова, что мне оставалось только подчиниться ему. Он яростно обладал мною. Его движения становились все более интенсивными, и спинка кровати билась о стену при каждом толчке. Райл положил руку между моей головой и изголовьем.

Я впилась ногтями в его спину, а он уткнулся лицом в мою шею.

– Райл, – прошептала я.

– О боже, – сказала я.

– Райл! – крикнула я.

А потом я сжала зубами его плечо, чтобы заглушить все последующие звуки. Все мое тело ощутило это, от макушки до кончиков пальцев ног.

Пожалуй, я на мгновение потеряла сознание, потому что я крепко сжала его ногами, и он напрягся.

– Иисусе, Лили.

По его телу пробежала дрожь, он сделал еще одно движение вперед, застонал и застыл на мне. А потом его тело дернулось в экстазе, и моя голова упала на подушку.

Прошла целая минута, прежде чем мы оба смогли пошевелиться. Но мы предпочли этого не делать. Райл уткнулся лицом в подушку и с шумом выдохнул.

– Я не могу... – Он отстранился и посмотрел на меня. Его глаза были полны... Я не поняла их выражения. Райл прижался губами к моим губам, потом произнес:

– Как же ты была права.

– Насчет чего?

Райл медленно оторвался от меня, оперся на локти.

– Ты меня предупреждала. Ты сказала, что одного раза с тобой будет мало. Ты сказала, что ты как наркотик. Вот только ты забыла сказать, что ты вызываешь зависимость сразу.

Глава 10

– Могу я задать тебе личный вопрос?

Алиса кивнула, доводя до совершенства букет, который вот-вот должен был отправиться на доставку. До главного открытия оставалось три дня, и дел с каждым днем становилось все больше.

– Какой? – спросила она, поворачиваясь ко мне и прислонившись к прилавку.

– Если не захочешь, можешь не отвечать, – предупредила я.

– Что ж, я не смогу ответить, если ты не спросишь.

Права.

– Вы с Маршаллом жертвуете деньги на благотворительность?

На ее лице промелькнула тень смущения, но она ответила:

– Да. А что?

Я пожала плечами:

– Простое любопытство. Это не к тому, что я собиралась тебя судить, просто в последнее время я все чаще думаю о том, чтобы основать благотворительный фонд.

– Какой именно? – уточнила Алиса. – Теперь, когда у нас есть деньги, мы переводим средства в несколько разных фондов. Но больше всего мне нравится тот, в который мы начали жертвовать деньги в прошлом году. Они строят школы в других странах. Только за прошедший год мы финансировали строительство трех новых школ.

Я сразу поняла, что она не зря мне понравилась.

– У меня, разумеется, нет таких денег, но я бы хотела сделать хоть что-то. Просто я пока не знаю, куда именно вложить деньги.

– Давай сначала разделаемся с официальным открытием, а потом ты начнешь думать о филантропии. Реализуй мечты по очереди, Лили. – Алиса обошла прилавок и схватила мусорную корзину. Я смотрела, как она вытаскивает полный мешок и завязывает его узлом. Я снова задумалась о том, почему – если у нее для всего есть люди – она захотела работать там, где ей приходится выносить мусор и пачкать руки.

– Зачем ты здесь работаешь? – спросила я.

Алиса подняла на меня глаза и улыбнулась.

– Потому что ты мне нравишься, – просто ответила она. Но я успела заметить, что улыбка исчезла из ее глаз как раз перед тем, когда

она повернулась и пошла к задней двери, чтобы выбросить мусор. Когда она вернулась, я все еще с любопытством смотрела на нее и повторила свой вопрос:

– Алиса? Зачем ты работаешь здесь?

Она замерла, медленно вдохнула, как будто решала, стоит ли быть со мной откровенной, вернулась к прилавку и уперлась в него спиной, скрестив ноги в щиколотках.

– Потому что я не могу забеременеть, – сказала Алиса, глядя на свои ноги. – Мы пытаемся уже два года, но ничего не помогло. Я устала сидеть дома и все время лить слезы, поэтому я решила что-то найти для себя, чтобы отвлечься. – Она встала прямо и вытерла руки о джинсы. – А у тебя, Лили Блум, я *очень* занята.

Алиса отвернулась и принялась возиться все с тем же букетом. Она доводила его до совершенства уже в течение получаса. Она взяла карточку, сунула ее в цветы, потом повернулась и протянула мне вазу.

– Кстати, это тебе.

Я поняла, что Алиса хочет сменить тему разговора, поэтому взяла у нее цветы.

– Что ты имеешь в виду?

Она округлила глаза и махнула рукой в сторону моего офиса.

– Все написано на карточке. Иди и прочти.

По ее раздраженной реакции я поняла, что цветы были от Райла. Я просияла, побежала в свой кабинет, уселась на стол и вытащила карточку.

Лили!

У меня жуткая ломка.

– Райл

Улыбнувшись, я вложила карточку обратно в конверт, схватила телефон и отправила Райлу фото, на котором я держала букет цветов и дразняще высунула язык.

Я: Я пыталась тебя предупредить.

Он мгновенно начал писать мне ответ. Я с тревогой наблюдала за двигающимися на экране точками.

Райл: Мне нужна новая доза. Я закончу минут через тридцать. Я могу пригласить тебя на ужин?

Я: Не можешь. Мама хочет, чтобы мы с ней сегодня вечером сходили в новый ресторан. Она отвратительный гурман!

Райл: Я люблю поесть. Я ем. Куда ты ее ведешь?

Я: Это место называется «ЛВБ» на Маркетсон-стрит.

Райл: Найдется место еще для одного человека?

Я какое-то время смотрела на его сообщение. *Он хочет познакомиться с моей матерью?* Мы ведь официально даже не пара. То есть... Мне все равно, познакомится он с моей матерью или нет. Ей он точно понравится. Он что, за пять дней прошел путь от полного неприятия отношений до согласия на пробные отношения и до знакомства с моей матерью? *Боже правый.* Я действительно наркотик.

Я: Конечно. Встречаемся там через полчаса.

Я вышла из кабинета, направилась прямиком к Алисе и показала ей экран моего телефона.

– Он хочет познакомиться с моей матерью.

– Кто?

– Райл.

– Мой брат? – Она была поражена не менее моего.

Я кивнула:

– Твой брат. *Моя мать.*

Алиса схватила мой телефон и уставилась на сообщения.

– Ха! Это так странно.

Я забрала у нее телефон.

– Спасибо, я знала, что ты в меня веришь.

Она рассмеялась и сказала:

– Ты же понимаешь, о чем я. Мы же говорим о Райле Кинкейде.

Он ни разу в жизни не знакомился с родителями девушки.

Разумеется, я улыбнулась, услышав ее слова, но потом я подумала, что, возможно, он так поступает, чтобы сделать мне приятное. Только потому, что знает, как я хочу отношений.

И тогда моя улыбка стала еще шире. Ведь так и должно быть, верно? Ты жертвуешь чем-то ради человека, который тебе нравится, только бы увидеть его счастливым, так?

– Должно быть, твоему брату я действительно нравлюсь, – поддразнила я Алису и посмотрела на нее, ожидая, что она рассмеется. Но на ее лице появилось торжественное выражение.

Алиса кивнула и сказала:

– Да, боюсь, что это так. – Она достала из-под прилавка свою сумочку. – Я пойду, ладно? Держи меня в курсе, договорились?

Она прошла мимо меня, и я смотрела ей вслед, пока она шла к двери. А потом я долго не отводила глаз от закрывшейся двери.

Мне было не по себе, ведь Алиса явно не пришла в восторг от того, что я встречаюсь с Райлом. И я задумалась, связано ли это с ее отношением ко мне или с ее отношением к брату.

* * *

Двадцать минут спустя я перевернула табличку на «Закрыто». *Осталось всего несколько дней.* Я заперла дверь и пошла к машине, но тут же остановилась, заметив, что к ней прислонился мужчина. Я не сразу узнала его. Он смотрел в другую сторону и говорил по мобильному телефону.

Я думала, что мы встретимся в ресторане, но и так хорошо.

Я нажала на брелок сигнализации, машина издала короткий гудок, Райл повернулся и улыбнулся, увидев меня.

– Да, я согласен, – сказал он в трубку, обнял меня одной рукой за плечи, притянул к себе и чмокнул в макушку. – Мы поговорим об этом завтра, – продолжал он. – У меня сейчас очень важное дело.

Райл закончил разговаривать, сунул телефон в карман и поцеловал меня. И это не был просто приветственный поцелуй. Это был поцелуй «я-думал-о-тебе-все-время». Он обнял меня обеими руками, развернул так, чтобы я прижалась спиной к машине, и продолжал меня целовать, пока у меня снова не закружилась голова. Оторвавшись от моих губ, он оценивающе оглядел меня.

– Знаешь, что в тебе совершенно сводит меня с ума? – Райл коснулся пальцами моего рта и обвел контуры моей улыбки. – Вот это. Твои губы. Мне нравится, что они такие же красные, как и твои волосы, и тебе не нужна губная помада.

Я улыбнулась и поцеловала его пальцы.

– Посмотрим, что ты скажешь, когда увидишь мою маму. Все говорят, что у нас рты похожи.

Его пальцы задержались на моих губах, улыбка погасла.

– Лили. Просто... *Нет.*

Я рассмеялась и открыла дверцу.

– Каждый едет на своей машине?

Он придержал дверцу и сказал:
– Я приехал сюда на такси. Поедем вместе.

* * *

Мама уже устроилась за столиком, когда мы вошли. Она сидела к нам спиной, поэтому я пошла вперед.

Ресторан сразу произвел на меня впечатление. Меня привлекли теплые нейтральные тона стен и довольно высокое дерево в центре зала. Казалось, оно росло из пола, как будто ресторан выстроили вокруг него. Райл шел за мной, его рука лежала у меня на талии. Когда мы подошли к столику, я начала стягивать куртку.

– Привет, мам.

Она подняла глаза от своего телефона.

– О, привет, дорогая. – Мама бросила телефон в сумку и жестом обвела зал. – Мне уже здесь нравится. Ты только посмотри на освещение, – сказала она, указывая вверх. – Люстры очень похожи на то, что ты выращивала в своем саду. – И только тут она заметила Райла, терпеливо стоявшего рядом со мной, пока я усаживалась. Мама улыбнулась ему и сказала:

– Нам две воды, пожалуйста.

Мой взгляд метнулся к Райлу, потом обратно к матери.

– *Мама*, он со мной. Это не официант.

Она смущенно снова посмотрела на Райла. Но он только улыбнулся и протянул руку.

– Вы просто ошиблись, мэм. Я Райл Кинкейд.

Она ответила на рукопожатие, переводя взгляд от меня к Райлу и обратно. Он выпустил ее руку и сел. Мама выглядела несколько взволнованной, потом наконец представилась:

– Дженни Блум. Рада с вами познакомиться. – Ее внимание снова переключилось на меня, и она подняла бровь. – Это твой друг, Лили?

Невозможно поверить, но я не была готова к этому моменту. Как я должна была представить Райла? Мой пробный партнер? Я не могла назвать его *бойфрендом*, но и просто *другом* я тоже его назвать не могла. А слово *кавалер* давно вышло из употребления.

Райл заметил мое молчание, поэтому положил руку мне на колено и ободряюще его сжал.

– Моя сестра Алиса работает на Лили, – сказал он. – Вы с ней знакомы?

Мама немного подалась вперед.

– О да, конечно! Теперь, когда вы об этом упомянули, я вижу, насколько вы похожи. Думаю, сходство в глазах. И в губах.

Райл кивнул:

– Мы оба пошли в мать.

Мама улыбнулась мне:

– Люди всегда говорят, что Лили похожа на меня.

– Это правда, – согласился Райл. – Идентичные рты. Поразительно. – Он снова сжал мне колено под столом, пока я едва удерживалась от смеха. – Дамы, прошу меня простить, мне нужно ненадолго отойти. – Он чмокнул меня в висок и встал. – Если подойдет официант, то мне только воду.

Мама не сводила глаз с Райла, пока тот шел к выходу из зала, а потом медленно повернулась ко мне. Она посмотрела сначала на меня, потом на стул Райла.

– Почему я ничего не слышала об этом парне?

Я чуть улыбнулась:

– Все как-то... Это не совсем... – Я не знала, как объяснить ситуацию матери. – Он много работает, поэтому мы не так много времени провели вместе. Совсем немного. На самом деле это наш первый совместный ужин.

Мать подняла бровь.

– Неужели? – Она снова откинулась на спинку кресла. – Он явно относится к этому иначе. Я хочу сказать... он как-то по-свойски нежен с тобой. Не совсем нормальное поведение по отношению к тому, с кем ты только что познакомился.

– Мы познакомились не вчера, – ответила я. – После нашей первой встречи прошел почти год. И мы проводили время вместе, просто это не были свидания. Он много работает.

– Где он работает?

– В Массачусетской больнице общего профиля.

Мама подалась вперед, и ее глаза едва не вылезли из орбит.

– Лили, – прошипела она, – неужели он *врач*?

Я кивнула, подавив улыбку.

– Нейрохирург.

– Я могу вам что-то принести выпить, дамы? – раздался голос официанта.

– Да, – сказала я, – нам, пожалуйста, три...

И тут я захлопнула рот.

Я смотрела на официанта, официант не сводил глаз с меня. Сердце билось у меня в горле. Я забыла, как говорить.

– Лили? – вмешалась мать. Она махнула рукой в сторону официанта. – Он ждет, когда ты закажешь напитки.

Я тряхнула головой и заговорила, запинаясь:

– Я буду... гм...

Мама этого не выдержала и сделала заказ сама.

– Три воды.

Официант вышел из транса и записал заказ в блокнот.

– Три воды, – повторил он. – Я понял. – Он развернулся и ушел, но я видела, что он оглянулся на меня, прежде чем толкнуть дверь в кухню.

Мама нагнулась ко мне:

– Что на тебя нашло, скажи на милость?

Я указала через плечо.

– Официант очень похож на... – Я покачала головой.

Я собиралась сказать «Атласа Корригана», когда вернулся Райл и сел на свое место.

Он посмотрел на нас:

– Я что-то пропустил?

Я с трудом сглотнула и покачала головой. *Разумеется, это не мог быть Атлас.* Но эти глаза... И его рот. Я понимала, что прошли годы после того, как я видела Атласа, но я никогда не забуду, как он выглядел. Это должен был быть он. Я знала, что это он, и поняла, что он тоже меня узнал. Потому что в ту секунду, когда наши глаза встретились, у него был такой вид, словно он увидел привидение.

– Лили? – Райл сжал мою руку. – Ты в порядке?

Я кивнула, выдавила из себя улыбку, потом откашлялась.

– Ага. Мы просто говорили о тебе, – сказала я, глядя на мать. – Райл ассистировал на операции, которая длилась восемнадцать часов.

Моя мать с интересом посмотрела на него. Райл начал рассказывать ей об этой операции. Официант принес нам воду, но это был уже другой человек. Он спросил, успели ли мы заглянуть в меню,

потом назвал фирменные блюда. Каждый из нас сделал заказ, а я изо всех сил пыталась сосредоточиться, но мой взгляд скользил по ресторану в поисках Атласа. *Мне нужна перезагрузка.* Через несколько минут я нагнулась к Райлу.

– Мне нужно выйти в дамскую комнату.

Он встал, чтобы пропустить меня. Пока я шла через зал, я сканировала лица всех проходящих мимо официантов. Я толкнула дверь в коридор, который вел к туалету. Оказавшись в одиночестве, я прижалась спиной к стене, нагнулась и шумно выдохнула. Я решила сначала отдышаться, собраться с силами и только потом вернуться за столик. Я поднесла руку ко лбу и закрыла глаза.

Девять лет я гадала, что с ним стало. *Девять лет.*

– Лили?

Я подняла глаза и втянула в себя воздух. Он стоял в конце коридора, словно привидение из прошлого. Мои глаза метнулись вниз, к его ступням, чтобы убедиться, что он не парит в воздухе.

Он не был привидением. Он был реальным человеком и стоял передо мной.

Я так и осталась стоять, прижавшись к стене, не зная, что ему ответить.

– Атлас?

Как только я произнесла его имя, он с облегчением выдохнул и сделал три гигантских шага мне навстречу. Я поймала себя на том, что делаю то же самое. Мы встретились на середине и обнялись.

– Черт побери, – сказал он, крепко обнимая меня.

Я кивнула:

– Да. Черт побери.

Атлас положил руки мне на плечи и отошел на шаг назад, чтобы посмотреть на меня.

– Ты совершенно не изменилась.

Я прикрыла рот рукой, все еще в шоке, и окинула его взглядом. Его лицо осталось прежним, но он уже не был тем костлявым подростком, которого я знала.

– О тебе я этого сказать не могу.

Атлас посмотрел на себя и рассмеялся.

– Точно, – согласился он. – Восемь лет на военной службе не проходят даром.

Мы оба были в таком шоке, что не могли произнести ни слова. Мы просто качали головами, не веря своим глазам. Наконец Атлас рассмеялся, и я рассмеялась тоже. Он все-таки отпустил мои плечи и сложил руки на груди.

– Что привело тебя в Бостон? – спросил он.

Он сказал это небрежно, и я была ему за это благодарна. Возможно, он не помнит нашего давнего разговора о Бостоне и тем избавит меня от смущения.

– Я здесь живу, – сказала я, стараясь, чтобы мой ответ прозвучал так же непринужденно, как и его вопрос. – У меня цветочный магазин на Парк-Плаза.

Атлас понимающе улыбнулся, как будто это его совершенно не удивило. Я бросила взгляд на дверь, понимая, что мне пора возвращаться. Он заметил это и отступил еще на шаг. Мгновение он смотрел мне в глаза, мы оба замолчали. Это было слишком глубокое молчание. Нам обоим столько нужно было сказать друг другу, что ни один из нас не знал, с чего начать. Улыбка ушла из его глаз, и он жестом указал на дверь.

– Тебе, вероятно, пора возвращаться к твоим спутникам, – сказал он. – Я к тебе загляну как-нибудь. Парк-Плаза, верно?

Я кивнула.

Он тоже кивнул.

Дверь распахнулась, и в коридор вышла женщина с маленьким ребенком на руках. Она прошла между нами, тем самым увеличив расстояние между мной и Атласом. Я сделала шаг к двери, он остался стоять на месте. Прежде чем выйти, я повернулась к нему и улыбнулась:

– Я была очень рада тебя видеть, Атлас.

Он едва улыбнулся, но его глаз эта улыбка не коснулась.

– Да, я тоже, Лили.

* * *

Остаток ужина я большей частью молчала. Не уверена, что Райл или мама это заметили, потому что она без проблем расстреливала его вопросами. Райл отнесся к этому как настоящий спортсмен и был безупречно очарователен с моей мамой.

Неожиданная встреча с Атласом в этот вечер скомкала мои эмоции, но в конце ужина Райл снова их разгладил.

Мама взяла салфетку, промокнула рот, потом обратилась ко мне:

– Ты нашла для нас новый любимый ресторан, – сказала она. – Невероятно.

Райл кивнул:

– Согласен. Я должен привести сюда Алису. Она любит бывать в новых ресторанах.

Еда была по-настоящему хорошей, но меньше всего на свете мне хотелось, чтобы у этих двоих возникло желание вернуться в этот ресторан.

– Да, было нормально.

Разумеется, Райл расплатился за ужин, а потом настоял, чтобы мы проводили маму до ее машины. По ликующему выражению мамино лица я поняла, что она обязательно позвонит мне вечером, чтобы поговорить о нем.

Как только мама уехала, Райл проводил до машины и меня.

– Я заказал такси, чтобы тебе не пришлось отклоняться от маршрута и завозить меня домой. У нас приблизительно... – Он посмотрел на свой телефон. – Полторы минуты, чтобы все успеть.

Я рассмеялась. Райл обнял меня и поцеловал сначала в шею, потом в щеку.

– Я бы напросился к тебе на ночь, но завтра рано утром у меня операция, и я уверен, что мой пациент будет мне благодарен, если я не проведу бо2льшую часть ночи в тебе.

Я поцеловала его в ответ, испытывая одновременно разочарование и облегчение, что он не останется на ночь.

– До официального открытия моего магазина осталось всего несколько дней. Мне тоже, вероятно, следовало бы выспаться.

– Когда у тебя следующий выходной? – спросил он.

– Никогда. А у тебя?

– Никогда.

Я покачала головой:

– Мы обречены. Между мной и тобой слишком много драйва и успеха.

– Это значит, что наш медовый месяц продлится до того момента, пока нам стукнет восемьдесят, – сказал Райл. – Я приду на официальное открытие твоего магазина в пятницу, а потом мы вчетвером пойдем в ресторан и отпразднуем. – Около нас остановилось такси. Райл запустил руку в мои волосы и поцеловал меня на прощание. – Кстати, у тебя замечательная мама. Спасибо, что позволила мне прийти на ужин.

Он отстранился и сел в такси. Я смотрела, как оно выезжает с парковки.

У меня по-настоящему хорошие чувства к этому мужчине.

Я улыбнулась, повернулась к своей машине и ахнула, прижав руку к груди, когда увидела его.

Атлас стоял у багажника моей машины.

– Прости, я не хотел тебя напугать.

Я выдохнула:

– Но тебе это удалось. – Я прислонилась к машине, а он остался стоять там же, где и стоял, в трех футах от меня. Атлас посмотрел на улицу.

– Итак? Кто этот счастливчик?

– Он... – Мой голос прервался. Все было так странно. У меня все еще теснило грудь, желудок сжимался от спазмов, и я не могла понять, реакция ли это на поцелуй Райла или на присутствие Атласа. – Его зовут Райл. Мы познакомились около года назад.

Я мгновенно пожалела, что сказала о том, как давно мы знакомы. Прозвучало так, будто мы с Райлом встречались все это время, а мы даже не были парой в глазах окружающих.

– Что насчет тебя? Женат? У тебя есть подруга?

Я и сама не понимала, спрашиваю ли я об этом, чтобы продолжить начатый им разговор, или мне действительно интересно.

– Да, у меня есть подруга. Ее зовут Кэсси. Мы вместе уже почти год.

Изжога. По-моему, у меня была изжога. *Год?* Я прижала руку к груди и кивнула.

– Это хорошо. Ты выглядишь счастливым.

Выглядел ли он счастливым? Я понятия не имела.

– Ага. Что ж... Я действительно рад нашей встрече, Лили. – Атлас повернулся, чтобы уйти, но потом передумал и снова повернулся ко мне лицом. Руки он сунул глубоко в карманы. – Я вот что скажу... Мне бы хотелось, чтобы мы встретились год назад.

Я поморщилась от его слов, пытаюсь не дать им проникнуть в мое сознание. Атлас повернулся и пошел обратно к ресторану.

Я нашарила ключи от машины, нажала на кнопку сигнализации, села за руль, захлопнула дверцу и вцепилась в рулевое колесо. По какой-то причине огромная слеза покатилась по моей щеке. Огромная, жалкая, «что-это-за-чертова-сырость» слеза. Я смахнула ее и нажала на кнопку, чтобы включить двигатель.

Я не ожидала, что после встречи с Атласом боль будет настолько сильной.

Но это было хорошо. Встреча произошла не случайно. Мое сердце нуждалось в том, чтобы закрыть эту страницу, чтобы я могла отдать его Райлу. Но, возможно, я не могла этого сделать, пока не встретила с Атласом.

Это было хорошо.

Да, я плакала.

Но я почувствовала себя лучше. Такова человеческая природа, надо залечить старую рану, чтобы подготовиться к новой жизни.

Только и всего.

Глава 11

Я свернулась калачиком на кровати и смотрела на него.

Я почти дочитала его. Записей осталось совсем немного.

Я взяла дневник и положила на подушку рядом с собой.

– Я не собираюсь тебя читать, – прошептала я.

Хотя, если я прочту то, что осталось, я с этим закончу. Этим вечером я увидела Атласа, узнала, что у него есть подружка, работа и, скорее всего, дом. Этого достаточно, чтобы закрыть эту главу. И если я просто дочитаю этот проклятый дневник, я смогу снова убрать его в обувную коробку и никогда больше не открывать.

Я все-таки взяла его и улеглась на спину.

– Что ты за сука, Эллен Деженерес.

Дорогая Эллен!

«Просто продолжай плыть».

Узнаешь эту цитату, Эллен? Дори сказала это Марлину в мультфильме «В поисках Немо».

«Просто продолжай плыть, плыть, плыть».

Я не большая поклонница мультфильмов, но этот мне понравился. Я люблю мультфильмы, которые могут заставить тебя смеяться. Думаю, что после сегодняшнего дня это будет мой любимый мультфильм. В последнее время у меня такое ощущение, как будто я тону, и порой люди просто нуждаются в напоминании, что им просто надо продолжать плыть.

Атлас заболел. Типа по-настоящему заболел.

Уже несколько ночей подряд он забирался в мое окно и спал на полу, но прошлой ночью я сразу поняла, что с ним что-то не так, стоило мне на него посмотреть. Это было воскресенье, поэтому я не видела его с предыдущей ночи, но выглядел он ужасно. Глаза у него покраснели, кожа стала бледной, и хотя было холодно, волосы у него промокли от пота. Я даже не стала спрашивать, нормально ли он себя чувствовал. Я уже и так знала, что ему плохо. Я положила ладонь ему на лоб, и он оказался таким горячим, что я едва не позвала маму.

Атлас сказал:

– Со мной все будет в порядке, Лили. – И начал устраивать себе постель на полу. Я сказала ему, чтобы он подождал меня, а сама пошла на кухню и налила ему воды. В шкафчике я нашла какое-то

лекарство от простуды. И хотя я не знала, действительно ли у него простуда, но все-таки заставила его принять его.

Он лег на пол, свернулся калачиком, но примерно через полчаса он позвал меня:

– Лили! Думаю, мне потребуется мусорная корзина.

Я вскочила с кровати, схватила мусорную корзину из-под письменного стола и опустилась перед Атласом на колени. Как только я это сделала, он тут же нагнулся над корзиной, и его вырвало.

Боже, как мне было его жалко. Ему было очень плохо, а у него не было ни ванной, ни кровати, ни дома, ни матери. У него была только я, а я не знала, чем ему помочь.

Когда рвота у него прекратилась, я дала ему выпить воды, а потом сказала, чтобы он лег в постель. Атлас отказался, но я не отставала. Поставив корзину для мусора возле кровати, я уложила его в постель.

Атлас был такой горячий, его так трясло, что я просто побоялась оставлять его на полу. Я легла рядом с ним. Следующие шесть часов его рвало каждый час. Я выносила корзину в ванную, чтобы опорожнить ее. Не стану лгать, это было ужасно. Самая ужасная ночь в моей жизни, но что еще я могла сделать? Он нуждался в моей помощи, кроме меня, у него никого не было.

Когда утром ему пришлось уходить из моей комнаты, я сказала ему, чтобы он шел в свой дом, а я зайду его проведать перед школой. Я удивилась тому, что у него хватило сил вылезти в окно. Я оставила мусорную корзину у кровати и дождалась, пока мама придет меня будить. Когда она вошла в комнату, то сразу увидела мусорную корзину и немедленно приложила руку к моему лбу.

– Лили, ты в порядке?

Я застонала и покачала головой.

– Нет, меня всю ночь тошнило. Думаю, уже все прошло, но я совсем не спала.

Мама забрала мусорную корзину и велела мне оставаться в постели. Она сказала, что позвонит в школу и сообщит, что я не приду. После того как она уехала на работу, я пошла к Атласу и сказала ему, что он может оставаться со мной в доме весь день. Его по-прежнему тошнило, поэтому я позволила ему спать в моей комнате. Каждые полчаса я проверяла, как он, и наконец, примерно ко

времени ланча, рвота прекратилась. Он принял душ, а потом я сделала ему суп.

Но он был слишком измучен, чтобы съесть его. Мы оба уселись на диван и укрылись одеялом, которое я принесла. Не знаю, когда мне стало настолько уютно, чтобы прижаться к нему. Мне просто показалось это правильным. Через несколько минут Атлас чуть нагнулся ко мне и прижался губами к моей ключице между плечом и шеей. Это был быстрый поцелуй, и я не думаю, что он хотел быть романтичным. Это был скорее жест благодарности, но без обычных слов. Но я почувствовала столько всего сразу. После этого прошло уже несколько часов, а я все время трогаю это место пальцами, потому что я все еще чувствую его поцелуй.

Я знаю, Эллен, что это был, вероятно, худший день в его жизни, но для меня он стал одним из лучших.

И из-за этого я чувствую себя ужасно.

Мы с ним смотрели «В поисках Немо». Досмотрели до того места, где Марлин искал Немо и уже отчаялся, и Дори сказала ему: «Хочешь знать, что нужно делать, когда жизнь тянет тебя на дно?.. Просто продолжай плыть. Просто продолжай плыть. Просто продолжай плыть, плыть, плыть».

Атлас схватил меня за руку, когда Дори сказала это. Он держал ее не так, как парень держит за руку свою девушку. Он сжал ее так, как будто говорил – это мы. Он был Марлин, а я была Дори, и я помогала ему плыть.

– Просто продолжай плыть, – шепнула я Атласу.

– Лили

Дорогая Эллен!

Мне страшно. Мне очень страшно.

Он мне очень нравится. Когда мы вместе, я думаю только о нем, а когда его нет рядом, я беспокоюсь за него. Моя жизнь начинает вращаться вокруг этого человека, и это плохо, я знаю. Но я ничего не могу с этим поделать, не знаю, как мне с этим быть, а теперь он может уехать.

Атлас ушел после того, как мы закончили смотреть «В поисках Немо». Когда вчера вечером родители уснули, он влез в окно моей комнаты. Предыдущей ночью он спал в моей постели, потому что ему

было плохо. Я знаю, что мне не следовало этого делать, но перед тем как лечь в постель, я отправила его одеяла в стиральную машину. Он спросил, где они, а я ответила, что ему придется снова спать в моей постели, потому что я отправила их в стирку, чтобы они были чистыми и он бы не заболел снова.

На минуту мне показалось, что Атлас вылезет обратно в окно. Но потом он закрыл его, снял обувь и лег рядом со мной в постель.

Его больше не рвало, но когда он лег, я решила, что тоже, наверное, заболела, потому что почувствовала тошноту. Но я не заболела. Меня просто всегда подташнивает, когда он так близко.

Мы лежали лицом друг к другу, когда Атлас сказал:

– Когда тебе исполнится шестнадцать?

– Через два месяца, – прошептала я. Мы продолжали смотреть друг на друга, и мое сердце билось все чаще и чаще. – Когда тебе исполняется девятнадцать? – спросила я, чтобы поддержать разговор и чтобы он не услышал, как тяжело я дышу.

– Только в октябре, – сказал Атлас.

Я кивнула. Я гадала, почему он спросил о возрасте и что он думает о пятнадцатилетних. Смотрел ли он на меня так, словно я была всего лишь ребенком? Что-то вроде младшей сестры? Мне было почти шестнадцать, и разница в два с половиной года не имеет большого значения. Может быть, когда людям пятнадцать и восемнадцать, это кажется слишком большой разницей. Но как только мне исполнится шестнадцать, держу пари, никто никогда не вспомнит о разнице в два с половиной года.

– Я должен тебе кое-что сказать.

Я затаила дыхание, не зная, что именно он собирается сказать.

– Сегодня я связался с моим дядей. Мы с мамой раньше жили у него в Бостоне. Он сказал мне, что как только вернется из деловой поездки, я могу приехать и остаться у него.

Мне следовало бы от души радоваться за него в этот момент. Мне следовало бы улыбнуться и поздравить этого парня. Но я почувствовала всю незрелость своего возраста, когда я закрыла глаза, и мне стало себя жаль.

– Ты поедешь? – спросила я.

Атлас пожал плечами:

– Не знаю. Мне сначала хотелось поговорить с тобой.

Он был так близко ко мне в постели, что я чувствовала тепло его дыхания. Я заметила, что от него как будто пахнет мятой, и я подумала, что он, наверное, чистит зубы перед тем, как прийти сюда. Я каждый день отправляла его домой с большим количеством воды.

Я поднесла руку к подушке и принялась вытаскивать из нее проткнувшее наволочку перо. Вытащив его, я начала крутить его между пальцами.

– Не знаю, что сказать, Атлас. Я счастлива, что у тебя будет дом. Но как же школа?

– Я мог бы окончить ее там.

Я кивнула. Это прозвучало так, будто он уже принял решение.

– Когда ты уезжаешь?

Я задумалась, как далеко отсюда Бостон. Вероятно, до него ехать несколько часов, но это огромное расстояние, если у тебя нет машины.

– Я до конца не уверен, что уеду.

Я бросила перо на подушку и опустила руку.

– Что тебя останавливает? Твой дядя предлагает тебе дом. Это хорошо, верно?

Атлас сжал губы и кивнул. Потом взял перо, с которым я играла, и тоже начал крутить его между пальцами. Как и я, он положил его обратно на подушку и сделал то, чего я от него не ожидала. Он поднес палец к моим губам и коснулся их.

Боже, Эллен. Я думала, что умру на месте. Это было наивысшее наслаждение, которое я ощущала всем телом. На несколько секунд его пальцы замерли на моих губах, и он сказал:

– Спасибо, Лили. За все.

Он запустил пальцы мне в волосы, нагнулся и поцеловал в лоб. Мне было так тяжело дышать, что мне пришлось приоткрыть рот, чтобы захватить больше воздуха. Я видела, что его грудь поднимается и опускается так же тяжело, как и моя. Атлас посмотрел на меня, и я видела, что он смотрит на мои губы.

– Тебя когда-нибудь целовали, Лили?

Я покачала головой и подняла лицо к нему, потому что мне нужно было немедленно это изменить, иначе я просто не смогу дышать.

И тогда – так осторожно, словно я была сделана из яичной скорлупы, – Атлас коснулся губами моих губ и замер. Я не знала, что делать дальше, но мне было все равно. Мы могли оставаться так всю ночь и никогда больше не шевелить губами. В этом было все.

Его губы сомкнулись на моих губах, и я почувствовала, как дрожит его рука. Я начала повторять движения его губ. Я почувствовала, как кончик его языка один раз коснулся моих губ, и мне показалось, что мои глаза закатились. Он сделал это еще раз, потом еще один, и тогда я сделала то же самое. Когда наши языки впервые встретились, я вроде как чуть улыбнулась, потому что я много думала о моем первом поцелуе. Как это будет, с кем это будет. Но я даже представить не могла, что буду при этом чувствовать.

Он перекатил меня на спину, прижался ладонью к моей щеке и продолжил целовать меня. Поцелуй становился все лучше и лучше по мере того, как я чувствовала себя комфортнее. Больше всего мне понравилось, когда он на секунду оторвался от меня, посмотрел на меня сверху, а потом поцеловал еще крепче.

Я не знаю, как долго мы целовались. Долго. Так долго, что у меня заболели губы, и я не могла держать глаза открытыми. Уверена, что когда мы заснули, его губы все еще касались моих.

Мы больше не говорили о Бостоне.

Я так и не знаю, уедет ли он.

– Лили

** * **

Дорогая Эллен!

Я должна перед тобой извиниться.

Прошла неделя с тех пор, как я писала тебе, и неделя с тех пор, как я смотрела твоё шоу. Не волнуйся, я по-прежнему записываю все выпуски, чтобы у тебя был рейтинг, но каждый день после школы Атлас быстро принимает душ, и мы целуемся.

Каждый день.

Это потрясающе.

Не знаю, как ему, но мне с ним так хорошо... Он такой нежный и заботливый. И никогда не делает ничего такого, что мне не нравится. Но пока Атлас и не пытался делать ничего такого.

Я не уверена, что мне следует распространяться об этом здесь, так как мы с тобой лично не встречались. Позволь мне просто сказать, что если раньше он и гадал о том, какие у меня сиськи...

То теперь он знает.

Я представить не могу, как люди живут день за днем, когда им кто-то нравится до такой степени. Если бы это зависело от меня, мы бы целовались дни и ночи напролет, а в перерывах, может быть, немного разговаривали. Атлас рассказывает смешные истории. Мне нравится, когда он в разговорчивом настроении, потому что такое случается нечасто. Но он много работает руками. А еще он много улыбается, и его улыбку я люблю даже больше, чем его поцелуи. Иногда я просто говорю ему, чтобы он заткнулся и перестал улыбаться, или целоваться, или разговаривать, чтобы я могла смотреть на него. Мне нравится смотреть в его глаза. Они такие голубые, что он мог бы стоять в другом конце комнаты, а другой человек все равно бы увидел, насколько они голубые. Но мне иногда не нравится его целовать, когда он закрывает глаза.

И нет, мы все еще не говорили о Бостоне.

– Лили

Дорогая Эллен!

Вчера, во второй половине дня, когда мы ехали в автобусе, Атлас поцеловал меня. В этом не было ничего нового, потому что к этому моменту мы уже много целовались, но он впервые сделал это на людях. Когда мы вместе, все остальное как будто исчезает, поэтому не думаю, что он думал о тех, кто на нас смотрел. Но Кэти это заметила. Она сидела позади нас, и я услышала, как она сказала «кошмар», как только Атлас нагнулся и поцеловал меня.

Она говорила с девочкой, которая сидела рядом с ней, и потом сказала:

– Не могу поверить, что Лили позволяет ему прикасаться к ней. Он ходит в одной и той же одежде почти каждый день.

Как же я разозлилась, Эллен. И мне было больно за Атласа. Он отстранился от меня, и я видела, что эти слова его задела. Я начала было поворачиваться, чтобы накричать на Кэти из-за того, что она судит о человеке, не зная его, но Атлас схватил меня за руку и покачал головой.

– Не надо, Лили, – сказал он.

Поэтому я не стала связываться с Кэти.

Но остаток пути я злилась. Я злилась на то, что Кэти может ранить человека, которого считает ниже себя. Мне было больно еще и от того, что Атлас как будто привык к подобным комментариям.

Я нагнулась к нему и поцеловала в щеку, а потом положила голову ему на плечо.

– Знаешь что? – сказала я ему.

Он переплел свои пальцы с моими и сжал мою руку.

– Что?

– Ты для меня самый лучший человек.

Я почувствовала, что он рассмеялся, и сама улыбнулась.

– Из скольких? – спросил он.

– Из всех.

Он поцеловал меня в макушку и сказал:

– Ты тоже для меня лучше всех, Лили. Ты всех опередила.

Когда автобус подъехал к остановке на моей улице, он не отпустил мою руку, пока мы шли по проходу, он впереди, я за ним. Поэтому он не видел, как я развернулась и слегка пихнула Кэти.

Вероятно, мне не следовало этого делать, но выражение ее лица не оставило мне выбора.

Когда мы подошли к дому, Атлас взял ключ из моей руки и открыл дверь. Мне было странно видеть, насколько комфортно он почувствовал себя в моем доме. Мы вошли, и он закрыл дверь на задвижку. Только тут я заметила, что в доме нет электричества. Я выглянула в окно и увидела машину ремонтников, работавших дальше по улице. Они что-то делали с проводами, поэтому мы не смогли посмотреть твое шоу. Я не слишком расстроилась, потому что это означало, что мы сможем целоваться примерно полтора часа.

– Духовка у вас электрическая или газовая? – спросил Атлас.

– Газовая, – ответила я, несколько сбитая с толку тем, что он спрашивает о духовке. Он сбросил обувь (это были всего лишь старые ботинки моего отца) и направился в кухню.

– Я собираюсь кое-что для тебя приготовить, – сказал Атлас.

– Ты умеешь готовить?

Он открыл холодильник и начал перебирать про-дукты.

– Ага. Пожалуй, я так же люблю готовить, как ты любишь что-нибудь выращивать. – Атлас вынул какие-то продукты из холодильника и разогрел духовку. Я прислонилась к рабочему столу и наблюдала за ним. Он даже не заглядывал в рецепт, просто наливал и выкладывал что-то в миски, а потом смешивал, не пользуясь мерной ложкой. Я никогда не видела, чтобы мой отец хоть что-то делал на кухне. Я думала, что большинство мужчин были на него в этом похожи. Но увидев, как Атлас хозяйничает в моей кухне, я поняла, что ошибалась.

– Что ты готовишь? – спросила я его, оперлась руками на кухонный «остров», подтянулась и уселась на него.

– Печенье, – ответил Атлас, подошел ко мне с миской в руке и окунул в смесь ложку. Он поднес ложку к моим губам, и я попробовала. Тесто для печенья – это моя слабость, и такого вкусного я никогда не пробовала.

– Вау, – оценила я, облизывая губы.

Он поставил миску рядом со мной, нагнулся и поцеловал меня. Тесто для печенья и губы Атласа – это райское наслаждение (на тот случай, если тебе интересно). Из глубины моего горла вырвался звук, которым я дала понять Атласу, как мне нравится это сочетание. Он рассмеялся, но не перестал целовать меня. Он целовал меня и смеялся, и это совершенно растопило мое сердце. Счастливый Атлас практически вынес мне мозг. Мне захотелось узнать все о том мире, который ему нравился, и отдать его весь Атласу.

Когда он целовал меня, я думала, люблю ли я его. У меня никогда раньше не было бойфренда, и мне не с чем было сравнивать мои чувства. На самом деле до Атласа я никогда не хотела иметь парня или заводить отношения. В моей семье я не видела, как мужчине следует относиться к женщине, которую он любит. Поэтому у меня всегда присутствовала нездоровая доза недоверия, если речь шла об отношениях и других людях.

Временами я спрашивала себя, смогу ли вообще когда-нибудь довериться парню. По большей части я мужчин ненавидела, потому что единственным примером для меня был мой отец. Но то время, которое я провела с Атласом, изменило меня. Не думаю, что слишком сильно. Но Атлас изменил меня достаточно, чтобы я поверила, что он исключение из правила.

Он закончил целовать меня и снова взял миску. Он отошел к противоположному столу и начал ложкой выкладывать тесто для печенья на два противня.

– Хочешь узнать секрет готовки в газовой духовке? – спросил Атлас.

Не уверена, что меня когда-то интересовало приготовление пищи, но Атласу каким-то образом удалось пробудить во мне желание узнать все то, что знал он. Возможно, все дело было в том, каким счастливым он выглядел, когда говорил об этом.

– В газовых духовках есть жаркие места, – принялся объяснять Атлас, открывая дверцу духовки и ставя внутрь противни с печеньем. – Надо обязательно переставлять противни, чтобы все пропеклось равномерно. – Он закрыл дверцу, снял с руки варежку-прихватку и бросил ее на рабочий стол. – Еще помогает камень для пиццы. Если просто держать его в духовке, даже когда ты не печешь пиццу, он не дает выпечке пригореть.

Атлас подошел ко мне и оперся о столешницу по обе стороны от меня. Электричество включили как раз в тот момент, когда он потянул вниз воротник моей рубашки. Он поцеловал то место над ключицей, которое он любил целовать, и медленно провел руками по моей спине. Клянусь, иногда я чувствую его губы на моей ключице даже тогда, когда его нет рядом.

Атлас собирался поцеловать меня в губы, когда мы услышали, что к дому подъехала машина и дверь гаража начала подниматься. Я прыгнула с «островка», лихорадочно оглядывая кухню. Атлас взял мое лицо в ладони и заставил меня посмотреть на него.

– Присмотри за печеньем. Оно будет готово примерно минут через двадцать. – Он прижался к моим губам, потом отпустил и поспешно прошел в гостиную, чтобы взять свой рюкзак. Он вышел через заднюю дверь как раз в ту минуту, когда мотор машины моего отца замолк.

Я начала собирать остатки ингредиентов для печенья, когда через кухонную дверь вошел из гаража отец. Он посмотрел по сторонам, а потом увидел свет в духовке.

– Ты готовишь? – спросил он меня.

Я кивнула, потому что мое сердце билось так быстро, что я побоялась, как бы отец не услышал дрожь в моем голосе, если я

ответу. С минуту я оттирала место на столешнице, которое было идеально чистым. Потом откашлялась и сказала:

– Это печенье. Я пеку печенье.

Отец поставил свой кейс на кухонный стол, подошел к холодильнику и достал пиво.

– Электричества не было, – добавила я. – Мне стало скучно, поэтому я решила испечь печенье, пока свет не – дадут.

Отец сел у стола и следующие десять минут задавал мне вопросы о школе и о том, собираюсь ли я учиться в колледже. Временами, когда мы с ним были вдвоем, я видела намек на то, какими могут быть нормальные отношения с отцом. Мы просто сидели с ним за столом, обсуждали колледжи, старшую школу и выбор карьеры. Хотя я ненавидела отца большую часть времени, мне все еще хотелось, чтобы таких моментов с ним было больше. Если бы только он мог всегда быть таким, как в эти моменты, то все было бы совершенно иначе. Для всех нас.

Я поворачивала печенье так, как мне сказал Атлас, и когда оно испеклось, я вытащила противни из духовки, взяла одно печенье и протянула его отцу. Мне было противно, что я так мило веду себя с ним. У меня было такое чувство, будто я выбрасываю одно из печений Атласа.

– Вау, – оценил отец. – Замечательно, Лили.

Я выдавила из себя «спасибо», хотя не я его пекла. Но и об этом я ему сказать не могла.

– Печенье для школы, – солгала я, – поэтому ты можешь съесть только одну штуку. – Дождавшись, пока остальное печенье остынет, я положила его в пластиковый контейнер и отнесла к себе в комнату. Я даже не хотела пробовать печенье без Атласа, поэтому дождалась, пока он придет поздно ночью.

– Тебе следовало бы попробовать его горячим, – сказал Атлас. – В этот момент оно самое вкусное.

– Мне не хотелось есть его без тебя, – ответила я. Мы сидели на кровати, прислонившись спинами к стене, и съели половину всего печенья. Я сказала Атласу, что оно восхитительное, но не стала говорить, что это лучшее печенье из того, что мне доводилось пробовать. Мне не хотелось раздувать его самомнение, мне типа нравилось, как скромно он себя ведет.

Я попыталась взять еще одно печенье, но Атлас отодвинул от меня контейнер и закрыл его крышкой.

– Если съешь слишком много, тебя начнет тошнить, и мое печенье перестанет тебе нравиться.

Я рассмеялась:

– Это невозможно.

Атлас выпил воды и встал, повернувшись лицом к кровати.

– Я кое-что сделал для тебя. – Он сунул руку в карман.

– Еще печенье?

Он улыбнулся и покачал головой, потом вытянул вперед кулак. Я протянула ладонь, и он уронил туда что-то тяжелое. Это было маленькое плоское сердце размером в пару дюймов, вырезанное из дерева.

Я провела по сердечку большим пальцем, пытаясь улыбаться не слишком широко. Это не было анатомически правильное сердце, но оно и не выглядело так, как большинство нарисованных сердец. Оно было неровным и полым в центре.

– Ты это сделал? – спросила я, глядя на него снизу вверх.

Он кивнул:

– Я вырезал его старым ножом для очинки карандашей, который нашел в заброшенном доме.

Сердце не соединялось сверху, линии просто слегка загибались внутрь, оставляя маленький пробел в верхней части. Я не знала, что сказать. Я почувствовала, как он сел рядом со мной на кровать, но никак не могла отвести взгляд от сердца, чтобы поблагодарить его.

– Я вырезал его из ветки, – шепотом объяснил Атлас, – ветки того самого дуба на твоём заднем дворе.

Клянусь, Элен, я даже подумать не могла, что мне могло что-то понравиться до такой степени. Или, возможно, мои чувства были не к подарку, а к Атласу. Я сжала пальцы вокруг сердца, нагнулась к Атласу и поцеловала его с такой силой, что он упал на кровать. Я забросила на него ногу и оседлала его. Атлас схватил меня за талию и улыбнулся.

– Я вырежу для тебя целый дом из этого дуба, если такой будет награда, – прошептал он.

Я рассмеялась:

– Тебе пора перестать быть таким идеальным. Я и так ценю тебя выше всех остальных людей, но ситуация становится все более несправедливой по отношению к остальным, потому что с тобой никто никогда не сравнится.

Его рука легла мне на затылок, и он уложил меня на спину, а сам оказался сверху.

– Значит, мой план работает, – сказал Атлас перед тем, как снова поцеловать меня.

Пока мы целовались, я крепко сжимала сердце, желая верить, что это был подарок без повода. Но в глубине души я боялась, что это был прощальный подарок, на память перед его отъездом в Бостон.

Я не хотела помнить его. Если бы мне пришлось его помнить, это означало бы, что он перестал быть частью моей жизни.

Я не хотела, чтобы он уезжал в Бостон, Эллен. Я знаю, что это эгоизм с моей стороны, потому что он не может больше жить в том доме. Не знаю, чего я боялась больше: увидеть, как он уедет, или эгоистично умолять его остаться.

Я знаю, что нам надо поговорить об этом. Я спрошу его о Бостоне сегодня вечером, когда он придет на ночь. Я просто не хотела спрашивать его об этом вчера, потому что это был идеальный день.

– Лили

Дорогая Эллен!

Просто продолжай плыть. Просто продолжай плыть.

Он уезжает в Бостон.

Я не могу говорить об этом.

– Лили

Дорогая Эллен!

Вот этого моя мать уже не сумеет скрыть.

Отец обычно расчетливо бьет ее туда, где не остается видимых синяков. Вероятно, меньше всего на свете ему хочется, чтобы люди в городе знали, как он с ней обращается. Я несколько раз видела, как он бил ее ногами, душил, наносил удары по спине и в живот, таскал за

волосы. Несколько раз он бил ее по лицу, но это всегда были только пощечины, поэтому следы не оставались надолго.

Но никогда я не видела того, что он сделал вчера ве-чером.

Родители вернулись домой очень поздно. Это был – уикэнд, поэтому отец с мамой отправились на какое-то общественное мероприятие. У моего отца фирма по торговле недвижимостью, и к тому же он мэр города, поэтому им приходится часто появляться на публике, в том числе и на благотворительных ужинах. Какая ирония: мой отец ненавидит благотворительность. Но я полагаю, что ему необходимо сохранять лицо.

Атлас уже был в моей комнате, когда они вернулись домой. Я слышала, как они ссорятся, входя в дом. Разговор был приглушенным, но я сумела кое-что разобрать. Отец обвинял мать в том, что она флиртowała с каким-то мужчиной.

Но я знаю свою мать, Элен. Она бы никогда не сделала ничего подобного. Скорее всего, парень просто посмотрел на нее, и мой отец заревновал. Моя мать настоящая красавица.

Я слышала, как отец назвал ее шлюхой, а потом до меня донесся звук первого удара. Я начала выбираться из постели, но Атлас втянул меня обратно и сказал, что ходить туда не надо, иначе и мне достанется. Я сказала ему, что мое присутствие иногда помогает. Когда я прихожу туда, отец обычно отступает.

Атлас попытался меня отговорить, но я все же встала и пошла в гостиную.

Элен.

Я просто...

Он был на ней.

Они лежали на диване, одной рукой он держал ее за горло, а другой задираł платье. Мама пыталась отбиваться, а я застыла на месте. Она все умоляла его отпустить ее, и тогда он ударил прямо в лицо и приказал заткнуться. Мне никогда не забыть его слова: «Тебе хочется внимания? Сейчас я уделю тебе это твое долбаное внимание». Мама застыла и перестала сопротивляться. Я слышала, что она плачет. А потом она сказала: «Пожалуйста, веди себя тихо, Лили здесь».

Пожалуйста, веди себя тихо, дорогой, пока ты меня насилуешь.

Эллен, я не знаю, может ли человеческое сердце вместить столько ненависти. И я говорю не о моем отце, я говорю о себе.

Я прошла в кухню, открыла ящик, схватила самый большой нож, который смогла найти и... Не знаю, как это объяснить. Я как будто покинула свое тело. Я видела себя со стороны, видела, как я иду с ножом в руке через кухню, и я знала, что не собираюсь пустить его в ход. Но как раз перед тем, как я вышла из кухни, руки Атласа обхватили меня за талию и подхватили. Я выронила нож. Отец этого не слышал, но мать услышала. Мы встретились с ней глазами, когда Атлас нес меня обратно в мою спальню. Когда мы снова оказались в моей комнате, я принялась колотить его кулаками в грудь, пытаясь вырваться и побежать на помощь матери. Я плакала и делала все, чтобы убрать его с моего пути, но он не двинулся с места.

Атлас обнял меня и сказал:

– Лили, успокойся. – Он продолжал повторять это снова и снова и долго держал меня, пока я не смирилась с тем, что он никуда не уйдет. Он не собирался давать мне возможность схватиться за тот нож.

Он подошел к кровати, взял свою куртку и начал натягивать обувь.

– Мы идем к соседям, – сказал он. – Мы вызовем по-лицию.

Полиция.

В прошлом мама предупредила меня, чтобы я не звонила в полицию. Она говорила, что это повредит карьере отца. Но, честно говоря, на его карьере мне было наплевать. Мне было все равно, что он был мэром или что все, любившие его, не подозревали об ужасной стороне его жизни. Мне хотелось только одного: помочь матери, поэтому я натянула куртку и подошла к стенному шкафу за обувью. Когда я обернулась, Атлас смотрел на дверь моей спальни.

Она открывалась.

В комнату вошла мать, быстро закрыла за собой дверь и заперла ее. Я никогда не забуду, как она выглядела. Из разбитой губы текла кровь. Глаз уже начал заплывать, клочок волос лежал на плече. Она посмотрела на Атласа, потом на меня.

Я даже не успела испугаться, что она застала парня у меня в комнате. Мне было все равно. Я беспокоилась только за нее. Я

подошла к ней, схватила ее за руки и подвела к кровати. Я убрала волосы с ее плеча и со лба.

– Он пойдет и вызовет полицию, мама. Ты согласна?

Ее глаза расширились, и она затрясла головой.

– Нет, – сказала она и посмотрела на Атласа. – Нельзя. Нет.

Тот уже собирался вылезти в окно, но остановился и посмотрел на меня.

– Он пьян, Лили, – продолжала мать. – Он слышал, как захлопнулась твоя дверь, поэтому ушел в нашу спальню. Он больше не будет. Если вызвать полицию, станет только хуже, поверь мне. Просто дай ему проспать, завтра все наладится.

Я покачала головой, от слез у меня щипало глаза.

– Мама, он пытался тебя изнасиловать!

Она опустила голову и поморщилась, когда я это сказала, потом снова покачала головой.

– Все не так, Лили. Мы женаты, а иногда брак – это всего лишь... Ты слишком молода, чтобы это понять.

На минуточку в комнате стало совсем тихо, а потом я не выдержала:

– Черт побери, надеюсь, я никогда этого не пойму.

И тут мама заплакала. Она просто обхватила голову руками и зарыдала. Мне оставалось только обнять ее и плакать вместе с ней. Я никогда не видела ее такой расстроенной. И такой напуганной. И такой страдающей. Это разбило мне сердце, Эллен.

Это сломало меня.

Когда мама перестала плакать, я оглядела комнату. Оказалось, Атлас уже ушел. Мы пошли в кухню, и я помогла маме обработать губу и глаз. Она так ничего и не сказала о том, что Атлас был в доме. Ни словечка. Я ждала, что она скажет, что я наказана, но она этого не сказала. Я поняла, что она об этом не заговаривает, потому что не признает ситуацию. То, что причинило ей боль, было просто отправлено под ковер, чтобы никогда больше не возникнуть.

– Лили

Дорогая Эллен!

Думаю, теперь я готова поговорить о Бостоне.

Атлас сегодня уехал.

Я столько раз тасовала колоду карт, что у меня болят руки. Я боюсь, что, если не напишу на бумаге все то, что чувствую, и буду держать это в себе, я просто сойду с ума.

Наша последняя ночь прошла совсем не так хорошо. Поначалу мы много целовались, но нам обоим было слишком грустно, чтобы нас это радовало. Второй раз за два дня он сказал мне, что передумал и никуда не уедет. Ему не хотелось оставлять меня одну в этом доме. Но я прожила со своими родителями почти шестнадцать лет. Глупо с его стороны было отказываться от дома и оставаться бездомным только из-за меня. Мы оба это знали, но все равно было больно.

Я постаралась не печалиться из-за этого, поэтому пока мы лежали вместе в кровати, я попросила его рассказать о Бостоне. Я сказала ему, что, возможно, приеду туда после окончания школы.

Когда он начал говорить, в его глазах появилось странное выражение. Такого я никогда у него не видела. Казалось, он рассказывает о рае. Он говорил, что там у всех замечательный акцент. Жители необычно произносят букву «р». Должно быть, он даже не догадывался, что иногда говорит точно так же. По его словам, он прожил там с девяти до четырнадцати лет, поэтому, вероятно, он и приобрел легкий акцент.

Атлас рассказал мне, что его дядя живет в многоэтажном доме с самой крутой террасой на крыше.

– Во многих домах есть такие террасы, некоторые даже с бассейном.

В Плеторе, штат Мэн, вероятно, не было ни одного достаточно высокого здания для террасы на крыше. Я гадала, каково это – очутиться так высоко. Я спросила Атласа, поднимался ли он туда хотя бы раз, и он сказал, что да, поднимался. Что когда он был моложе, он иногда залезал и на крышу, чтобы просто посидеть там и подумать, глядя сверху на город.

Он рассказала мне о еде. Я уже знала, что Атлас любит готовить, но я понятия не имела, с какой страстью он к этому относится. У него не было ни духовки, ни кухни, и для меня он испек печенье, но до этого он никогда ни с кем не говорил о приготовлении пищи.

Атлас рассказал мне о гавани и о том, как еще до второго замужества матери она водила его туда ловить рыбу.

– То есть я догадываюсь, что Бостон ничем не отличается от любого другого большого города, – сказал он. – В нем нет ничего особенно выдающегося. Просто... Я не знаю, там есть нерв. По-настоящему хорошая энергия. Когда люди говорят, что они живут в Бостоне, они этим гордятся. Иногда мне этого не хватает.

Я провела пальцами по его волосам и сказала:

– Что ж, ты рассказал о городе так, словно это лучшее место на земле. Как будто в Бостоне все лучше.

Атлас посмотрел на меня, в его глазах появилась печаль, когда он произнес:

– В Бостоне почти все лучше. Кроме девушек. В Бостоне нет тебя.

От этих слов я покраснела. Он очень нежно поцеловал меня, и я сказала:

– В Бостоне меня пока нет. Когда-нибудь я перееду туда и найду тебя.

Атлас заставил меня пообещать это. Сказал, что, если я перееду в Бостон, там все действительно станет лучше, и это будет лучший город в мире.

Мы снова еще немного поцеловались. И делали еще кое-что, чем я не стану тебя утомлять. Хотя это не значит, что нам было скучно.

Скучно нам не было.

Но этим утром мне пришлось попрощаться с Атласом. Он обнял меня и целовал так, что я подумала, что умру, если он меня отпустит.

Но я не умерла. Потому что он меня отпустил, и вот она я. Все еще живу. Все еще дышу.

Но едва-едва.

– Лили

Я перевернула страницу, но потом с треском захлопнула дневник. Осталась всего одна запись, и я не знала, готова ли я читать ее в этот момент. Или вообще когда-нибудь. Я убрала дневник обратно в платяной шкаф, понимая, что моя глава с Атласом закончена. Он нашел свое счастье.

И я счастлива.

Время действительно лечит все раны.

Или, по крайней мере, большинство из них.

Я выключила лампу и взяла телефон, чтобы поставить его на зарядку. Я пропустила два сообщения от Райла и одно от матери.

Райл: Привет. Голая правда прозвучит через 3... 2...

Райл: Я беспокоился, что отношения увеличат мою ответственность. Поэтому я избегал их всю свою жизнь. У меня и так достаточно обязанностей. Я видел, в какой стресс брак вовлек моих родителей, видел неудачные браки некоторых моих друзей. И мне не хотелось участвовать в чем-то подобном. Но после сегодняшнего вечера я понял, что, возможно, многие люди просто делают все неправильно. Потому что происходящее между нами не ощущается как обязанность. Это ощущается как награда. И я засну, гадая, чем я это заслужил.

Я прижала телефон к груди и улыбнулась. А потом я сделала скриншот экрана, потому что я хотела сохранить это сообщение навсегда. Я открыла третье сообщение.

Мама: Врач, Лили? И у тебя собственный бизнес? Я хочу быть такой как ты, когда вырасту.

Я заскринила и это сообщение.

Глава 12

– Что ты делаешь с этими бедными цветами? – раздался голос Алисы у меня за спиной.

Я защелкнула еще одну серебристую шайбу и спустила ее по стеблю.

– Это стимпанк.

Мы обе сделали шаг назад и полюбовались букетом. По крайней мере, я *надеялась*, что она смотрит на букет с восхищением. Оказалось, что букет выглядит даже лучше, чем я думала. Я использовала цветочный краситель, чтобы превратить несколько белых роз в густо-фиолетовые. Потом я украсила стебли разными элементами в стиле стимпанк, крошечными металлическими шайбами и колесами, и даже приклеила часы к коричневому кожаному шнуру, который удерживал цветы вместе.

– *Стимпанк?*

– Это такой тренд. Что-то вроде подвида фантастики, но он распространяется на другие области. На искусство. На музыку. – Я

развернулась к Алисе и улыбнулась, держа букет: – А теперь и на цветы.

Алиса взяла у меня букет и подержала их перед – собой.

– Он такой... необычный. Но мне очень нравится. – Она обняла букет. – Могу я его взять?

Я потянула цветы к себе.

– Нет, они для официального открытия, а не для продажи. – Я забрала у нее букет и схватила вазу, которую сделала вчера. На прошлой неделе я нашла на блошином рынке пару старинных женских ботинок на пуговицах. Они напомнили мне о стиле стимпанк, и именно ботинки подсказали мне идею букета. После покупки я вымыла ботинки, высушила их, а потом приклеила на них металлические детали. Как только я обработала ботинки клеем Mod Podge, я смогла вставить в них вазу, чтобы налить в нее воду для цветов.

– Алиса! – Я поставила цветы на центральный стол. – Я почти уверена, что именно это я хотела сделать со своей жизнью.

– Стимпанк? – спросила она.

Я рассмеялась и повернулась к ней.

– Творчество! – сказала я и повернула табличку на «Открыто» на пятнадцать минут раньше.

Для нас обеих день оказался более суматошным, чем мы думали. Между заказами по телефону, заказами через интернет и заходившими клиентами ни одной из нас не хватило времени на ланч.

– Тебе нужно больше служащих, – констатировала Алиса, проходя мимо меня с двумя букетами цветов. Это было в час дня.

– Тебе нужно больше служащих, – повторила она в два часа, прижимая телефон к уху и записывая заказ, одновременно звонком вызывая меня к кассе.

После трех часов в магазин зашел Маршалл и спросил, как дела. Алиса сказала ему:

– Ей нужно больше служащих.

В четыре часа я помогла женщине отнести букет в машину, и когда я вернулась в магазин, Алиса как раз выходила, держа другой букет.

– Тебе нужно больше служащих, – выпалила она в отчаянии.

В шесть часов она заперла дверь, перевернула табличку, потом привалилась спиной к двери и сползла на пол, глядя на меня снизу вверх.

– Я знаю, – сказала я, – мне нужно больше служащих.

Она только кивнула. Я подошла к ней и села рядом. Мы склонили друг к другу головы и посмотрели на магазин. Букет в стиле стимпанк стоял впереди по центру, и, хотя я отказалась продать именно этот букет, мы получили восемь заказов на такие букеты.

– Я горжусь тобой, Лили, – сказала Алиса.

– Я бы не сделала это без тебя, Исса, – улыбнулась я.

Мы посидели так несколько минут, наслаждаясь отдыхом, который мы наконец дали нашим ногам. Честно говоря, это был один из лучших дней в моей жизни, но я не могла избавиться от грусти из-за того, что Райл так и не появился. Он даже не прислал сообщения.

– Твой брат сегодня давал о себе знать? – спросила я.

Алиса покачала головой:

– Нет, но я уверена, что он просто занят.

Я кивнула. Я знала, что он занят.

Мы обе подняли глаза, когда кто-то постучал в дверь. Я улыбнулась, увидев, что к стеклу прижимается Райл, прикладывая ладони к глазам. Наконец он посмотрел вниз и увидел нас сидящими на полу.

– Легок на помине, – сказала Алиса.

Я подскочила и открыла дверь, чтобы впустить его. Как только я ему открыла, он тут же протиснулся внутрь.

– Я это пропустил? Да, я пропустил. – Райл обнял меня. – Прости. Я приехал сразу, как только смог.

Я обняла его в ответ.

– Все в порядке. Ты здесь. Все было идеально. – Я радовалась тому, что он вообще появился.

– Ты идеальная, – сказал он, целуя меня.

Алиса прошла мимо нас.

– Ты идеальная, – передразнила она брата. – Эй, Райл, знаешь что? Он отпустил меня.

– Что?

Алиса схватила мусорную корзину и бросила ее на прилавок.

– Лили нужно нанять больше служащих.

Я рассмеялась, потому что она повторяла эти слова весь день. Райл сжал мою руку и ответил:

– Судя по всему, дела пошли хорошо.

Я пожала плечами:

– Мне не на что жаловаться. То есть... я не нейрохирург, но я хороша в своем деле.

Райл рассмеялся:

– Так, ребята, вам нужна помощь с уборкой?

Мы с Алисой приобщили его к делу, и он помог нам навести порядок после трудного дня. Мы уже все закончили и подготовили к завтрашнему открытию, когда пришел Маршалл. Он принес какой-то мешок и положил его на прилавок. Он начал вытаскивать комки из какого-то материала, а потом бросил по комку каждому из нас. Я поймала свой и развернула.

Это был домашний комбинезон.

Мне достался с котятками.

– «Брюинз» сегодня играет. Бесплатное пиво. Одеваемся, команда!

Алиса застонала:

– Маршалл, в этом году ты заработал шесть миллионов. Неужели нам *действительно* нужно бесплатное пиво?

Он прижал палец к ее губам, закрывая ей рот.

– Тсс! Не говори, как богатая девочка, Исса. Это богохульство.

Она засмеялась, и Маршалл выхватил комбинезон у нее из рук. Он расстегнул «молнию» и помог ей влезть в него. Как только мы все переоделись, мы заперли магазин и направились в бар.

Никогда в жизни я не видела такого количества мужчин в домашних комбинезонах. Мы с Алисой оказались единственными женщинами в комбинезонах, но мне это вроде даже понравилось. В баре было шумно. Так шумно, что каждый раз, когда «Брюинз» забивали шайбу, нам с Алисой приходилось закрывать уши руками, спасаясь от криков. Примерно через полчаса отдельный кабинет на верхнем этаже освободился, и мы ринулись вверх по лестнице, чтобы занять его.

– Так намного лучше, – одобрила Алиса, усаживаясь. Там было гораздо тише, чем внизу, но все же очень шумно по нормальным стандартам.

К нам подошла официантка, чтобы принять заказ на напитки. Я заказала красное вино, и как только я это сделала, Маршалл подскочил на месте.

– Вино? – заорал он. – Ты же в комбинезоне! Ты не получишь бесплатное вино в комбинезоне!

Он попросил официантку принести мне пива. Но Райл сказал, чтобы она принесла вина. Алиса захотела воды, и это огорчило Маршалла еще больше. Он попросил официантку принести четыре бутылки пива, и тут Райл не выдержал:

– Два пива, красное вино и воду.

Официантка была совершенно сбита с толку, когда отходила от нашего столика.

Маршалл обнял Алису и поцеловал ее.

– Как я смогу попытаться обрюхатить тебя сегодня вечером, если ты будешь совершенно трезвая?

Выражение лица Алисы изменилось, и мне сразу стало жаль ее. Я знала, что Маршалл пошутил, но едва ли ей это понравилось. Всего несколько дней назад она говорила мне, насколько подавленной она себя чувствует из-за того, что не может забеременеть.

– Я не могу пить пиво, Маршалл.

– Тогда выпей хотя бы вина. Ты больше меня любишь, когда ты под хмельком. – Он рассмеялся над своей шуткой, но Алиса оставалась серьезной.

– Вино мне тоже нельзя. На самом деле мне вообще спиртное нельзя.

Маршалл перестал смеяться.

Мое сердце пропустило удар.

Маршалл повернулся к жене и схватил ее за плечи, заставив смотреть ему в лицо.

– Алиса?

Она просто начала кивать, и я не знаю, кто заплакал первым, я, Маршалл или Алиса.

– Я стану папой? – закричал Маршалл.

Она все еще кивала, а я просто вопила, как идиотка. Маршалл подскочил на месте и закричал:

– Я буду папой!

Такой момент невозможно описать, это надо было видеть. Взрослый мужчина в домашнем комбинезоне стоял в отдельном кабинете в баре и орал во все горло, что он станет папой. Он поднял Алису на ноги, и теперь они стояли вдвоем. Он поцеловал ее, и это был самый нежный момент, который я когда-либо видела.

Пока не перевела взгляд на Райла и не заметила, что он жуёт нижнюю губу, как будто пытаюсь остановить подступающие слезы. Он увидел, что я на него смотрю, и отвернулся.

– Ничего не говори, она моя сестра.

Я улыбнулась, нагнулась к нему и поцеловала в щеку.

– Поздравляю, дядя Райл.

Как только будущие родители перестали целоваться, мы с Райлом встали и поздравили их. Алиса сказала, что ее уже некоторое время тошнило по утрам, но тест она сделала только этим утром перед нашим официальным открытием. Она собиралась вечером рассказать обо всем Маршаллу, когда они вернутся домой, но не смогла больше молчать.

Официантка принесла наши напитки, и мы заказали еду. Как только она отошла, я посмотрела на Мар-шалла.

– Как вы с Алисой познакомились?

– Она лучше расскажет историю, чем я, – ответил он.

Алиса вскинула голову и подалась вперед.

– Я его ненавидела, – призналась она. – Он был лучшим другом Райла и вечно торчал в нашем доме. Маршалл меня раздражал. Он только что переехал в Огайо из Бостона, и у него был бостонский акцент. Он думал, что акцент делает его классным. А мне хотелось дать ему оплеуху каждый раз, когда он начинал говорить.

– Она *такая* милая, – с сарказмом прокомментировал Маршалл.

– Ты был идиотом, – отрезала Алиса, округлив глаза. – Как бы там ни было, однажды мы с Райлом пригласили друзей с ночевкой. Ничего особенного, но родители уехали из города, поэтому мы устроили небольшое сборище.

– Там было тридцать человек, – вмешался Райл. – Это была вечеринка.

– Ладно, вечеринка, – не стала спорить Алиса. – Я вошла в кухню, а там стоял Маршалл, прижавшийся к какой-то шлюхе.

– Она не была шлюхой, – возразил он. – Просто милая девушка. На вкус как чипсы «Читос», но...

Алиса так на него посмотрела, что он сразу замолчал. Она снова повернулась ко мне:

– На чем я остановилась? А, да, я начала на него кричать, чтобы он уводил своих шлюх к себе домой. Девушка так меня испугалась, что убежала и больше не возвращалась.

– Кокблукер, – констатировал Маршалл.

Алиса пихнула его в плечо:

– Ладно. После того как я ему обломала кайф, я бросилась к себе в комнату, настолько меня смутило то, что я сделала. Это была чистой воды ревность, и я даже не понимала, насколько Маршалл мне нравится, пока не увидела его руки на заднице другой девушки. Я бросилась на кровать и заплакала. Через несколько минут пришел Маршалл и спросил, в порядке ли я. Я перекадилась на спину и выпалила: «Ты мне нравишься, придурок!»

– А остальное уже история... – сказал Маршалл.

Я рассмеялась:

– Потрясающе. Придурок. Сколько нежности.

Райл поднял палец и заявил:

– Ты опускаешь самую лучшую часть.

Алиса пожала плечами:

– Ах да. Итак, Маршалл подошел ко мне, поднял с кровати и поцеловал меня теми же губами, которыми целовал свою шлюху, и мы процеловались с полчаса. Райл нас застукал и принялся вопить на Маршалла. Тогда Маршалл вытолкнул Райла из моей спальни и целовался со мной еще целый час.

Райл покачал головой:

– Меня предал мой лучший друг.

Я снова засмеялась, но он повернулся ко мне с серьезным выражением лица:

– Я целый месяц с ним не разговаривал, так я на него разозлился. В конце концов, я это пережил. Нам было по восемнадцать, ей – семнадцать. Я мало что мог сделать, чтобы они держались подальше друг от друга.

– Вау, – сказала я. – Я иногда забываю, что у вас такая маленькая разница в возрасте.

Алиса улыбнулась:

– Трое детей за три года. Мне так жаль моих родителей.

За столом стало тихо. Я заметила, как Алиса извиняющимся взглядом посмотрела на Райла.

– Трое? – переспросила я. – У вас есть еще брат или сестра?

Райл выпрямился, отпил пива и поставил бутылку обратно на столик.

– У нас был старший брат, – объяснил он. – Он умер, когда мы были детьми.

Такой великолепный вечер, и я разрушила его одним простым вопросом. К счастью, Маршалл мастерски перевел разговор на другую тему.

Остаток вечера я слушала истории о том, как они росли. Не уверена, что мне доводилось так много смеяться, как тогда.

Когда матч закончился, мы вернулись к магазину, чтобы забрать машины. Райл сказал, что приехал на такси, поэтому поедет со мной. Прежде чем Алиса с Маршаллом ушли, я попросила ее подождать, забежала в магазин, схватила букет в стиле стимпанк и отнесла его к их машине. Алиса просияла, когда я протянула ей цветы.

– Я счастлива, что ты беременна, но я дарю тебе эти цветы не поэтому. Я просто хочу, чтобы они были у тебя. Потому что ты моя лучшая подруга.

Алиса сжала меня в объятиях и прошептала на ухо:

– Надеюсь, он когда-нибудь на тебе женится. Мы еще будем лучшими сестрами.

Она села в машину, и они с Маршаллом уехали. А я просто стояла и смотрела им вслед, потому что у меня никогда в жизни не было такой подруги, как Алиса. Возможно, в моем настроении было виновато вино. Не знаю, но этот день мне понравился. Все в нем. И мне особенно понравилось, как выглядит Райл, прислонившийся к моей машине и наблюдавший за мной.

– Ты по-настоящему красива, когда счастлива.

Ох! Ну что за день! Идеальный!

* * *

Мы поднимались по лестнице к моей квартире, когда Райл схватил меня за талию, прижал к стене и принялся целовать прямо на

ступеньках.

– Шальной, – пробормотала я.

Он рассмеялся и обеими руками схватил меня за ягодицы.

– Не-а, это все комбинезон. Тебе стоило бы подумать о том, чтобы превратить его в твой деловой костюм. – Райл снова поцеловал меня и не останавливался до тех пор, пока мимо нас кто-то не спустился по лестнице.

– Симпатичные комбинезончики, – сказал парень, протискиваясь мимо нас. – «Брюинз» выиграли?

Райл кивнул.

– Три один, – ответил он, не глядя на парня.

– Отлично, – откликнулся тот.

Как только парень ушел, я отошла от Райла.

– Что такое с этими комбинезонами? В Бостоне каждый мужчина об этом знает?

Он рассмеялся и сказал:

– Все дело в бесплатном пиве, Лили. – Он потянул меня за собой вверх по ступенькам. Когда мы вошли, Люси стояла у кухонного стола и клеивала коробку со своими вещами. Рядом стояла еще одна незаклеенная коробка, и я могла бы поклясться, что увидела там миску из HomeGoods, которую покупала я. Люси обещала, что к следующей неделе вывезет все вещи, но у меня было такое ощущение, что она собралась вывезти и часть *моих*.

– Ты кто? – спросила Люси, оглядывая Райла с головы до ног.

– Райл Кинкейд. Я бойфренд Лили.

Бойфренд Лили.

Вы это слышали?

Бойфренд.

Он впервые это подтвердил и назвал так с уверенностью.

– Мой бойфренд, значит? – Я вошла в кухню и взяла бутылку вина и два бокала.

Райл подошел ко мне сзади, пока я наливала вино, и его руки скользнули мне на талию.

– Ага. Твой бойфренд.

Я вручила ему бокал с вином и сказала:

– Значит, я твоя подружка?

Он чокнулся со мной.

– За окончание пробных отношений и за начало настоящих отношений.

Мы оба улыбнулись и выпили вина.

Люси сложила коробки друг на друга и направилась к входной двери.

– Кажется, я вовремя съезжаю, – констатировала она.

Дверь за ней закрылась, и Райл поднял бровь.

– Кажется, я не слишком понравился твоей со-седке.

– Ты удивишься, но думаю, что я ей тоже не нравлюсь. Хотя вчера она попросила меня стать подружкой невесты на ее свадьбе. Вероятно, Люси надеется на бесплатные цветы. Она та еще пройда.

Райл рассмеялся и прислонился к холодильнику. Его взгляд упал на магнит с надписью «Бостон». Он снял его с дверцы и удивленно посмотрел на меня.

– Ты никогда не выберешься из чистилища Бостона, если будешь хранить сувениры о городе на холодильнике, как турист.

Я со смехом отобрала у него магнит и прилепила обратно на холодильник. Мне понравилось, что он так много помнит о нашей первой встрече.

– Это подарок. Он мог бы считаться туристическим сувениром, если бы я купила его сама.

Райл подошел ко мне, взял у меня из рук бокал с вином, поставил оба наших бокала на рабочий стол, нагнулся ко мне и прижался к моим губам глубоким, страстным, пьяным поцелуем. Я почувствовала фруктовую сладость вина на его языке, и мне это понравилось. Пальцы Райла добрались до «молнии» на моем комбинезоне.

– Давай-ка избавимся от этой шкурки.

Он потянул меня по направлению к спальне и не переставал целовать, пока мы освобождались от одежды. К тому времени, когда мы добрались до спальни, на мне остались только трусики и бюстгальтер.

Райл прижал меня к двери, и я задохнулась от неожиданности.

– Не двигайся, – попросил он, прижался губами к моей груди, а потом его поцелуи начали спускаться вниз по моему телу.

О боже. Неужели этот день может стать еще лучше?

Я запустила пальцы ему в волосы, но он схватил меня за запястья и прижал их к двери. Райл поднялся обратно по моему телу, крепко

сжимая мои запястья. Он предупредительно поднял бровь.

– Я же сказал... Не двигайся.

Я постаралась спрятать улыбку, но ее было трудно скрыть. Его губы снова поползли вниз по моему телу. Он медленно спустил мои трусики до лодыжек. Райл сказал мне не двигаться, поэтому я не стала их сбрасывать.

Его губы скользили по моему бедру, пока...

Да.

Лучший.

День.

В моей жизни.

Глава 13

Райл: Ты дома или еще на работе?

Я: На работе. Закончу примерно через час.

Райл: Могу я к тебе зайти?

Я: Ты слышал, люди говорят, что не бывает глупых вопросов? Они ошибаются. Это был глупый вопрос.

Райл: ☺

Спустя полчаса он постучал в парадную дверь цветочного магазина. Я закрыла магазин почти три часа назад, но я все еще была там, пытаюсь разобраться с хаосом, которым стал первый месяц работы. Магазин все еще оставался слишком новым, чтобы точно понять, насколько хорошо или насколько плохо идут дела. Некоторые дни торговля шла отлично, тогда как в другие дни покупателей почти не было, и я отправляла Алису домой. Но в общем и целом я пока была довольна тем, как развивался бизнес.

И счастлива от того, как развивались отношения с Райлом.

Я отперла дверь, чтобы впустить его. Он все еще был в светло-голубой медицинской форме, на шее висел стетоскоп. Только что с работы. Очень милый жест. Клянусь, каждый раз, когда я видела его сразу после смены, мне приходилось прятать глупую улыбку. Я быстро поцеловала его в щеку и направилась в свой кабинет.

– Мне надо кое-что закончить, а потом мы сможем поехать ко мне.

Райл пошел за мной в офис и закрыл дверь.

– Ты купила диван? – спросил он, оглядываясь.

Я потратила часть недели на последние штрихи. Я приобрела несколько настольных ламп, чтобы не включать мощные флуоресцентные лампы. Настольные лампы озаряли кабинет мягким светом. Я купила и несколько растений, чтобы держать их там постоянно. Это не был сад, но близко к нему. Комната проделала долгий путь от кладовки для ящиков из-под овощей.

Райл подошел к дивану и упал на него лицом вниз.

– Не торопись, – пробормотал он в подушку. – Я вздремну, пока ты заканчиваешь.

Порой меня беспокоило то, как он нагружает себя работой, но я ничего не говорила. К этому моменту я просидела в офисе уже двенадцать часов, поэтому не мне было заводить разговор о том, что кто-то слишком амбициозен.

Следующие пятнадцать минут или около того я провела, разбираясь с заказами. Когда я закончила, я закрыла ноутбук и посмотрела на Райла.

Я подумала, что он уснул, а он, оказывается, лежал на боку, подперев голову рукой. Все это время Райл смотрел на меня, и от улыбки на его лице я покраснела. Отодвинув кресло, я встала.

– Лили, думаю, ты мне слишком сильно нравишься, – сказал Райл, когда я подошла к нему.

Он сел на диван, притянул меня к себе на колени, а я сморщила нос.

– Слишком сильно? На комплимент не похоже.

– Это потому, что я ничего об этом не знаю, – признался Райл. Он усадил меня так, чтобы я оседлала его, а потом обнял меня за талию. – Это мои первые настоящие отношения. И я не знаю, должна ли ты мне уже нравиться до такой степени. Я не хочу напугать тебя.

Я рассмеялась:

– Как будто такое возможно. Ты слишком много работаешь, чтобы не давать мне свободно дышать.

Он провел рукой по моей спине.

– Тебя беспокоит то, что я слишком много работаю?

Я покачала головой:

– Нет. Я иногда беспокоюсь за тебя, потому что не хочу, чтобы ты дошел до выгорания. Но я не возражаю против того, чтобы делить тебя с твоей страстью. На самом деле мне нравится, что ты такой

амбициозный. Это сексуально. Вполне возможно, это то, что я люблю в тебе больше всего.

– А знаешь, что я в тебе люблю больше всего?

– Я уже знаю ответ. – Я улыбнулась. – Мой рот.

Райл откинул голову на спинку дивана.

– О да. Это самое любимое. Знаешь, что на втором месте?

Я покачала головой:

– Ты на меня не давишь, не заставляешь быть таким, каким я быть не могу. Ты принимаешь меня ровно таким, какой я есть.

Я улыбнулась:

– Что ж, честно говоря, ты немного изменился с момента нашей первой встречи. Ты больше не настроен так отрицательно по отношению к подружкам.

– Это потому, что ты облегчила мою задачу. – Его рука пробралась мне под рубашку. – Быть с тобой легко, я могу делать карьеру, о которой всегда мечтал. Когда я с тобой, я к тому же чувствую, что получу свой пирог и съем его.

Уже обе его руки оказались под моей рубашкой, прижались к моей спине. Он притянул меня к себе и поцеловал. Я улыбнулась и прошептала:

– Это лучший пирог из тех, которые ты пробовал?

Пальцы Райла проникли под мой бюстгальтер сзади и легко расстегнули его.

– Я почти уверен в этом, но, возможно, мне нужно попробовать еще кусочек, чтобы сказать точно. – Он стянул с меня рубашку и бюстгальтер. Я начала приподниматься, чтобы стянуть с себя джинсы, но он усадил меня обратно к себе на колени. Схватив стетоскоп, он вдел его в уши, потом прижал диафрагму к моей груди, прямо над сердцем.

– Отчего твое сердце так сильно бьется, Лили?

Я с невинным видом пожала плечами:

– Должно быть, в этом есть доля вашей вины, доктор Кинкейд.

Он отбросил конец стетоскопа, снял меня со своих коленей и уложил на диван. Он развел мои бедра в стороны, устроился между ними на коленях и снова приложил стетоскоп к моей груди. Он опирался на одну руку, продолжая слушать мое сердце.

– По-моему, около девяноста ударов в минуту, – сказал он.

– Это хорошо или плохо?

Райл усмехнулся и лег на меня.

– Я буду удовлетворен, услышав сто сорок ударов.

Ага. Если бы пульс достиг 140, пожалуй, я бы тоже была довольна.

Его губы коснулись моей груди, и я закрыла глаза, когда язык Райла скользнул по моему соску. Он взял его в рот, все это время продолжая прижимать стетоскоп к моей груди.

– Уже около ста ударов, – сообщил он, снова повесил стетоскоп на шею и принялся расстегивать мои джинсы. Как только он спустил их с меня, он начал меня переворачивать, пока я не оказалась на животе с закинутыми на подлокотник дивана руками.

– Встань на колени, – сказал Райл.

Я повиновалась, и прежде чем я успела устроиться поудобнее, я снова почувствовала холодный металл стетоскопа на своей груди. Его рука обвила меня сзади. Я не шевелилась, пока он слушал мое сердцебиение. Другая его рука начала медленно искать путь между моими бедрами, пробралась в трусики и внутрь меня. Я ухватилась за диван, но старалась сдерживать рвущиеся звуки, пока он слушал мое сердце.

– Сто десять, – констатировал Райл, все еще не удовлетворенный.

Он потянул мои бедра назад навстречу ему, и я почувствовала, как он освобождается от медицинской формы. Одной рукой он ухватил меня за бедро, другой рукой отодвигая мои трусы в сторону. Одним движением Райл вошел в меня.

Я в отчаянии вцепилась в диван, когда он остановился, чтобы снова послушать мое сердце.

– Лили, – сказал он с деланным разочарованием, – только сто двадцать. Это не совсем то, чего я от тебя жду.

Стетоскоп снова исчез, и его рука обвилась вокруг моей талии, потом скользнула вниз и устроилась у меня между ног. Я больше не могла успевать за его ритмом. Я едва стояла на коленях. Ему каким-то образом удавалось держать меня одной рукой, а другой доводил меня до оргазма. Когда по моему телу побежали первые волны дрожи, он резко выпрямил меня так, чтобы моя спина прижалась к его груди. Он все еще был внутри меня, но он снова сосредоточился на моем сердце, так как приложил стетоскоп к моей груди.

Я застонала, и Райл прижался губами к моему уху.

– Тсс. Не шуми.

Понятия не имею, как я сумела продержаться следующие тридцать секунд и не издать ни одного звука. Одной рукой он обнял меня и прижал стетоскоп к моей груди. Другую руку он крепко прижимал к моему животу, и его пальцы продолжали творить свое волшебство между моими ногами. Каким-то образом он все еще был глубоко во мне. Я попыталась двигаться, но он держался как скала, когда по мне пробежала дрожь. Ноги у меня задрожали, руки были прижаты к бокам, я вцепилась в его бедра. Мне понадобились все силы, чтобы не выкрикнуть его имя.

Меня все еще трясло, когда Райл поднял мою руку и приложил стетоскоп к запястью. Через несколько секунд он убрал стетоскоп и отбросил его на пол.

– Сто пятьдесят, – с удовлетворением отметил он. Райл вышел из меня, перевернул меня на спину, его губы снова прижались к моим губам, и он опять оказался во мне.

Мое тело было слишком слабым, чтобы двигаться, и я даже не могла открыть глаза, чтобы смотреть на него. Райл несколько раз вошел в меня и замер, застонав у моих губ. Он упал на меня, напряженный, но дрожащий.

Райл поцеловал меня в шею, потом его губы нашли татуировку в виде сердца над ключицей. Наконец он затих на моей шее и вздохнул.

– Я уже говорил сегодня вечером, как сильно ты мне нравишься? – спросил он.

Я рассмеялась:

– Пару раз.

– Считаю это третьим разом, – сказал Райл. – Ты мне нравишься. Все в тебе мне нравится, Лили. Нравится быть в тебе, быть рядом с тобой. Все нравится.

Я улыбнулась. Мне понравилось ощущение от его слов. Я открыла было рот, чтобы сказать, что он мне тоже нравится, но звонок его телефона лишил меня голоса.

Райл снова застонал у моей шеи, потом оторвался от меня и потянулся за телефоном. Он привел форму в порядок и рассмеялся, глядя на фото звонившего.

– Это моя мать, – пояснил он, наклоняясь и целуя мою коленку, лежавшую на спинке дивана. Отбросив телефон, Райл встал, подошел к моему столу и взял коробку бумажных салфеток.

Это всегда неловко, когда надо привести себя в порядок после секса. Но я никогда прежде не испытывала *такой* неловкости, ведь он не ответил на звонок матери.

Как только вся моя одежда снова оказалась на месте, Райл прижал меня к себе, и мы лежали на диване, я на нем, прижавшись головой к его груди.

Было уже больше десяти часов, но мне было так хорошо, что я подумала, не остаться ли мне в магазине на ночь. Телефон Райла снова подал голос, оповещая, что пришло новое голосовое сообщение. При мысли о том, что я увижу, как он общается с матерью, я улыбнулась. Алиса иногда упоминала об их родителях, но с Райлом я никогда раньше о них не говорила.

– Ты ладишь со своими родителями?

Его рука нежно погладила мою.

– Да. Они хорошие люди. У нас были непростые отношения, пока я был подростком, но мы с этим справились. Теперь я разговариваю с матерью практически каждый день.

Я сложила руки у него на груди и оперлась о них подбородком, глядя на него.

– Ты расскажешь мне больше о твоей матери? Алиса говорила мне, что ваши родители несколько лет назад переехали в Англию. И что они были в Австралии во время отпуска, но это было несколько месяцев – назад.

Райл рассмеялся:

– О моей матери? Что ж... Моя мать очень – властная. И очень субъективна по отношению к тем, кого любит. Она ни разу не пропустила церковную – службу. И я ни разу не слышал, чтобы она говорила о моем отце, называя его как-то иначе, чем доктор Кинкейд.

И говоря все это, он улыбался.

– Твой отец тоже врач?

Райл кивнул:

– Психиатр. Он выбрал область медицины, которая позволила ему вести нормальную жизнь. Умный человек.

– Они приезжают к тебе в Бостон?

– Нет. Моя мать ненавидит летать, поэтому мы с Алисой летаем в Англию пару раз в год. Мама хочет познакомиться с тобой, поэтому в следующий раз тебе, возможно, придется лететь с нами.

Я просияла:

– Ты рассказал обо мне матери?

– Разумеется. Это своего рода событие. У меня появилась подружка. Мама звонит мне каждый день, чтобы убедиться, что я что-нибудь не испортил.

Я засмеялась, и Райл потянулся за телефоном.

– Думаешь, я шучу? Гарантирую, что мама каким-то образом упомянула тебя в голосовом сообщении, которое она только что оставила. – Он включил голосовое сообщение.

«Привет, дорогой! Это мама. Не разговаривала с тобой со вчерашнего дня. Скучаю. Обними за меня Лили. Ты же еще встречаешься с ней, верно? Алиса мне сказала, что ты все время говоришь о ней. Лили все еще твоя подружка, так? О'кей. Ко мне пришла Гретхен, у нас вечернее чаепитие. Люблю тебя. Целую-целую».

Я прижалась лицом к груди Райла и рассмеялась.

– Мы встречаемся всего несколько месяцев. Сколько же ты говоришь обо мне?

Он просунул мою руку между нами и поцеловал ее.

– Слишком много, Лили, слишком много.

Я улыбнулась:

– Не могу дождаться встречи с твоими родителями. Они не только вырастили невероятную дочь, они создали тебя. Это впечатляет.

Руки Райла крепче сжали меня, и он поцеловал меня в макушку.

– А как звали твоего брата? – спросила я.

Я почувствовала, как он напрягся после моего вопроса. Я пожалела, что заговорила об этом, но сказанного не воротишь.

– Эмерсон.

По голосу Райла я поняла, что ему не хочется говорить об этом. Я не стала на него давить, просто подтянулась повыше и прижалась губами к его губам.

Мне следовало догадаться. У нас с Райлом поцелуями дело никогда не заканчивалось. Через несколько минут он уже снова был во мне, но в этот раз все было иначе, чем прежде.

В этот раз мы занимались любовью.

Глава 14

Зазвонил мой телефон, я посмотрела на экран, кто это, и немного удивилась. Райл впервые позвонил мне. Мы всегда только обменивались сообщениями. Как странно было иметь бойфренда в течение более трех месяцев и ни разу не говорить с ним по телефону.

– Алло?

– Привет, подружка, – сказал он.

Я широко улыбнулась при звуке его голоса.

– Привет, бойфренд.

– Знаешь что?

– Что?

– Завтра я взял выходной. По воскресеньям твой цветочный магазин открывается только в час дня. Я еду в твою квартиру с двумя бутылками вина. Хочешь, чтобы твой бойфренд остался у тебя ночевать? Мы бы всю ночь занимались пьяным сексом и проспали до полудня.

Боже, что его слова сделали со мной! Я улыбнулась и спросила:

– Знаешь что?

– Что?

– Я готовлю тебе ужин. И я в переднике.

– Вот как?

– *Только* в переднике, – уточнила я и повесила – трубку.

Спустя несколько секунд я получила сообщение.

Райл: Фото, пожалуйста. Я: Приезжай сюда и сможешь сам сделать фото.

Я почти закончила готовить смесь для запеканки, когда дверь открылась. Я перелила ее в стеклянную форму и не обернулась, когда услышала, как Райл вошел в кухню. Когда я сказала, что на мне только передник, я не шутила. На мне даже трусов не было.

Я услышала, как он втянул воздух, когда я нагнулась к духовке и отправила туда запеканку. Пожалуй, я нагнулась чуть ниже, чем требовалось, когда делала это. Когда я закрыла духовку, я не повернулась к Райлу лицом. Я взяла тряпку и принялась вытирать духовку снаружи, как можно выразительнее двигая бедрами. Я взвизгнула, когда почувствовала укус в правую ягодицу. Я развернулась. Райл улыбался, держа две бутылки вина.

– Ты только что *укусил* меня?

Он посмотрел на меня с невинным видом.

– Не искушай скорпиона, если не хочешь, чтобы он тебя укусил. – Открывая одну из бутылок, Райл разглядывал меня с головы до ног. Он чуть приподнял бутылку, прежде чем налить нам вина, и сказал:

– Это *винтаж*.

– *Винтаж*, – повторила я с деланным восторгом. – Что за особенный повод?

Райл протянул мне бокал.

– Я стану дядей. У меня горячая подружка. И меня назначили на редкую, вероятно, единственную в жизни операцию, по разделению краниопага в поне-дельник.

– Кранио... как?

Райл допил свой бокал вина и налил себе еще один.

– Разделение краниопага у сиамских близнецов. – Он указал на свою макушку и постучал по ней. – Они срослись вот здесь. Мы

изучаем их с момента рождения. Это очень редкая операция.
Редчайшая.

Впервые я подумала, что он по-настоящему заводит меня как врач. То есть я восхищалась его увлеченностью. Я восхищалась его преданностью. Но когда я видела, с каким возбуждением он говорит о том, чем зарабатывает на жизнь, он казался мне невероятно сексуальным.

– Как ты думаешь, сколько это займет времени? – спросила я.

Райл пожал плечами:

– Не уверен. Они слишком малы, им нельзя долго находиться под общим наркозом. – Он поднял правую руку и пошевелил пальцами. – Но это особенная рука, она прошла профессиональное обучение стоимостью почти полмиллиона долларов. Я очень верю в эту руку.

Я подошла к нему и прижалась губами к его ладони.

– Я тоже немного влюблена в эту руку.

Его рука скользнула по моей шее, а потом развернула меня так, что я оказалась прижата к рабочему столу. Я ахнула, потому что ничего подобного не ожидала.

Он прижался ко мне сзади и медленно провел рукой по моему телу сбоку. Я оперлась ладонями о гранитную столешницу и закрыла глаза, уже чувствуя, как вино ударило в голову.

– Эта рука, – прошептал Райл, – самая твердая рука во всем Бостоне.

Он нажал мне на затылок, ниже наклоняя меня над столешницей. Его рука коснулась моего колена сзади и поползла вверх. Медленно.
Иисусе.

Он раздвинул мне ноги, а потом его пальцы оказались внутри меня. Я застонала и попыталась найти, за что ухватиться. Я вцепилась в кран как раз в ту секунду, когда его пальцы начали творить чудеса.

А потом его рука волшебным образом исчезла.

Я услышала, как он отошел от меня, и смотрела, как он проходит мимо «островка». Райл подмигнул мне, допил остававшееся вино и сказал:

– Пойду быстренько приму душ.

Это надо, а?

– Придурок! – крикнула я ему.

– Я не придурок! – крикнул он мне в ответ из спальни. – Я хорошо натренированный нейрохирург.

Я рассмеялась и налила себе еще вина.

Я собиралась показать ему, кто из нас двоих умеет дразнить по-настоящему.

* * *

Я допивала третий бокал вина, когда Райл вышел из моей спальни.

Я говорила по телефону с матерью, поэтому наблюдала с дивана, как он прошел в кухню и налил себе еще бокал.

Это по-настоящему хорошее вино.

– Чем ты занята сегодня вечером? – спросила мать. Я включила телефон на громкую связь. Райл прислонился к стене и смотрел, как я с ней разговариваю.

– Ничем особенным. Помогаю Райлу учиться.

– Звучит не слишком... интересно.

Райл подмигнул мне.

– На самом деле это очень интересно, – ответила я. – Я много помогаю ему в учебе. В основном мы развиваем мелкую моторику пальцев. Честно говоря, мы, скорее всего, всю ночь будем заниматься.

Три бокала вина сделали меня игривой. Я поверить не могла, что флиртую с Райлом, разговаривая по телефону с собственной матерью.
Кошмар.

– Мне пора идти, – сказала я ей. – Завтра вечером мы ведем ужинать Алису и Маршалла, поэтому я позвоню тебе в понедельник.

– О, и куда же вы их ведете?

Я округлила глаза. Мама намеков не понимала.

– Не знаю. Райл, куда мы их ведем?

– В тот ресторан, где мы уже однажды были с твоей мамой, – подыграл он мне. – «ЛВБ», верно? Я заказал столик на шесть часов.

Мне показалось, что мое сердце замерло. Мать одобрила:

– О, хороший выбор.

– Ага. Если тебе нравится старый хлеб. Пока, мам. – Я повесила трубку и посмотрела на Райла. – Я больше не хочу туда идти. Мне там не понравилось. Давай попробуем что-то новое.

Я не сказала ему, почему я *на самом деле* не хотела туда идти. Но как сказать только что появившемуся бойфренду, что ты пытаешься избежать встречи со своей первой любовью?

Райл оттолкнулся от стены.

– Тебе понравится, – сказал он. – Алисе очень хочется там побывать. Я рассказал ей об этом ресторане.

Возможно, мне повезет, и Атлас не будет работать.

– Раз уж мы заговорили о еде, – добавил Райл, – я просто умираю от голода.

Запеканка!

– Ах ты черт! – со смехом воскликнула я.

Райл метнулся на кухню, я встала и бросилась за ним. Я вошла как раз в тот момент, когда он открыл дверцу духовки и начал отмахиваться от дыма. *Запеканка сгорела.*

У меня вдруг закружилась голова, наверное, потому что я слишком быстро встала после трех бокалов вина. Я ухватилась за столешницу, чтобы сохранить равновесие, и в этот момент Райл протянул руку в духовку, чтобы вытащить сгоревшую запеканку.

– Райл! Тебе нужна...

– Черт! – завопил он.

– Прихватка.

Его рука выпустила форму, и запеканка оказалась на полу, разлетевшись во все стороны. Я подняла ступни, чтобы не наступить на осколки стекла и кусочки грибов с курицей. Мне вдруг стало смешно от того, что Райл даже не подумал взять прихватку.

Должно быть, виновато было вино. Слишком крепкое вино.

Райл захлопнул дверцу духовки и сунул руку под холодную воду, бормоча ругательства. Я старалась подавить смех, но вино и смехотворная ситуация не позволяли мне этого сделать. Я посмотрела на пол, на остатки запеканки, которые нам придется убирать, и расхохоталась в голос. Я все еще смеялась, когда нагнулась к руке Райла. Я надеялась, что он не слишком сильно обжегся.

В следующую секунду мой смех оборвался. Я оказалась на полу, рука прижата к углу глаза.

За одну эту секунду рука Райла возникла из ниоткуда и ударила меня, опрокинув. Силы в руке оказалось достаточно, чтобы я потеряла равновесие и, падая, ударилась лицом об одну из ручек шкафа.

Удар пришелся на край глаза, почти у самого виска. Боль пронзила голову.

И тут я почувствовала тяжесть.

Тяжесть надвинулась на меня, надавила на каждую часть моего тела. Сила земного притяжения оказалась такой, что она потянула за собой мои эмоции. Все разлетелось вдребезги.

Мои слезы, мое сердце, мой смех, моя *душа*. Разлетелись, как осколки стекла, и дождем сыпались вокруг меня.

Я обхватила руками голову и постаралась забыть предыдущие десять секунд.

– Черт подери, Лили, – услышала я голос Райла, – это не смешно. В этой руке моя долбаная карьера.

Я не подняла на него глаза. На этот раз его голос не проник в мое тело, он как будто пронзал меня, и каждое его слово опускалось на меня словно меч. Потом я почувствовала его присутствие рядом с собой, его *проклятая рука* на моей спине.

Она гладила меня.

– Лили! О боже, Лили. – Он попытался оторвать мои руки от головы, но я отказывалась повиноваться. Я затрясла головой, желая прогнать последние пятнадцать секунд из своей жизни. *Пятнадцать секунд*. Этого хватило, чтобы полностью изменить представление о человеке.

Пятнадцать секунд, которые мы никогда больше не вернем.

Райл прижал меня к себе и начал целовать в ма-кушку.

– Прости меня, пожалуйста. Я просто... Я обжег руку. Запаниковал. Ты смеялась, и... Прости меня, пожалуйста, все случилось слишком быстро. Я не хотел тебя толкать, Лили. Прости меня.

Но я не слышала голоса Райла. Я слышала только голос моего отца.

«Прости, Дженни. Это была случайность. Прости меня, пожалуйста».

– Прости меня, Лили. Это была случайность. Прости меня, пожалуйста.

Я хотела только одного: чтобы он отошел от меня. Я использовала всю силу своих рук и ног и оттолкнула его от себя.

Райл упал назад, на руки. В его глазах было искреннее сожаление, но потом появилось и что-то другое.

Тревога? Паника?

Он медленно поднял правую руку. Она была покрыта кровью. Кровь текла из ладони к запястью, я посмотрела на пол, на осколки разбитой стеклянной формы из-под запеканки. *Его рука.* Я только что толкнула его на стекло.

Райл отвернулся, поднялся на ноги, сунул руку под струю воды и начал смывать кровь. Я встала в тот момент, когда он вытащил из ладони кусок стекла и бросил его на столешницу.

Во мне кипел гнев, но каким-то образом сквозь него удалось прорваться тревоге за руку Райла. Я схватила полотенце и сунула ему в руку. Было так много крови.

И это была его правая рука.

А у него в понедельник операция.

Я пыталась помочь остановить кровь, но меня слишком сильно трясло.

– Райл, твоя рука.

Он убрал руку из-под струи и здоровой рукой приподнял мой подбородок.

– К черту мою руку, Лили. Мне наплевать на нее. Ты в порядке? – Его взгляд лихорадочно метался по моему лицу, пока он оценивал травму.

У меня затряслись плечи, крупные, наполненные болью слезы покатались по моим щекам.

– Нет. – Я все еще была в шоке и знала, что он слышит, как разорвалось мое сердце от этого единственного слова, потому что я ощущала его всем своим существом. – О боже. Ты толкнул меня. Ты... – От понимания того, что только что произошло, было больнее, чем от удара.

Райл обнял меня рукой за шею и в отчаянии прижал к себе.

– Мне так жаль, Лили. *Боже*, мне так жаль. – Он уткнулся лицом в мои волосы, обрушивая на меня все свои эмоции. – Пожалуйста, не надо меня ненавидеть. *Прошу тебя.*

Его голос медленно начинал становиться голосом Райла, и я чувствовала его в животе, в пальцах ног. Вся его карьера зависела от

этой руки. Ведь это же о чем-то говорило, что он больше не волновался о ней. *Верно?* Я была совершенно сбита с толку.

Слишком много всего случилось. Дым, вино, разбитый бокал, разбросанная еда, кровь, гнев, извинения. *Явный перебор.*

– Прости меня, пожалуйста, – повторил Райл. Я отстранилась, посмотрела на него. Глаза у него покраснели, я никогда не видела его таким печальным. – Я запаниковал. Я не собирался тебя отталкивать. Я просто запаниковал. Я думал только об операции в понедельник и о моей руке... Мне очень, очень жаль. – Он прижался губами к моим губам.

Райл не похож на моего отца. Не может быть похож. В нем нет ничего от этого равнодушного ублюдка.

Мы оба были расстроены, сбиты с толку, опечалены. И мы целовались. Я никогда не переживала ничего подобного, как в этот момент, такой чудовищный и болезненный. Но почему-то единственным, что облегчало боль, только что причиненную этим мужчиной, был сам этот мужчина. Мои слезы успокоили его печаль, мои эмоции успокоили его губы на моих губах, его рука, вцепившаяся в меня так, будто он не собирался меня отпускать.

Я почувствовала, как его руки обвились вокруг моей талии, и он поднял меня и понес, переступая через бедлам, который мы устроили на полу. Я не знала, кем я разочарована больше, им или собой. Им, потому что он вышел из себя, или мной, потому что я находила утешение в его извинениях.

Он нес меня в спальню и целовал. Райл все еще целовал меня, когда опустил на кровать и прошептал:

– Прости меня, Лили. – Его губы прижались к тому месту, которым я ударилась о шкафчик. – Мне так жаль.

Его рот, горячий и влажный, снова накрыл мои губы, и я не понимала, что со мной происходит. Мне было так больно в душе, но мое тело жаждало его извинений, прикосновений губ и рук. Мне хотелось сорваться и отреагировать так, как мне всегда хотелось, чтобы отреагировала моя мать, когда мой отец бил ее. Но в глубине души мне все-таки хотелось верить, что на самом деле это была случайность. Что Райл не похож на моего отца. *У них нет ничего общего.*

Мне нужно было почувствовать его печаль. Его сожаление. И я получила и то, и другое в том, как он целовал меня. Я раздвинула ноги, и его сожаление пришло ко мне в другой форме. Это были медленные, извиняющиеся движения внутри меня. Каждый раз, когда он входил в меня, он шептал извинения. И каким-то чудесным образом каждый раз, когда он выходил из меня, мой гнев уходил вместе с ним.

* * *

Он целовал мое плечо. Мою щеку. Мой глаз. Он все еще лежал на мне и нежно касался меня. Никогда еще ко мне не прикасались с такой нежностью. Я попыталась забыть то, что произошло в кухне, но воспоминание никуда не исчезло.

Он оттолкнул меня.

Райл толкнул меня.

Пятнадцать секунд я видела то, что не было Райлом. И это была не я. Вместо того чтобы смеяться, мне следовало проявить заботу. Райл оттолкнул меня в тот момент, когда ему не нужно было прикасаться ко мне. Я оттолкнула его, и из-за меня он порезал руку.

Это было ужасно. Все произошедшее, все эти пятнадцать секунд были совершенно ужасными. Мне хотелось больше никогда не думать об этом.

Райл все еще сжимал в кулаке тряпку, и она пропиталась кровью. Я толкнула его в грудь.

– Я сейчас вернусь, – сказала я. Он поцеловал меня еще раз и скатился с меня. Я зашла в ванную, закрыла дверь, посмотрела в зеркало и ахнула.

Кровь. В моих волосах, на щеках, на моем теле всюду была кровь Райла. Я схватила тряпку и попыталась смыть ее, потом заглянула под раковину, чтобы взять аптечку. Я понятия не имела, насколько сильно повреждена его рука. Сначала он обжег ее, потом порезал. Не прошло и часа после того, как он говорил мне о том, насколько важна для него предстоящая опе-рация.

Больше никакого вина. Для нас обоих винтажное вино отныне под запретом.

Я схватила коробку с аптечкой и вышла в спальню. Райл как раз возвращался из кухни с маленьким пакетом льда. Он поднял его повыше:

– Это для твоего глаза, – сказал он.

Я показала ему аптечку.

– Для твоей руки.

Мы оба улыбнулись и сели на кровать. Райл прислонился к спинке, я положила его руку себе на колени. Пока я обрабатывала его рану, он прижимал пакет со льдом к моему глазу.

Я выдавила немного кремообразного антисептика на палец и смазала ожоги на пальцах. Они выглядели не так ужасно, как я предполагала, поэтому я испытала облегчение.

– Ты знаешь, что надо сделать, чтобы не появились волдыри? – спросила я.

– Ничего не сделаешь, если это ожог второй степени. – Райл покачал головой.

Я хотела спросить его, сможет ли он оперировать в понедельник с волдырями на пальцах, но промолчала. Я была уверена, что именно об этом он только и – думал.

– Смазать антисептиком порез?

Райл кивнул. Кровь больше не текла. Я не сомневалась, что, если потребуются швы, он обратится за помощью, но, на мой взгляд, без этого можно было обойтись. Я начала бинтовать ему руку эластичным бинтом.

– Лили, – прошептал Райл. Я подняла на него глаза. Его голова опиралась на спинку кровати, казалось, он вот-вот заплачет. – Я ужасно себя чувствую, – сказал он. – Если бы я мог все вернуть...

– Знаю. – Я не дала ему договорить. – Я знаю, Райл. Это было ужасно. Ты толкнул меня. Ты заставил меня усомниться во всем том, что, как мне казалось, я о тебе знаю. Но я также знаю, что ты переживаешь из-за этого. Мы не можем ничего вернуть. И я не хочу больше об этом говорить. – Я закрепила повязку и посмотрела ему в глаза. – Но знаешь, Райл, если что-то подобное повторится... Я буду точно знать, что это не просто случайность. И я уйду от тебя, не раздумывая.

Он долго смотрел на меня, на лице появилось выражение сожаления. Нагнувшись ко мне, Райл прижался губами к моим губам.

– Это никогда больше не повторится, Лили. Я клянусь. Я не как он. Я знаю, что ты об этом думаешь, но я клянусь тебе...

Я покачала головой, не желая, чтобы он продолжал.

– Я знаю, что ты ни капельки не похож на моего отца, – сказала я. – Только, пожалуйста, никогда не давай мне повода снова усомниться в тебе. Пожалуйста.

Он смахнул волосы с моего лба.

– Ты самое важное, что есть в моей жизни, Лили. Я хочу быть тем, что приносит тебе счастье, а не тем, что причиняет тебе боль. – Он поцеловал меня, встал, нагнулся и прижал лед к моему лицу. – Подержи лед еще минут десять. Это предотвратит отек.

Я взяла лед в руку.

– Куда ты идешь?

Райл поцеловал меня в лоб и сказал:

– Убирать то, что я натворил.

Следующие двадцать минут он наводил порядок в кухне. Я слышала, как он собрал осколки и выбросил в мусорное ведро, вылил вино в раковину. Я быстро приняла душ, чтобы смыть с себя его кровь, а потом сменила простыни на постели. Когда Райл закончил убирать кухню, он принес мне стакан с содовой.

– Это содовая, – сказал он. – Тебе поможет.

Я сделала глоток и почувствовала, как пузырьки воздуха побежали по моему горлу. Идеальная вещь. Я выпила еще и поставила стакан на ночной столик.

– От чего это помогает? От похмелья?

Райл улегся в кровать и накрыл нас одеялом. Он покачал головой:

– Я не думаю, что содовая помогает хотя бы от чего-то. Просто мама мне обычно давала содовую, если у меня был плохой день, и мне всегда становилось чуточку лучше.

Я улыбнулась:

– Что ж, это сработало.

Он легко провел пальцами по моей щеке. По выражению его глаз, по тому, как он ко мне прикасался, я поняла, что он заслуживал хотя бы одного шанса на прощение. У меня было такое чувство, будто, не найдя способа его простить, я перенесу на него вину за ненависть, которую я испытываю к своему отцу. *Он не такой, как мой отец.*

Райл любил меня. Он никогда раньше этого не говорил, но я знала, что это так. И я любила его. Я не сомневалась, что произошедшее в кухне никогда больше не повторится. Это не могло

повториться, ведь я видела, как он был огорчен тем, что причинил мне боль.

Все люди ошибаются. Характер человека определяют не ошибки, которые он совершает. Все зависит от того, как он принимает эти ошибки и превращает их в уроки, а не в оправдания.

Через несколько минут Райл сжал мою руку.

– Лили, – сказал он, кладя свой большой палец на мой, – я люблю тебя.

Каждой клеточкой своего тела я ощутила его слова. Я прошептала:

– Я тоже тебя люблю. – И это было самой голой правдой, которую я ему когда-либо открывала.

Глава 15

Я пришла в ресторан с опозданием на пятнадцать минут. Я уже собиралась закрывать магазин, когда пришел покупатель, чтобы заказать цветы на похороны. Я не могла ему отказать, потому что, как это ни печально, похороны – это подарок для флориста.

Райл помахал мне рукой из-за столика, и я прошла напрямик к кабинке, стараясь не смотреть по сторонам. Мне не хотелось видеть Атласа. Я дважды попыталась уговорить их пойти в другой ресторан, но Алиса вознамерилась во что бы то ни стало поесть именно здесь после того, как Райл рассказал ей, насколько хорош этот ресторан.

Я села за столик, и Райл наклонился ко мне и поцеловал в щеку.

– Привет, подружка.

Алиса застонала:

– Боже, вы, ребята, такие милые, что аж тошнит. – Я улыбнулась ей, и ее взгляд мгновенно уперся в уголок моего глаза. Все выглядело не так плохо, как я предполагала. Возможно, мне помог лед, который я так долго держала по настоянию Райла. – О боже, – ахнула Алиса. – Райл рассказал мне о том, что случилось, но я не думала, что все настолько плохо.

Я посмотрела на него, гадая, что именно он рассказал сестре. *Правду?* Райл улыбнулся и сказал:

– Оливковое масло было всюду. Когда Лили поскользнулась, она сделала это так грациозно, что можно было подумать, будто она балерина.

Ложь.

Хотя достаточно справедливо. Я бы поступила так же.

– Зрелище было довольно жалкое, – со смехом добавила я.

Каким-то образом ужин прошел без сучка и без задоринки. Атласа не было видно, о произошедшем накануне я не думала, и мы с Райлом оба отказались от вина. Когда мы закончили с едой, к столику подошел наш официант.

– Желаете десерт? – спросил он. Я покачала головой, но Алиса встрепенулась.

– А что у вас есть?

Маршалл тоже проявил заинтересованность.

– Мы едим за двоих, поэтому съедим все, что с шоколадом, – объявил он.

Официант кивнул и отошел. Алиса посмотрела на мужа:

– Малыш пока размером с клопа. Тебе лучше было бы не обзаводиться плохими привычками в ближайшие несколько месяцев.

Официант вернулся с десертной картой.

– Всем будущим матерям наш шеф предлагает десерт за счет заведения, – сказал он. – Наши поздравления.

– Шеф угощает? – обрадовалась Алиса.

– Думаю, шеф-повар любит детей, – предположил Маршалл.

Мы все посмотрели в карту.

– О боже, – ахнула я, пораженная выбором.

– Это мой новый любимый ресторан, – объявила Алиса.

Мы выбрали три десерта на всех, и, ожидая, пока принесут заказ, обсуждали имена для будущего ре-бенка.

– Нет, – отрезала Алиса, глядя на Маршалла. – Мы не назовем нашего малыша в честь штата.

– Но мне нравится Небраска, – взвыл тот. – А как насчет Айдахо?

Алиса уронила голову на руки:

– На этом наш брак закончится.

– Развод, – предложил Маршалл. – Это действительно хорошее имя.

От смерти его спасло только появление десерта. Официант поставил тарелку с куском шоколадного пирога перед Алисой и отступил в сторону, чтобы пропустить другого официанта, державшего

два других десерта. Наш официант кивком указал на парня, ставившего десерты на стол, и сказал:

– Шеф решил сам вас поздравить.

– Как вам понравилась еда? – спросил шеф, глядя на Алису и Маршалла.

К тому моменту, когда он посмотрел на меня, я не находила места от тревоги. Атлас встретился со мной взглядом, и я, не подумав, выпалила:

– Так ты *шеф*?

Официант высунулся из-за спины Атласа и пояснил:

– Шеф-повар. Владелец. Иногда официант, иногда посудомойка.

Он вкладывает новый смысл в понятие практичности.

Следующие пять секунд пролетели незаметно для всех, но для меня все шло в замедленном темпе.

Взгляд Атласа остановился на синяке возле моего глаза.

Потом переместился на перевязанную руку Райла.

Потом снова на мой глаз.

– Нам нравится ваш ресторан, – объявила Алиса. – Это невероятное место.

Атлас даже не взглянул на нее. Я увидела, как дернулся кадык на его шее, когда он сглотнул. По скулам заходили желваки, и он молча ушел.

Черт.

Официант постарался прикрыть торопливый уход Атласа, сияя улыбкой и демонстрируя слишком много зубов.

– Наслаждайтесь десертом, – сказал он и ускользнул на кухню.

– Вот дерьмо, – подала голос Алиса. – Только нашли новый любимый ресторан, а шеф оказался придурком.

Райл расхохотался:

– Ага, но придурки – это лучшие повара. К примеру, Гордон Рамзи? [6]

– Ты прав, – согласился Маршалл.

Я положила руку на локоть Райла:

– Мне надо выйти.

Он кивнул, и я вышла из кабинки, а Маршалл сказал:

– Как насчет Вольфганга Пака? [7] Думаешь, он тоже придурок?

Я быстро прошла через зал, опустив голову. Как только я оказалась в знакомом коридоре, я не замедлила шаг, толкнула дверь женского туалета, вошла и заперла ее за собой.

Черт. Черт, черт, черт.

Этот его взгляд. Эти гневные желваки на скулах.

Я испытала облегчение, когда он ушел, но я была почти уверена, что он будет ждать нас у ресторана, чтобы надрать Райлу задницу.

Я вдохнула носом, выдохнула через рот, вымыла руки, повторила вдох-выдох. Немного успокоившись, я вытерла руки полотенцем.

Я решила, что вернусь в зал и скажу Райлу, что плохо себя чувствую. Мы уйдем и больше никогда не вернемся. Они все решили, что шеф-повар придурок, и это станет моим оправданием.

Я отперла дверь, но не успела открыть ее. Она начала открываться снаружи, поэтому я отступила в сторону. В туалет вошел Атлас и запер дверь. Он привалился к ней спиной и смотрел на меня, сфокусировав взгляд на ране возле глаза.

– Что случилось? – спросил он.

Я покачала головой:

– Ничего.

Его глаза сузились. Они оставались льдисто-голубыми, но вместе с тем пылали огнем.

– Ты лжешь, Лили.

Я сумела улыбнуться.

– Это была случайность.

Атлас хохотнул и тут же стал серьезным.

– Брось его.

Бросить Райла?

Боже, он все не так понял. Я подошла к нему и покачала головой:

– Райл не такой, Атлас. Все было не так. Райл хороший человек.

Он склонил голову к плечу:

– Забавно. Ты говоришь точно как твоя мать.

Его слова ужалили меня. Я мгновенно попыталась обогнуть его и открыть дверь, Атлас схватил меня за запястье.

– *Брось его, Лили.*

Я вырвала руку, повернулась к нему спиной и сделала глубокий вдох. Потом я медленно выдохнула и снова повернулась к нему лицом:

– У них нет ничего общего, и в данный момент я больше боюсь тебя, чем *когда-либо* боялась его.

От моих слов Атлас на мгновение застыл, но все же кивнул и отошел от двери.

– Я ни в коем случае не хотел, чтобы ты испытывала дискомфорт. – Он жестом указал на дверь. – Я просто пытаюсь отплатить тебе за ту заботу, которую ты всегда проявляла ко мне.

Я посмотрела на него, не зная, как отнестись к его словам. Внутри у него все еще кипел гнев. Я это видела. Но внешне Атлас был совершенно спокойным. Собранным. Он позволял мне уйти. Я протянула руку, отперла дверь, распахнула ее.

И ахнула, встретившись глазами с Райлом. Я бросила взгляд через плечо и увидела, что Атлас выходит следом за мной из дамской комнаты.

В глазах Райла заплескалось непонимание, пока он переводил взгляд с меня на Атласа и обратно.

– *Какого черта, Лили?*

– Райл... – Мой голос дрогнул. *Боже, все выглядело намного хуже, чем было на самом деле.*

Атлас обошел меня и направился к дверям кухни, как будто Райл не существовал для него. Глаза Райла были прикованы к спине Атласа. *Продолжай идти, – Атлас.*

У самых дверей в кухню Атлас остановился.

Нет, нет, нет. Продолжай идти.

Но в самый страшный момент моей жизни он развернулся, подошел к Райлу, схватил его за воротник сорочки. Райл мгновенно отпихнул Атласа, и тот отлетел к противоположной стене. Он снова ринулся на Райла, на этот раз нажав ему на шею предплечьем, и пригвоздил к стене.

– Только тронь ее еще раз, и я отрежу твою чертову руку и запихну тебе в глотку, ты, никчемный кусок дерьма!

– Атлас, прекрати! – крикнула я.

Он неохотно отпустил Райла, сделал широкий шаг назад. Райл, тяжело дыша, уставился на Атласа тяжелым взглядом. Потом его взгляд переместился на меня.

– Атлас? – переспросил он так, как будто слышал знакомое имя.

Почему Райл так произносит имя Атласа? Как будто он слышал его от меня раньше? Я никогда не говорила ему об Атласе.

Или говорила?

Да, говорила.

В тот вечер на крыше. Это была одна из моих голых правд.

Райл недоверчиво хохотнул и ткнул пальцем в сторону Атласа, хотя не отрывал глаз от меня.

– Это и есть Атлас? Бездомный парень, с которым ты переспала из жалости?

О боже.

Коридор мгновенно превратился в круговорот кулаков, локтей и моих криков с просьбой все это прекратить. Откуда-то из-за моей спины появились два официанта, пронеслись мимо меня и разняли дерущихся так же быстро, как началась драка.

Мужчины стояли у противоположных стен, тяжело дышали и мерили друг друга взглядами. Я даже смотреть не могла ни на кого из них.

Я не могла смотреть на Атласа. Только не после того, что Райл только что сказал ему. Не могла я смотреть и на Райла, потому что он в тот момент думал обо мне очень плохо.

– Вон! – крикнул Атлас, указывая на дверь, но глядя на Райла. – Убирайся к чертовой матери из моего ресторана!

Я встретилась глазами с Райлом, когда он проходил мимо меня, боясь того, что я могла в них увидеть. Но гнева в них больше не было.

Только боль.

Очень много боли.

Он замедлил шаг, как будто хотел что-то мне сказать, но на его лице появилось только выражение разочарования, и он прошел мимо меня обратно в зал ресторана.

Я наконец подняла глаза на Атласа и увидела разочарование и на его лице. Прежде чем я успела объяснить ему слова Райла, он повернулся и толкнул двери в кухню.

Я тут же бросилась следом за Райлом. Он схватил куртку из кабинки и направился к выходу, даже не оглянувшись на Алису и Маршалла.

Алиса вопросительно посмотрела на меня. Я покачала головой, взяла сумку и сказала:

– Это долгая история. Завтра поговорим.

Я вышла за Райлом на улицу. Он шел на парковку. Я побежала, чтобы догнать его, а он остановился и рассек кулаком воздух.

– Я не взял свою долбаную машину! – с досадой выкрикнул он.

Я вытащила из сумки ключи от своей машины, и он подошел ко мне, выхватив их из моей руки. Я снова последовала за ним, на этот раз к своей машине.

Я не знала, что делать. Я не знала, захочет ли он говорить со мной. Райл только что увидел, как я заперлась в дамской комнате с парнем, которого я когда-то любила. А потом этот парень набросился на него с кулаками ни с того ни с сего.

Боже, как все ужасно.

Когда мы подошли к машине, Райл направился напрямик к водительской дверце. Он указал на пассажирское место и сказал:

– Садись в машину, Лили.

По дороге он со мной не разговаривал. Один раз я обратилась к нему, но Райл только покачал головой, как будто он еще не был готов услышать мои объяснения. Как только он загнал машину на парковку, он сразу вышел из нее, как будто хотел побыстрее уйти от меня.

Он дошел уже до багажника машины, когда я из нее вышла.

– Все было не так, как это выглядело, Райл, клянусь тебе.

Он остановился, посмотрел на меня, и у меня сжалось сердце. В его глазах было столько боли, а ведь повода не было. Всею виной было глупое недоразумение.

– Я не хотел этого, Лили, – сказал он. – Я не хотел отношений! Я не хотел этого стресса в моей жизни!

Хотя ему было больно из-за того, что, как он думал, он увидел, его слова меня разозлили.

– Что ж, тогда *уходи!*

– *Что?*

Я всплеснула руками:

– Не хочу быть для тебя обузой, Райл! Сожалею, что мое присутствие в твоей жизни настолько *невыносимо!*

Он шагнул вперед.

– Лили, я говорю совершенно не об этом. – Райл с раздражением поднял руки, как будто сдаваясь, и прошел мимо меня. Прислонившись к машине, он сложил руки на груди. Я ждала, что скажет Райл, и

молчание затянулось. Голова его была опущена, но он слегка поднял ее, чтобы посмотреть на меня.

– Время для голой правды, Лили. Только ее я хочу услышать от тебя сейчас. Можешь сказать мне ее, пожалуйста?

Я кивнула:

– Ты знала, что он там работает?

Я поджала губы, взялась одной рукой за локоть – другой.

– Да. Именно поэтому я не хотела туда возвращаться, Райл. Мне не хотелось столкнуться с ним.

Казалось, мой ответ немного ослабил его напряжение. Он провел рукой по лицу.

– Ты сказала ему о том, что случилось вчера вечером? Ты сказала ему о нашей ссоре?

Я сделала шаг к нему и затрясла головой:

– Нет. Атлас сам догадался. Он увидел мой глаз и твою руку и просто сложил два и два.

Райл шумно выдохнул, запрокинул голову и посмотрел на крышу дома. Казалось, ему было слишком больно задать следующий вопрос.

– Почему ты оказалась с ним наедине в туалете?

Я сделала еще один шаг к нему:

– Атлас пришел туда. Я ничего о нем сейчас не знаю, Райл. Я даже не знала, что ресторан принадлежит ему. Я думала, он всего лишь официант. Он больше не часть моей жизни. Клянусь. Атлас просто... – Я сложила руки вместе и понизила голос. – Мы оба выросли в семьях, где в ходу было насилие. Он увидел мое лицо и твою руку... Он просто беспокоился за меня. Только и всего.

Райл прижал пальцы к губам, и я услышала, как воздух с шумом проходит между ними, когда он выдохнул. Он выпрямился, давая себе время осознать то, что я сказала.

– Моя очередь, – сказал он.

Оттолкнувшись от машины, Райл сделал три шага по направлению ко мне, преодолев расстояние, до этого разделявшее нас. Он взял мое лицо в ладони и посмотрел мне прямо в глаза.

– Если ты не хочешь быть со мной... пожалуйста, скажи мне об этом прямо сейчас, Лили. Потому что когда я увидел тебя с ним... мне было *больно*. Я не хочу испытать эту боль снова. И если мне так

больно сейчас, то я с ужасом думаю, что она может сделать со мной через год.

Я почувствовала, как по моим щекам потекли слезы. Я накрыла его руки своими и покачала головой:

– Я не хочу никого другого, Райл. Я хочу только – тебя.

Он выдавил из себя самую печальную улыбку из тех, которые я видела у людей. Райл привлек меня к себе и не отпускал. Я обняла его так крепко, как только смогла, когда он прижался губами к моему виску:

– Я люблю тебя, Лили. *Боже*, я люблю тебя.

Я крепче обняла его, поцеловала его в плечо:

– Я тоже тебя люблю.

Я закрыла глаза, и мне захотелось стереть последние два дня.

Атлас ошибался насчет Райла.

Мне бы только хотелось, чтобы Атлас *знал*, что он ошибся.

Глава 16

– Понимаешь... Я не хочу быть эгоисткой, но ты не попробовала десерт, Лили. – Алиса застонала. – Ох, как же это было вкусно...

– Мы никогда больше туда не пойдем, – сказала я ей.

Она топнула ногой словно маленький ребенок.

– Но...

– Ни за что. Мы должны уважать чувства твоего – брата.

Алиса сложила руки на груди.

– Знаю, знаю. Ну почему в подростковом возрасте в тебе разыгрались гормоны, и ты влюбилась в лучшего шеф-повара в Бостоне?

– Когда мы были знакомы, шеф-поваром он не был.

– Не важно, – отмахнулась от меня Алиса, вышла из моего кабинета и закрыла дверь.

Мой телефон зажужжал, когда пришло сообщение.

Райл: 5 часов позади. Впереди еще 5. Пока все хорошо. Рука отлично.

Я с облегчением вздохнула. Я сомневалась, сможет ли он оперировать. Я знала, насколько важной была для него эта операция, поэтому была счастлива за него.

Я: Самые твердые руки во всем Бостоне.

Я открыла ноутбук и проверила почту. Первым я увидела запрос из газеты «Бостон Глоб». Я открыла его, и это оказалось письмо от журналистки, заинтересованной в том, чтобы написать статью о магазине. Я заулыбалась как дурочка и тут же начала писать ей ответ, когда Алиса постучала в дверь, открыла ее и сунула голову в щель.

– Эй! – окликнула она меня.

– Эй! – откликнулась я.

Она постучала пальцем по косяку.

– Помнишь, несколько минут назад ты сказала мне, что я больше никогда не смогу пойти в «ЛВБ», потому что это нечестно по отношению к Райлу, так как ресторан принадлежит тому парню, которого ты любила подростком?

Я откинулась на спинку кресла.

– Что ты хочешь, Алиса?

Она сморщила нос и продолжала:

– Если это нечестно, чтобы мы снова пошли в этот ресторан из-за его владельца, насколько честной будет ситуация, если его владелец придет сюда?

Что?

Я закрыла ноутбук и встала.

– Почему ты так говоришь? Он здесь?

Она кивнула, проскользнула в мой кабинет и закрыла за собой дверь.

– Да, здесь. Он спросил тебя. Я знаю, что ты с моим братом, а я жду ребенка, но, пожалуйста, не могли бы мы просто несколько минут молча полюбоваться тем совершенством, которое являет собой этот мужчина?

Она мечтательно улыбнулась, и я округлила глаза.

– Алиса!

– Эти его глаза... – Она открыла дверь и вышла. Я последовала за ней и увидела Атласа. – Она здесь, – обратилась к нему Алиса. – Хочешь, чтобы я взяла твое пальто?

Мы ни у кого не берем пальто.

Атлас поднял глаза, когда я вышла из офиса. Потом его взгляд метнулся к Алисе, и он покачал головой.

– Нет, благодарю. Я долго не задержусь.

Алиса оперлась о прилавок и положила подбородок на руки.

– Оставайся, сколько захочешь. Может быть, ты ищешь подработку? Лили нужно нанять еще людей, и мы ищем кого-то, кто сможет поднимать тяжелые вещи. Требуется большая гибкость. И нагибаться надо.

Я, прищурившись, посмотрела на Алису и произнесла одними губами:

– *Прекрати.*

Она пожала плечами с невинным видом. Я придержала дверь для Атласа, но не стала смотреть на него, когда он проходил мимо. Я чувствовала себя страшно виноватой за то, что случилось накануне вечером. А еще я была ужасно зла из-за того, что произошло накануне вечером.

Я обошла вокруг своего стола, села в кресло и приготовилась к разговору. Но, посмотрев на Атласа, я так и не открыла рта.

Он улыбался. Круговым жестом обвел комнату, усаживаясь у стола.

– Это невероятно, Лили.

– Спасибо, – ответила я после паузы.

Атлас продолжал улыбаться мне с таким видом, как будто гордился мной. Потом поставил на стол между нами пакет и подтолкнул его ко мне.

– Это подарок. Можешь открыть его позже.

Почему он решил купить мне подарок? У него же была подружка. У меня был бойфренд. Наше прошлое и без того стало причиной проблем в моем настоящем. Я определенно не нуждалась в подарках, чтобы усугубить положение.

– Зачем ты покупаешь мне подарки, Атлас?

Он откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– Я купил его три года назад и хранил на тот случай, если встречу тебя.

Предусмотрительный Атлас. Он не изменился. Проклятье.

Я взяла подарок и поставила на пол у стола. Я пыталась хотя бы частично избавиться от накопившегося напряжения, но это было по-настоящему сложно.

– Я пришел сюда, чтобы извиниться, – сказал он.

Я отмахнулась от его извинений, давая ему понять, что это необязательно.

– Все в порядке. Это было недоразумение. У Райла все отлично. Атлас негромко рассмеялся.

– Я не за это извинился, – сказал он. – Я никогда не извиняюсь за то, что защищаю тебя.

– Ты меня не защищал, – парировала я. – Не от чего было защищать.

Он склонил голову к плечу точно так же, как это было прошлым вечером. Так Атлас давал мне понять, насколько разочарован мной. И от этого в моей груди заныло.

Я откашлялась.

– Тогда почему ты извиняешься?

Несколько секунд Атлас молчал. Размышлял.

– Я хотел извиниться за то, что сказал, будто ты говоришь, как твоя мать. Этим я причинил тебе боль и прошу за это прощения.

Я не понимала, почему мне всегда хочется плакать, когда он рядом. Когда я думала о нем. Когда я читала о нем. Как будто мои эмоции все еще каким-то образом были связаны с ним, а я не могла сообразить, как разрезать эти нити.

Его взгляд упал на мой стол. Он потянулся вперед и взял три вещи: ручку, стикер и мой телефон.

Он написал что-то на стикере, снял крышку с моего телефона, положил стикер между крышкой и аккумулятором, потом снова закрыл крышку. Атлас подтолкнул телефон ко мне. Я посмотрела на телефон, потом на Атласа. Он встал и бросил ручку на мой стол.

– Это номер моего мобильного. Держи его там на тот случай, если он когда-нибудь тебе понадобится.

Этот жест заставил меня поморщиться. *Ненужный жест.*

– Он мне не понадобится.

– Надеюсь, что нет. – Атлас подошел к двери и взялся за ручку. Я поняла, что это мой единственный шанс сказать ему то, что я должна сказать раньше, чем он уйдет из моей жизни навсегда.

– Атлас, подожди.

Я встала так быстро, что мое кресло откатилось через комнату и ударилось о стену. Он полуобернулся и посмотрел на меня.

– То, что Райл сказал вчера вечером... Я никогда... – Я нервно коснулась шеи рукой. Я чувствовала, как сердце бьется в горле. – Я

никогда ему такого не говорила. Ему было больно, он расстроился и неправильно воспроизвел мои слова из далекого прошлого.

Уголки губ Атласа дрогнули, но я не поняла, пытается он улыбнуться или старается не нахмуриться. Он посмотрел мне в лицо.

– Поверь мне, Лили. Я знаю, что это не был секс из жалости. Я там был.

Он вышел из кабинета, и его слова заставили меня снова опуститься в кресло.

Вот только... моего кресла там не было. Оно стояло у противоположной стены офиса, и я оказалась на полу.

Вбежала Алиса и увидела, что я лежу на спине на полу позади письменного стола.

– Лили? – Она обежала стол и встала надо мной. – Ты в порядке? Я подняла вверх большой палец.

– Все отлично. Просто села мимо кресла.

Алиса протянула руку и помогла мне подняться.

– Зачем он приходил?

Я посмотрела на дверь, пододвигая к себе кресло, потом села в него и опустила взгляд на телефон.

– Просто так. Хотел извиниться.

Алиса с тоской вздохнула и посмотрела на дверь.

– То есть это значит, что работа ему не нужна?

Я должна была отдать ей должное. Даже в разгар эмоционального непокоя она умела меня рассмешить.

– Возвращайся к работе, пока я не урезала твою зарплату.

Она засмеялась и направилась к двери. Я постучала ручкой по столу, а потом сказала:

– Алиса, подожди.

– Я знаю, – ответила она, не дав мне закончить. – Райлу не обязательно знать об этом визите. Тебе незачем было меня предупреждать.

Я улыбнулась:

– Спасибо.

Она закрыла дверь.

Я опустила руку и подняла пакет с подарком для меня трехгодичной давности. Открыв пакет, я сразу поняла, что это книга,

обернутая в папиросную бумагу. Я сорвала ее и откинулась на спинку кресла.

На обложке было фото Эллен Дедженерес. Название «Серьезно... Я шучу». Я открыла книгу и тихонько ахнула, когда увидела, что она с автографом. Я пробежала пальцами по словам посвящения.

Лили,

Атлас говорит: «Просто продолжай плыть».

– Эллен Дедженерес

Я погладила пальцем ее подпись. Потом я бросила книгу на стол, прижалась к ней лбом и сделала вид, что плачу над обложкой.

Глава 17

Я вернулась домой после семи. Райл позвонил часом раньше и сказал, что вечером не приедет. Разделение чего-то-там (он употребил сложное слово) прошло успешно, но он оставался в больнице на ночь, чтобы убедиться в том, что не будет осложнений.

Я вошла в свою тихую квартиру. Тихо переоделась в пижаму. Тихо съела сэндвич. Потом я легла в своей тихой спальне и открыла свою новую тихую книгу, надеясь, что она успокоит мои эмоции.

И точно, спустя три часа, когда я прочла больше половины, все эмоции последних нескольких дней начали покидать меня. Я положила закладку на странице, на которой остановилась, и закрыла книгу.

Я долго смотрела на нее. Я думала о Райле. Думала об Атласе. Думала о том, почему порой, как бы ты ни была убеждена в том, что твоя жизнь развивается в определенном направлении, всю уверенность смывает внезапно набежавшая волна.

Я взяла книгу, которую Атлас купил для меня, и убрала ее в шкаф к лежавшим там дневникам. Потом я выбрала один дневник, наполненный воспоминаниями о нем. Я поняла, что пришло время прочесть последнюю запись, которую я в нем сделала. Тогда я смогу спокойно закрыть его.

Дорогая Эллен!

Почти всегда я благодарна за то, что ты даже не знаешь о моем существовании и что я ни разу не отправила тебе ни одно из написанных мной писем.

Но иногда, особенно сегодня вечером, мне бы хотелось, чтобы мы общались. Мне нужно с кем-то поговорить обо всем, что я чувствую. Прошло уже шесть месяцев с того времени, когда я видела Атласа, и я, честно, не знаю, где он и чем занят. После моего последнего письма тебе столько всего случилось. Когда Атлас уехал в Бостон, я подумала, что вижу его в последний раз в своей жизни, но ошиблась.

Я снова увидела его после отъезда через несколько недель. Это был мой день рождения, мне исполнилось шестнадцать. И он появился, и день стал самым лучшим днем в моей жизни.

А потом самым худшим.

Прошло ровно сорок два дня с того момента, как Атлас уехал в Бостон. Я считала каждый день, как будто это могло как-то помочь. Я была так подавлена, Эллен. Да я и сейчас такая. Люди говорят, что подростки не умеют любить, как взрослые. Иногда я в это верю, но я не взрослая, и мне не с чем сравнивать. Но я все же допускаю, что это, вероятно, разная любовь. Я уверена, что любовь между двумя взрослыми более наполненная, чем между двумя подростками. В ней больше зрелости, больше уважения, больше ответственности. Но какой бы разной по наполненности ни была любовь в жизни человека в разном возрасте, я знаю, что любовь все равно должна весить одинаково. Ты чувствуешь эту тяжесть на своих плечах, в желудке и в сердце, вне зависимости от того, сколько тебе лет. А мои чувства к Атласу очень тяжелые. Каждую ночь я засыпаю в слезах и шепчу: «Просто продолжай плыть». Но становится по-настоящему трудно плыть, когда ты чувствуешь, что тебя удерживает якорь.

Теперь, когда я думаю об этом, я понимаю, что, вероятно, в каком-то смысле переживала все стадии горя. Отрицание, гнев, торги, депрессию и принятие. В вечер моего шестнадцатого дня рождения я погрузилась в стадию глубокой депрессии. Мать попыталась сделать день хорошим для меня. Она купила мне удобрения для сада, испекла мой любимый пирог, и мы поужинали вдвоем. Но к тому моменту, когда я забралась в постель тем вечером, я не могла стряхнуть с себя печаль.

Я плакала, когда услышала стук в окно. Поначалу я решила, что пошел дождь. Но потом я услышала его голос. Я подскочила и бросилась к окну, мое сердце билось в истерике. Он стоял в темноте и

улыбался мне. Я подняла окно и помогла ему влезть в комнату. Атлас обнял меня и долго не отпускал, а я плакала.

От него так хорошо пахло. Обняв его, я поняла, что за прошедшие со дня нашей последней встречи шесть недель он набрал так необходимый ему вес. Атлас отодвинулся от меня и вытер слезы с моих щек.

– Почему ты плачешь, Лили?

Я смутилась из-за того, что плакала. В этом месяце я много плакала. Вероятно, больше, чем в любой другой месяц моей жизни. Возможно, это было всего лишь действие гормонов в организме девочки-подростка, смешанное со стрессом от того, как мой отец обращался с моей матерью, а потом и с необходимостью попрощаться с Атласом.

Я схватила рубашку с пола и вытерла глаза. Потом мы уселись на кровать. Атлас прижал меня к своей груди и откинулся на спинку кровати.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я.

– Сегодня день твоего рождения, – ответил он. – И ты все еще самый дорогой для меня человек. И я по тебе скучал.

Было не позднее десяти часов, когда Атлас появился, но мы столько говорили, что помню, как я снова взглянула на часы уже после полуночи. Не могу вспомнить, о чем мы говорили, но помню, что я чувствовала. Атлас казался таким счастливым, в его глазах появился свет, которого я в них раньше не видела. Как будто он наконец нашел свой дом.

Атлас сказал, что хотел поговорить со мной кое о чем, и его голос стал серьезным. Он усадил меня к себе на колени так, чтобы я смотрела ему в глаза, пока он будет говорить. Я подумала, что, возможно, он собирается мне сказать, что у него появилась подружка или что он раньше уходит в армию. Но то, что он сказал, шокировало меня.

Он сказал, что когда он пришел в тот старый дом, он сделал это не потому, что ему негде было жить.

Он пришел туда, чтобы убить себя.

Я зажала руками рот, потому что я понятия не имела, что у него все было настолько плохо. Настолько плохо, что он больше не хотел жить.

– Надеюсь, ты никогда не узнаешь, каково это, чувствовать себя до такой степени одиноким, Лили, – сказал – Атлас.

В ту первую ночь, когда он был в том доме, он сидел на полу в гостиной с лезвием бритвы у запястья. Он уже собирался воспользоваться им, когда в моей спальне зажегся свет.

– Ты стояла там, как ангел, освещенная сзади райским светом, – продолжал Атлас. – Я не мог оторвать от тебя глаз.

Он смотрел, как я какое-то время ходила по комнате, а потом легла в постель и начала писать в своем дневнике. И он отложил бритву. Прошел целый месяц с того момента, когда он испытывал хоть какие-то чувства, но пока он смотрел на меня, чувства вернулись. Не все, но их было достаточно, чтобы снова не впасть в оцепенение и не покончить с собой в тот вечер.

Спустя день или два я принесла ему еду и оставила на заднем крыльце. Полагаю, Эллен, ты уже знаешь остальную часть истории.

– Ты спасла мне жизнь, Лили, – сказал Атлас. – И ты считала, что это в порядке вещей.

Он нагнулся и поцеловал то место между плечом и шеей, которое он целовал всегда. Мне понравилось, что он сделал это снова. Мне не слишком нравилось мое тело, но это место у ключицы стало моей любимой его частью.

Атлас взял мои руки в свои и сказал, что уедет в армию раньше, чем собирался, но он не мог уехать, не поблагодарив меня. Он сказал, что подписал контракт на четыре года и что меньше всего на свете ему хотелось, чтобы я была шестнадцатилетней девушкой, не живущей своей жизнью из-за бойфренда, которого она никогда не увидит и от которого не получит известий.

Когда Атлас заговорил снова, в его глазах появились слезы, сделав их совершенно прозрачными. Он сказал:

– Лили, жизнь забавная штука. У нас не так много времени, чтобы жить, поэтому мы должны сделать все, чтобы эти годы были настолько полными, насколько они могут ими быть. Нам не следует тратить время на то, что может случиться когда-нибудь или не случиться никогда.

Я поняла, о чем он говорил. Атлас идет в армию, и он не хотел держать меня на привязи, пока его не будет рядом. Он не рвал со мной, потому что мы не были по-настоящему вместе. Мы просто

были двумя людьми, которые помогли друг другу при необходимости, и по пути наши сердца соединились.

Это было тяжело. Меня отпускал человек, который никогда по-настоящему меня не держал. Думаю, все то время, которое мы провели вместе, мы оба знали, что эта история не будет иметь продолжения. Я не совсем понимаю, почему возникло такое чувство, ведь мне было бы легко полюбить его навсегда. Думаю, что, возможно, при нормальных обстоятельствах, если бы мы общались как обычные подростки, и у него была бы обычная жизнь в доме с родителями, мы могли бы стать парой. Мы бы легко сошлись и никогда не сталкивались бы с жизнью, в которой иногда появляется жестокость.

В тот вечер я даже не попыталась переубедить его. Я чувствовала, что между нами такая связь, которую не сможет уничтожить даже адское пламя. Я чувствовала, что он мог бы отслужить в армии, а я могла бы жить как обычный подросток. А потом, в подходящее время, все бы вернулось на свои места.

– Я хочу дать тебе обещание, – сказал Атлас. – Когда моя жизнь станет достаточно хорошей для того, чтобы ты стала ее частью, я приду за тобой. Но я не хочу, чтобы ты меня ждала, потому что это может никогда не случиться.

Его обещание мне не понравилось, потому что оно означало одно из двух. Либо он считает, что не вернется из армии живым, либо думает, что его жизнь никогда не будет хороша для меня.

Жизнь Атласа уже казалась мне достаточно хорошей. Но я кивнула и заставила себя улыбнуться.

– Если ты за мной не вернешься, я приеду к тебе. И это тебе не понравится, Атлас Корриган.

Моя угроза его рассмешила.

– Что ж, ты с легкостью найдешь меня. Ты точно знаешь, где я буду.

Я улыбнулась:

– В городе, где все лучше.

Он улыбнулся в ответ:

– В Бостоне.

И тут он поцеловал меня.

Эллен, я знаю, ты взрослая и все знаешь о том, что было дальше, но мне все еще неудобно рассказывать тебе о том, что произошло в следующие два часа. Давай просто скажем, что мы много целовались. Мы оба много смеялись. Мы оба много любили. Мы оба много дышали. Много. И нам обоим приходилось зажимать рот рукой, чтобы не шуметь и чтобы нас не поймали.

Когда все закончилось, Атлас прижал меня к себе, кожа к коже, сердце к сердцу. Он поцеловал меня и посмотрел мне прямо в глаза.

– Я люблю тебя, Лили. Я люблю в тебе все. Я люблю тебя.

Я знаю, что этими словами часто разбрасываются, особенно подростки. Часто раньше времени и незаслуженно. Но когда Атлас сказал это мне, я знала, что это не просто слова, они не значили, что он просто влюблен в меня. Это было другое «я люблю тебя».

Представь всех людей, которых ты встречала в жизни. Их так много. Они приходят словно волны, приближаясь и удаляясь. Некоторые волны выше и сильнее, чем другие. Иногда волны приносят с собой что-то из глубин океана и оставляют это кучей на берегу. Отпечатки на песке, доказывающие, что волны тут были, остаются надолго после того, как прилив отступит.

Вот это сказал мне Атлас, когда произнес «я люблю тебя». Он дал мне понять, что я была для него самой сильной волной, с которой он когда-либо сталкивался. И я столько всего принесла с собой, что мои отпечатки останутся с ним и после того, как волна отхлынет.

После того как Атлас сказал, что любит меня, он добавил, что у него есть для меня подарок на день рождения, и вытащил маленький коричневый пакетик.

– Это небольшой подарок, но только он мне был по карману.

Я открыла пакет и вытащила оттуда лучший подарок из всех, что я когда-либо получала. Это был магнит с надписью «Бостон». Ниже крошечными буквами было написано «Где все лучше». Я сказала ему, что я сохраню магнит навсегда, и каждый раз, глядя на эту вещичку, я буду вспоминать его.

Когда я начала это письмо, я написала, что мой шестнадцатый год рождения стал одним из лучших дней в моей жизни. Потому что до этой секунды так и было.

Следующие несколько минут все изменили.

Я не ждала Атласа в этот вечер, поэтому не подумала запереть дверь спальни. Мой отец услышал, что я с кем-то разговариваю, распахнул дверь и увидел Атласа со мной в постели. Таким злым я его никогда не видела. И Атлас не был готов к тому, что произошло дальше.

До конца жизни мне не забыть этот момент. Атлас оказался совершенно незащищенным, когда мой отец набросился на него с бейсбольной битой. Треск ломающихся костей был единственным звуком, прорывавшимся сквозь мои крики.

Я до сих пор не знаю, кто вызвал полицию. Уверена, что это была моя мать. Но прошло уже шесть месяцев, а мы так и не поговорили о той ночи. К тому моменту, когда полицейские оказались в моей комнате и оттащили отца от него, я уже не узнавала Атласа. Он весь был залит кровью.

Я была в истерике.

В истерике.

Полицейским не только пришлось отправить Атласа в машине «Скорой помощи» в больницу, им пришлось вызвать «Скорую» и для меня, потому что я не могла дышать. Это была первая и единственная паническая атака в моей жизни.

Никто не сказал мне, где Атлас и в порядке ли он. Отца даже не арестовали за то, что он сделал. Пошли разговоры о том, что Атлас был бездомным и жил в заброшенном доме. По мнению окружающих, отец совершил героический поступок: спас свою девочку от бездомного парня, который обманом заставил ее заниматься с ней сексом.

Отец заявил, что я опозорила всю семью, потому что дала горожанам повод для сплетен. Должна тебе сказать, что они все еще об этом сплетничают. Сегодня в автобусе я слышала, как Кэти говорила кому-то, что она пыталась предупредить меня насчет Атласа. Она якобы поняла, что от него нельзя ждать ничего хорошего, как только его увидела в первый раз. Что за чушь. Если бы Атлас был со мной в автобусе, я, вероятно, промолчала бы и повела бы себя как зрелый человек, чему меня всегда учил Атлас. Но я так разозлилась, что развернулась к Кэти и послала ее к черту. Я сказала ей, что Атлас как человек лучше нее и ей такой никогда не стать. И

если я еще услышу от нее хоть одно плохое слово о нем, то она об этом пожалеет.

Кэти только округлила глаза и сказала:

– Боже, Лили. Он что, промыл тебе мозги? Он был грязным, вороватым бездомным парнем, который, вероятно, принимал наркотики. Он использовал тебя ради еды и секса, а ты теперь его защищаешь?

Ей повезло, что в этот момент автобус остановился у моего дома. Я схватила свой рюкзак и вышла. Дома я три часа проплакала в своей спальне. И теперь у меня болит голова, но я знаю, что мне поможет только одно средство. Я должна все это выплеснуть на бумагу. Я шесть месяцев не писала тебе об этом.

Без обид, Эллен, но голова у меня все еще болит. Как и сердце. Возможно, даже сильнее, чем оно болело вчера. Это письмо ни черта мне не помогло.

Думаю, я некоторое время не буду тебе писать, потому что письма к тебе напоминают мне об Атласе и от этого очень больно. Пока он ко мне не вернется, я буду делать вид, что у меня все в порядке. Я буду делать вид, что плыву, потому что на самом деле я только болтаюсь на поверхности. И едва держу голову над водой.

– Лили

Я перевернула последнюю страницу, но она оказалась пустой. Больше я Эллен не писала.

И об Атласе я больше не слышала, и в глубине души я не винила его за это. Он едва не умер от руки моего отца. Не слишком много сил у него осталось для прощения.

Я знала, что Атлас выжил и у него все в порядке, потому что за эти годы любопытство иногда брало верх, и я находила что-то о нем в интернете. Но сведений было немного. Хотя достаточно, чтобы понять, что он выжил и служит в армии.

Но я все еще не выбросила Атласа из головы. Время лечит, но иногда я видела то, что напоминало мне о нем, и от этого у меня начиналась паника. Только проучившись пару лет в колледже и повстречавшись с парнем, я поняла, что, вполне вероятно, на Атласе моя жизнь не заканчивалась. Возможно, он должен был стать лишь ее частью. Возможно, любовь – это не то, что проходит полный круг. Это

всегда приливы и отливы, приходы и уходы, как и люди в нашей жизни.

Как-то раз, в особенно одинокий вечер в колледже, я отправилась в тату-салон и сделала татуировку в виде сердца на том месте, куда Атлас обычно целовал меня. Сердце было крошечным, размером с отпечаток большого пальца. Оно было очень похоже на то сердце, которое Атлас вырезал для меня из ветки дуба. Его линии не соединялись наверху, и я гадала, не намеренно ли Атлас вырезал сердце таким. Потому что мое сердце чувствовало себя именно так, когда я думала об Атласе. Казалось, что в нем есть маленькое отверстие, выпускающее весь воздух.

После колледжа я все-таки переехала в Бостон. И не потому, что я надеялась найти его, а потому, что мне хотелось самой увидеть, действительно ли в Бостоне все лучше. В Плеторе меня ничего не держало, и мне хотелось оказаться как можно дальше от отца. Хотя он был уже болен и больше не мог бить мою мать, он все еще вызывал во мне желание убежать не только из города, но из штата Мэн. Именно это я и сделала.

Когда я впервые увидела Атласа в ресторане, на меня нахлынуло невероятное количество эмоций. Я не знала, как их переварить. Я была рада, что с ним все в порядке. Я была счастлива, что он выглядит здоровым. Но я бы солгала, если бы сказала, что не почувствовала укол в сердце из-за того, что он так и не попытался найти меня, как обещал.

Я любила его тогда. Я любила его теперь и всегда буду любить. Он стал гигантской волной, которая оставила множество отпечатков в моей жизни, и я буду чувствовать тяжесть этой любви, пока не умру. Я это приняла.

Но теперь все изменилось. После того как он вошел в мой кабинет, я много и напряженно думала о нас. Пожалуй, наши жизни стали такими, какими должны были стать. У меня был Райл. У Атласа его подружка. Мы оба делали карьеру. То, что мы не оказались в одной волне, не означало, что мы не остались частью одного океана.

Отношения с Райлом были все еще новыми, но с ним я чувствовала ту же глубину, что и в отношениях с Атласом. Райл любил меня так же, как любил Атлас. Я знала, что, если бы у Атласа была

возможность узнать его лучше, он бы это увидел и был бы за меня счастлив.

Иногда появляется неожиданная волна, затягивает тебя и отказывается отпускать. Райл стал моей неожиданной приливной волной, и пока я скользила по прекрасной поверхности.

Часть вторая

Глава 18

– О боже. Меня сейчас стошнит.

Райл поддел мой подбородок большим пальцем и поднял его.

– С тобой все будет в порядке. Прекрати бояться.

Я встряхнула руками, несколько раз глубоко вдохнула в кабине лифта.

– Ничего не могу с собой поделать, – сказала я. – Все, что вы с Алисой рассказывали мне о вашей матери, заставляет меня нервничать. – Мои глаза расширились, и я прижала ладони ко рту. – О боже, Райл. Что, если она задаст мне вопросы об *Иисусе*? Я не хожу в церковь. То есть я читала Библию раньше, но я не смогу ответить ни на один вопрос.

Райл откровенно захохотал. Он прижал меня к себе и поцеловал в висок.

– Мама не станет говорить об Иисусе. Она уже тебя любит, хотя бы за то, что я ей о тебе рассказал. Тебе нужно только быть собой, Лили.

Я закивала:

– Быть собой. О'кей. Думаю, на один вечер я смогу притвориться собой. Верно?

Двери лифта открылись, Райл вывел меня на площадку и повел к квартире Алисы. Забавно было видеть, как он стучит в дверь. Но на самом деле он уже там не жил. За последние несколько месяцев он постепенно переселялся ко мне. Вся его одежда была в моей квартире. Все туалетные принадлежности. На прошлой неделе он повесил ту мою странную размытую фотографию на стене в нашей спальне, и после этого переезд можно было считать состоявшимся.

– Твоя мама знает, что мы живем вместе? – спросила я. – Она не против? То есть мы ведь не женаты, а она ходит в церковь каждое

воскресенье. О нет, Райл! Что, если твоя мать считает меня шлюхой-богохульницей?

Райл дернул головой в сторону квартиры, я развернулась и увидела, что на пороге стоит его мать с выражением шока на лице.

– Мама, – сказал он, – познакомься с Лили. Моей шлюхой-богохульницей.

Господь милосердный.

Его мать протянула ко мне руки, притянула к себе и обняла. Ее смех помог мне пережить этот момент.

– Лили! – Она отодвинула меня на вытянутую руку, чтобы хорошенько рассмотреть. – Дорогая, я не думаю, что ты шлюха-богохульница. Ты тот ангел, приземлившийся на колени к Райлу, о котором я молилась последние десять лет!

Она пригласила нас войти в квартиру. Следующим меня приветствовал отец Райла.

– Нет, определенно не шлюха-богохульница, – констатировал он. – Ничего похожего на Маршалла, вцепившегося зубами в мою девочку, когда ей было только семнадцать. – Он метнул свирепый взгляд на Маршалла, сидевшего на диване.

Тот рассмеялся:

– Вот тут вы ошибаетесь, доктор Кинкейд, потому что именно Алиса первой в меня вцепилась зубами. Мои зубы были в другой девушке, от которой пахло чипсами «Читос» и...

Маршалл согнулся пополам, когда Алиса ткнула его локтем в бок.

Вот так просто рассеялись все мои страхи. Эти люди были идеальными. Нормальными. Они произносили слово «шлюха» и смеялись шуткам Маршалла.

Я не могла ожидать лучшего.

Три часа спустя я лежала рядом с Алисой на ее кровати. Их родители рано легли спать, сославшись на разницу во времени. Райл и Маршалл остались в гостиной смотреть спортивную передачу. Моя рука лежала на животе Алисы, и я ждала, когда ребенок толкнется.

– Ее ножка вот здесь, – сказала она, передвигая мою руку на несколько дюймов. – Подожди несколько секунд. Сегодня она очень активная.

Мы обе молчали, дожидаясь, пока малышка толкнется. Когда это случилось, я со смехом взвизгнула.

– О боже! Она как пришелец!

Алиса сложила руки на животе и улыбнулась:

– Эти последние два с половиной месяца будут адом. Я готова встретиться с ней.

– Я тоже. Не могу дождаться, когда стану тетей.

– А я не могу дождаться, когда у вас с Райлом появится ребенок.

Я легла на спину и закинула руки за голову.

– Не знаю, хочет ли он детей. Мы никогда об этом не говорили.

– Не имеет значения, хочет он детей или не хочет, – сказала Алиса. – Захочет. До тебя он и отношений не хотел. До тебя он не хотел жениться, а я чувствую, что он готов сделать тебе предложение в ближайшие несколько месяцев.

Я повернулась к ней лицом и оперлась на руку.

– Мы вместе меньше полугода. Уверена, что он хочет подождать.

Я не давила на Райла, если речь шла о том, чтобы ускорить развитие событий в наших отношениях. Наши жизни были идеальными в их нынешнем состоянии. В любом случае мы были слишком заняты для организации свадьбы, поэтому я не возражала, что Райл не торопится.

– А как насчет тебя? – не отступала Алиса. – Ты ответишь «да», если мой брат сделает тебе предложение?

Я рассмеялась:

– Ты шутишь? Разумеется, я бы вышла за него сегодня вечером.

Алиса поверх моего плеча посмотрела на дверь спальни. Она сжала губы и попыталась спрятать – улыбку.

– Он стоит на пороге, так?

Она кивнула.

– И он слышал, что я сказала, верно?

Алиса снова кивнула.

Я перевернулась на спину и посмотрела на Райла. Он стоял, прислонившись к косяку и сложив руки на груди. Я не могла понять, как он отнесся к моим словам. Его лицо было напряженным. Челюсти сжались. Он, сощурившись, смотрел на меня.

– Лили, – невозмутимо сказал Райл, – я *до чертиков* хочу на тебе жениться.

Его слова вызвали у меня самую смущенную и самую широкую улыбку, поэтому я прикрыла лицо подушкой.

– Что ж, спасибо, Райл, – ответила я, и мои слова приглушила подушка.

– Как мило, – услышала я голос Алисы. – Мой брат такой милый.

Подушку сняли с моего лица, и я увидела Райла, стоявшего возле меня с подушкой под мышкой.

– Идем.

Сердце у меня забилось чаще.

– Прямо сейчас?

Он кивнул:

– Я взял выходные на уикэнд. Потому что мои родители в городе. В магазине тебя есть кому заменить. Давай полетим в Лас-Вегас и поженимся.

Алиса села в кровати.

– Вы не можете так поступить, – заявила она. – Лили девушка, она хочет настоящую свадьбу с цветами, подружками и прочей ерундой.

Райл посмотрел на меня:

– Ты хочешь настоящую свадьбу с цветами, подружками и прочей ерундой?

Я на секунду задумалась:

– Нет.

Мы все на какое-то время замолчали, а потом Алиса возбужденно заколотила ногами по постели.

– Они женятся! – завопила она, скатилась с кровати и бросилась в гостиную. – Маршалл, собирай наши вещи! Мы летим в Вегас!

Райл нагнулся, схватил меня за руку и рывком поставил на ноги. Он улыбался, но я не могла выйти за него, не зная наверняка, хочет ли он этого.

– Ты уверен в этом, Райл?

Он провел руками по моим волосам, притянул мое лицо к себе и коснулся губами моих губ.

– Голая правда, – прошептал он. – Мне так не терпится стать твоим мужем, что я могу намочить штаны.

Глава 19

– Мама, прошло уже шесть недель, сколько можно переживать?

Моя мать вздохнула в трубку.

– Ты моя единственная дочь. Что поделать, если я всю жизнь мечтала о твоей свадьбе.

Она все еще не простила меня, хотя и была на нашей свадьбе. Мы позвонили ей как раз перед тем, как Алиса забронировала для нас билеты. Мы вытащили ее из постели, мы вытащили из постели родителей Райла, и все вместе полетели полуночным рейсом в Вегас. Мама не пыталась меня отговорить, потому что поняла, что мы с Райлом уже все решили к тому моменту, когда она приехала в аэропорт. Но она не позволяла мне забыть о том, что она мечтала о пышной многолюдной свадьбе, покупке свадебного платья и выборе торта с того дня, когда я родилась.

Я пнула диван.

– Может быть, я смогу тебе это компенсировать? – предложила я. – Что, если, как только мы решим родить ребенка, я пообещаю тебе, что все пройдет естественным образом и мы не станем покупать малыша в Вегасе?

Мама рассмеялась, потом вздохнула:

– Если ты подаришь мне когда-нибудь внуков, думаю, я смогу смириться с тем, как прошла твоя свадьба.

Мы с Райлом говорили о детях, пока летели в Вегас. Я хотела убедиться, что эта тема открыта для обсуждения в будущем, прежде чем я дам обет провести с ним остаток дней. Райл ответил, что тема определенно открыта для обсуждения. Потом мы прояснили кучу других вещей, которые могли создать проблемы. Я сказала ему, что хочу иметь отдельные счета, но так как он зарабатывает больше меня,

ему придется все время покупать мне много подарков, чтобы я была счастлива. Он согласился и заставил меня пообещать, что я никогда не стану вегетарианкой. Это было простое обещание. Я слишком сильно люблю сыр. Я сказала ему, что мы начнем заниматься благотворительностью или, по крайней мере, будем переводить деньги в те фонды, которые рекомендуют Алиса и Маршалл. Райл заставил меня пообещать голосовать на выборах. Он сказал, что я могу голосовать за демократов, за республиканцев или за независимых кандидатов, лишь бы я голосовала. Об этом мы договорились.

К тому времени, когда мы приземлились в Вегасе, между нами не осталось ничего невыясненного.

Я услышала, как открывается дверь в квартиру, перевернулась на спину и сказала матери:

– Я должна идти. Райл только что пришел. – Он закрыл за собой дверь, и тогда я улыбнулась и добавила: – Подожди. Позволь мне выразиться иначе. *Мой муж* только что пришел.

Мама рассмеялась и попрощалась со мной. Я закончила разговор и отбросила телефон в сторону. Я закинула руку за голову и лениво оставила ее на подлокотнике дивана. Потом я положила ногу на спинку, позволив юбке сползти вверх по бедрам и собраться у меня на талии. Райл прошелся взглядом по моему телу и улыбнулся, подходя ко мне. Он опустился на колени на диван и медленно пополз вверх по моему телу.

– Как поживает моя жена? – прошептал он, оставляя поцелуи вокруг моих губ. Он прижался ко мне между моими бедрами, и я запрокинула голову, а он начал целовать мою шею.

Вот это жизнь.

Мы оба работали почти каждый день. Райл работал вдвое больше часов, чем я, и всего два или три раза в неделю приходил домой до того, как я лягу спать. В те ночи, которые мы по-настоящему проводили вместе, мне обычно хотелось, чтобы он был глубоко во мне.

Райл не жаловался.

Он нашел местечко на моей шее и начала целовать с такой силой, что мне стало больно.

– Ой!

Райл опустился на меня и пробормотал у шеи:

– Не шевелись. Это будет засос.

Я рассмеялась и позволила ему это. У меня были достаточно длинные волосы, а вот засосов у меня никогда раньше не было.

Его губы остались на том же месте, всасывая кожу, пока я не перестала чувствовать боль. Он прижался ко мне, его медицинская форма натянулась от возбуждения. Я потянулась и стащила с него форменные брюки, чтобы он мог войти в меня. Он продолжал целовать мою шею и овладел мною прямо на диване.

* * *

Он первым пошел в душ, и как только он вышел, я ушла в ванную. Я сказала ему, что нам надо смыть запах секса, потому что мы ужинаем с Алисой и Мар-шаллом.

Алиса должна была родить через несколько недель, поэтому она старалась как можно чаще проводить с нами время. Она боялась, что мы перестанем приходить после рождения ребенка, хотя предположение было просто смешным. Наши визиты, наоборот, станут более частыми. Я уже любила свою племянницу больше их всех.

Ладно, не совсем так. Но близко к этому.

Я постаралась не намочить волосы, потому что мы уже и без того опаздывали. Я схватила бритву и начала брить подмышку, когда услышала грохот. Я застыла.

– Райл?

Тишина.

Я закончила бриться, смыла мыло. Снова грохот.

Что, черт подери, он там делал?

Я выключила воду, схватила полотенце и быстро вытерлась.

– Райл!

Он опять не ответил. Я поспешно натянула джинсы и, натягивая рубашку через голову, открыла дверь.

– Райл?

Ночной столик возле нашей кровати был перевернут. Я прошла в гостиную и увидела, что он сидит на краю дивана, обхватив голову одной рукой. В другой руке он что-то держал.

– Что ты делаешь?

Райл поднял голову, и я не поняла выражения его лица. Я была сбита с толку происходящим. Я не знала, получил ли он только что плохую новость или... *О боже, Алиса!*

– Райл, ты меня пугаешь. Что случилось?

Он держал мой телефон и смотрел на меня так, как будто я должна была знать, что случилось. Когда я непонимающе качнула головой, он поднял листок бумаги.

– Забавная штука, – сказал Райл, кладя мой телефон на кофейный столик перед диваном. – Я случайно уронил твой телефон. Крышка отвалилась. И я нашел этот номер, спрятанный там.

О боже.

Нет, нет, нет.

Он скомкал бумажку в кулаке.

– Я подумал: «Эй, это странно. Лили от меня ничего не прячет». – Райл встал и взял мой телефон. – Поэтому я позвонил по этому номеру. – Он сжал телефон в кулаке. – Ему повезло, что меня перевели на его долбаную голосовую почту. – Он швырнул мой телефон через комнату, и тот ударился о стену, разлетевшись на куски.

Наступила трехсекундная пауза, когда я подумала, что события могли развиваться по двум сценариям.

Райл от меня уйдет.

Или он сейчас меня ударит.

Он провел рукой по волосам и направился к двери.

Он уходил.

– Райл! – закричала я.

Ну почему я не выбросила этот номер?!

Я бросилась за ним. Он спускался через две ступеньки, и я догнала его на площадке второго этажа. Я преградила ему путь и схватилась за его сорочку.

– Райл, пожалуйста, позволь мне все объяснить.

Он схватил меня за запястья и отшвырнул.

* * *

– Не шевелись.

Я почувствовала прикосновение его рук, нежных, крепких.

Текли слезы и почему-то щипали кожу.

– Лили, не шевелись, пожалуйста.

Его голос успокаивал. Голова у меня болела.

– Райл? – Я попыталась открыть глаза, но свет был слишком ярким. Я почувствовала укол в углу глаза и поморщилась. Я

попыталась встать, но его рука надавила на мое плечо.

– Ты должна сидеть спокойно, пока я закончу, – Лили.

Я снова открыла глаза и посмотрела на потолок. Это был потолок нашей спальни.

– Что закончишь? – Рот болел, и я прикрыла его рукой.

– Ты упала с лестницы и разбилась.

Наши глаза встретились. В его взгляде была тревога, а еще боль. И гнев. Он *все это* чувствовал в эту минуту, а я просто была сбита с толку.

Я снова закрыла глаза и попыталась вспомнить, почему он рассердился. Почему ему больно.

Мой телефон.

Номер Атласа.

Лестница.

Я схватила его за сорочку.

Он оттолкнул меня.

«Ты упала с лестницы».

Но я *не* падала.

Он толкнул меня. Опять.

То есть уже дважды.

Ты толкнул меня, Райл.

Я почувствовала, как все мое тело затряслось от рыданий. Я не представляла, насколько сильно пострадала, но мне было наплевать. Никакая физическая боль не могла даже сравниться с тем, что чувствовало мое сердце. Я начала бить его по рукам, желая, чтобы он отошел от меня. Райл встал с кровати, и я свернулась калачиком.

Я ждала, что он попытается успокоить меня, как сделал это в прошлый раз, когда он ударил меня, но этого не произошло. Я слышала, как Райл ходит по комнате. Я не знала, что он делал. Я все еще плакала, когда он опустил передо мной на колени.

– Должно быть, у тебя сотрясение мозга, – прозаично сообщил Райл. – У тебя порез на губе. Я только что наложил повязку на твой глаз. Зашивать нет необходимости.

Голос Райла звучал холодно.

– Еще где-то болит? Руки? Ноги?

Он говорил как врач, а не как муж.

– Ты толкнул меня, – сказала я сквозь слезы. Я могла говорить и думать только об этом.

– Ты упала, – спокойно возразил Райл. – Около пяти минут назад. Сразу после того, как я выяснил, что женился на долбаной лгунье. – Он положил что-то на подушку рядом со мной. – Если тебе что-нибудь потребуется, уверен, ты сможешь позвонить по этому но-меру.

Я посмотрела на скомканный листок бумаги у моей головы, на котором был записан телефон Атласа.

– Райл, – прорыдала я.

Что происходит?

Я слышала, как хлопнула входная дверь.

Мой мир рухнул.

– Райл, – прошептала я в пустоту. Закрыв лицо руками, я заплакала так, как не плакала никогда. Я была уничтожена.

Пять минут.

Этого хватило, чтобы полностью уничтожить человека.

* * *

Прошло несколько минут.

Десять, может быть?

Я не могла перестать плакать. Я так и не встала с кровати. Мне было страшно посмотреть в зеркало. Мне просто... было страшно.

Я слышала, как входная дверь открылась и снова захлопнулась. Райл появился на пороге, и я не знала, должна ли я была его ненавидеть.

Или бояться его.

Или испытывать к нему неприязнь.

Как я могла чувствовать все это сразу?

Райл прижался лбом к двери нашей спальни. Ударил по ней головой. Один раз. Второй. Третий.

Он развернулся, бросился ко мне, упал на колени у кровати, схватил обе мои руки и сжал их.

– Лили – Лицо Райла исказилось от боли. – Прошу тебя, скажи мне, что это ничего не значит. – Его рука коснулась моего лица, и я почувствовала, что она дрожит. – Я не могу это принять. Не могу. – Он нагнулся и крепко прижался к моему лбу сначала губами, потом

лбом. – Пожалуйста, скажи мне, что ты с ним не встречаешься.
Пожалуйста.

Я не была уверена, что могу сказать ему это, потому что я просто не хотела говорить.

Райл все прижимался ко мне, крепко вцепившись рукой в мои волосы.

– Мне так больно, Лили. Я так сильно люблю тебя.

Я покачала головой, желая сказать правду, чтобы он понял, какую огромную ошибку только что совершил.

– Я забыла, что его номер там, – тихо сказала я. – Через день после драки в ресторане... Атлас пришел в магазин. Ты можешь спросить Алису. Он был там не больше пяти минут. Он взял мой телефон и вложил в него записку с номером его телефона, потому что не верил, что я с тобой в безопасности. Я забыла, что записка там, Райл. Я даже не посмотрела на нее.

Он судорожно выдохнул и начал облегченно кивать.

– Ты клянешься, Лили? Ты клянешься нашим браком, что не говорила с ним с того дня? – Он отстранился, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Я клянусь, Райл. Ты вышел из себя, не дав мне возможность что-то объяснить. А теперь пошел *к черту* из моей квартиры.

Мои слова вышибли из него дух. Я видела это своими глазами. Он долбанулся спиной о стену и молча уставился на меня. Он был в шоке.

– Лили, – прошептал Райл, – ты упала с лестницы.

Я не понимала, кого он пытается убедить, меня или себя.

Я спокойно повторила:

– Убирайся из моей квартиры.

Райл застыл на месте. Я села на кровати, и моя рука мгновенно взлетела к пульсирующему глазу. Он встал с пола и шагнул ко мне. Я стремительно отодвинулась от него.

– У тебя травмы, Лили. Я не оставлю тебя одну.

Я взяла одну из подушек и швырнула в него, как будто это могло его остановить.

– Убирайся! – крикнула я. Райл поймал подушку. Я схватила другую, встала на кровати и начала махать на него подушкой, выкрикивая:

– Убирайся! Убирайся! Убирайся!

Я бросила подушку на пол, когда за ним захлопнулась входная дверь.

Я выбежала в гостиную и закрыла дверь на задвижку.

Потом бегом вернулась в спальню и упала на кровать. Ту самую кровать, которую я делила с мужем. Ту самую кровать, на которой он занимался со мной любовью.

На эту самую кровать он уложил меня, когда ему пришло время убираться.

Глава 20

Накануне вечером я попыталась спасти свой телефон, но это было бесполезно. Он разбился на два куска. Я поставила будильник, чтобы встать пораньше и зайти за новым телефоном по пути на работу.

Мое лицо выглядело не так ужасно, как я предполагала. Разумеется, от Алисы я такое скрыть не могла, но я и не собиралась этого делать. Я расчесала волосы на косой пробор, чтобы скрыть большую часть пластыря, которым Райл заклеил мне порез над глазом. Единственным видимым свидетельством прошедшего вечера была разбитая губа.

И засос, который он оставил на моей шее.

Чертova ирония в лучшем виде.

Я схватила сумку, открыла дверь квартиры и тут же остановилась, увидев глыбу у своих ног.

Она шевелилась.

Только через несколько секунд я сообразила, что глыба – это Райл. *Он что, спал здесь?*

Как только он понял, что я открыла дверь, он мгновенно вскочил. Райл стоял передо мной, смотрел на меня умоляющими глазами и мягко касался моих щек. Его губы коснулись моих губ.

– Прости меня. Прости. Прости.

Я отступила назад и оглядела его. *Он спал здесь?*

Я вышла из квартиры, захлопнула дверь, спокойно прошла мимо него и начала спускаться по лестнице. Райл шел за мной по пятам до моей машины, умоляя меня поговорить со мной.

Я не стала с ним говорить.

Я уехала.

* * *

Час спустя я держала в руках новый телефон. Я сидела в машине возле магазина сотовых телефонов, когда включила его. На экране появилось семнадцать сообщений, все они были от Алисы.

Я догадывалась, что Райл не звонил мне, потому что знал, что мой телефон разбит.

Я начала открывать сообщения, когда телефон за-звонил. Это была Алиса.

– Алло?

Она тяжело вздохнула, потом сказала:

– Лили! Что, черт подери, происходит? Боже, ты не можешь так со мной поступать. Я беременна!

Я завела мотор, включила громкую связь и поехала в магазин. У Алисы был выходной. У нее оставалось всего несколько дней до ухода в отпуск по беремен-ности.

– Я в порядке, – ответила я ей. – Райл в порядке. Мы поссорились. Прости, но я не могла тебе позвонить, он разбил мой телефон.

Алиса помолчала немного, потом сказала:

– Райл это сделал? Ты в порядке? Где ты?

– Я в порядке. Еду на работу.

– Хорошо. Я сама уже почти там.

Я начала было протестовать, но она повесила трубку раньше, чем я смогла это сделать.

Когда я подъехала к магазину, Алиса уже была на – месте.

Я открыла входную дверь, готовая к многочисленным вопросам и к тому, что мне придется озвучить причины, по которым я выбросила ее брата из своей квартиры. Но я застыла на месте, увидев возле прилавка их обоих. Райл оперся на него, Алиса накрыла его руки своими и что-то говорила ему, но я не слышала слов.

Они оба повернулись ко мне, когда услышали, как за мной закрылась дверь.

– Райл, – шепотом сказала Алиса, – что ты с ней *сделал*? – Она обошла прилавок и обняла меня. – Ох, Лили. – Она погладила меня по спине, потом отступила. В ее глазах стояли слезы. Реакция Алисы сбивала меня с толку. Она определенно знала, что виноват Райл, но если это было так, то она бы набросилась на него или хотя бы накричала.

Она повернулась к Райлу, и тот с извиняющимся видом посмотрел на меня. Он смотрел на меня с тоской. Как будто ему хотелось обнять меня, но он до смерти боялся ко мне прикоснуться. Так и должно было быть.

– Ты должен рассказать ей, – сказала Алиса брату.

Он инстинктивно уронил голову на руки.

– Расскажи ей. – Алиса явно рассердилась. – У нее есть право знать, Райл. Она твоя жена. Если ты не скажешь, тогда я скажу.

Плечи Райла поникли, он прижался головой к прилавку. То, что Алиса требовала мне рассказать, привело его в такое состояние, что он даже не мог смотреть на меня. Я крепко прижала руки к животу, чувствуя тревогу глубже, чем в душе.

Алиса повернулась ко мне и положила руки мне на плечи.

– Выслушай его, – взмолилась она. – Я не прошу тебя простить его, потому что я понятия не имею, что случилось вчера вечером. Но, прошу тебя, как мою золовку и лучшую подругу, дать моему брату шанс поговорить с тобой.

* * *

Алиса сказала, что присмотрит за магазином ближайший час, пока другая служащая не придет на смену. Я все еще была настолько сердита на Райла, что не захотела, чтобы он ехал со мной в одной машине. Он сказал, что вызовет такси и встретится со мной в квартире.

Всю дорогу до дома я мучилась мыслью о том, что такого он мог мне сказать, о чем Алиса уже знала. Столько всего пронеслось в моей голове. Он умирает? Он мне изменил? Он лишился работы? Алиса как будто не знала деталей того, что произошло между нами накануне вечером, поэтому я не представляла, как одно может быть связано с другим.

Через десять минут после моего возвращения Райл наконец вошел в мою квартиру. Я сидела на диване, нервно ковыряя ногти.

Я встала и начала мерить шагами комнату, когда он медленно подошел к креслу и сел в него. Нагнувшись вперед, он сцепил руки перед собой.

– Прошу тебя, сядь, Лили.

Райл сказал это с мольбой, как будто не мог видеть мое волнение. Я вернулась на диван, но прижалась к подлокотнику, подобрала под

себя ноги и поднесла руки ко рту.

– Ты умираешь?

Его глаза расширились, и он тут же затряс головой.

– Нет. *Нет*. Ничего подобного.

– А что тогда?

Мне просто хотелось, чтобы он наконец сказал. У меня задрожали руки. Он видел, что пугает меня, поэтому нагнулся ко мне, убрал мои руки от лица и взял их в свои. Одна моя часть не хотела, чтобы он дотрагивался до меня после того, что он сделал вчера, но другая моя часть нуждалась, чтобы именно он меня успокоил. От предвкушения того, что мне предстояло услышать, я почувствовала тошноту.

– Никто не умирает. Я тебе не изменяю. То, что я собираюсь сказать тебе, не причинит тебе боли. Это все в прошлом. Но Алиса считает, что ты должна знать. И... я с ней согласен.

Я кивнула, и он выпустил мои руки. Теперь он встал и принялся ходить по гостиной взад и вперед мимо кофейного столика. Как будто ему требовалось набраться смелости, чтобы найти слова, и от этого я еще больше занервничала.

Райл снова сел в кресло.

– Лили, ты помнишь ту ночь, когда мы с тобой познакомились?

Я кивнула.

– Ты помнишь, когда я вышел на крышу, я был очень зол.

Я снова кивнула. Он пинал шезлонг. Это было до того, как он понял, что полимер для судостроения практически неубиваемый.

– Ты помнишь мою голую правду? Что я тебе сказал о той ночи и о том, почему я так рассердился?

Я склонила голову, подумала о той ночи и о том, какую правду он мне тогда говорил. Он сказал, что брак внушает ему отвращение. Что он за одноразовый секс. Что не хочет иметь детей. Что сердится из-за того, что его пациент той ночью умер.

Я начала кивать.

– Маленький мальчик, – сказала я. – Ты сердился из-за того, что маленький мальчик умер, и это тебя расстроило.

Он быстро и облегченно выдохнул.

– Да. Поэтому я злился. – Райл встал, и я как будто увидела, как разрушается его душа. Он прижал ладони к глазам и справился со

слезами. – Я сказал тебе, что с ним случилось. Ты помнишь, что мне ответила?

Я чувствовала, что вот-вот расплачусь, но я пока даже не знала почему.

– Да. Я сказала тебе, что не могу представить, каково пришлось брату маленького мальчика. Тому, кто случайно застрелил его. – У меня задрожали губы. – И тогда ты сказал мне: *«Это разрушит его на всю жизнь, вот что случится»*.

О боже.

К чему он все это рассказывал?

Райл подошел ко мне и упал на колени.

– Лили, я знал, что это разрушит его. Я точно знал, что чувствовал тот маленький мальчик... Потому что то же самое случилось со мной. С нашим с Алисой старшим братом...

Я не смогла сдерживать слезы. Я просто заплакала, а он крепко обнял меня за талию и положил голову мне на колени.

– Я *застрелил* его, Лили. Моего лучшего друга. Моего старшего брата. Мне было всего шесть лет. Я даже не понимал, что держу в руках настоящее ружье.

Райла затрясло, и он еще крепче вцепился в меня. Я прижалась губами к его волосам, потому что создавалось ощущение, что он на грани нервного срыва. Как в ту ночь на крыше. И хотя я все еще была очень зла на него, я любила его. Меня просто убила эта история о нем. Об Алисе. Мы долго сидели молча, голова Райла лежала у меня на коленях, руки обнимали мою талию, мои губы прижимались к его волосам.

– Алисе было всего пять, когда это случилось. Эмерсону семь. Мы были в гараже, поэтому никто долго не слышал наших криков. А я просто сидел там и...

Райл оторвался от моих коленей и встал, не глядя на меня. После долгого молчания он сел на диван и наклонился вперед.

– Я пытался... – Его лицо исказилось от боли, он опустил голову, закрыл ее руками и принялся раскачиваться вперед-назад. – Я пытался вложить все обратно в его голову. Я думал, что смогу *починить* его, Лили.

Я зажала рот руками, но ахнула так громко, что это невозможно было скрыть.

Мне пришлось встать, чтобы отдышаться.

Это не помогло.

Я по-прежнему не могла дышать.

Райл подошел ко мне, взял меня за руки и привлек к себе. Мы обнимали друг друга, когда он сказал:

– Я бы никогда не рассказал тебе об этом ради того, чтобы ты поняла мое поведение. – Райл отстранился от меня и твердо посмотрел мне в глаза. – Ты должна мне поверить. Алиса хотела, чтобы я рассказал тебе об этом, потому что после этого случая происходят вещи, которые я не могу контролировать. Я впадаю в ярость. Не помню себя. С шестилетнего возраста я посещал психотерапевта. Но это не оправдание. Это моя реальность.

Он вытер слезы на моем лице и положил мою голову себе на плечо.

– Когда ты выбежала за мной прошлым вечером, клянусь, я не хотел причинить тебе боль. Я был расстроен и зол. Иногда, когда я чувствую столько эмоций сразу, что-то внутри меня просто переклинивает. Я не помню, как толкнул тебя. Но я знаю, что сделал это. *Я это сделал.* Когда ты бежала за мной, я думал только о том, что мне нужно уйти от тебя. Я хотел убрать тебя с моего пути. Я не осознавал, что мы на лестнице. Я не осознавал, насколько я сильнее тебя. Я все испортил, Лили. Я все испортил.

Его губы оказались возле моего уха, и его голос дрогнул, когда он сказал:

– Ты моя *жена*. Предполагается, что я буду тем человеком, который защищает тебя от чудовищ. Не предполагается, что я буду одним из них. – Райл обнимал меня с таким отчаянием, что по его телу побежала дрожь. Никогда в жизни я не чувствовала, чтобы от человека исходила такая боль.

И это меня добило. Меня разрывало изнутри. Мое сердце хотело только одного: крепко обнять его.

Но даже после того, что он мне рассказал, я все еще боролась со своим желанием простить. Я поклялась, что больше никогда такого не допущу. Я поклялась ему и себе, что, если он еще раз ударит меня, я уйду.

Я отстранилась от Райла, не в силах смотреть ему в глаза. Я направилась в спальню, чтобы попытаться отдышаться. Я закрыла за

собой дверь ванной и ухватилась за раковину, но ноги не держали меня. В конце концов, я опустилась на пол и залилась слезами.

Так не должно было быть. Всю жизнь я точно знала, как поступлю, если муж станет обращаться со мной так, как мой отец обращался с моей матерью. Это было просто. Я уйду от него, и такое никогда больше не повторится.

Но я не ушла. И вот я оказалась с синяками и порезами в руках человека, который предположительно любил меня, в руках своего собственного мужа.

И все же я пыталась оправдать случившееся.

Это была случайность. Райл подумал, что я ему изменяю. Ему было больно, он был зол, а я оказалась у него на пути.

Я поднесла руки к лицу и зарыдала, потому что почувствовала больше боли за этого мужчину, узнав, через что ему пришлось пройти в детстве, чем за саму себя. И от этого я не почувствовала себя ни самоотверженной, ни сильной. Я почувствовала себя жалкой и слабой. Я должна была бы ненавидеть его. Я должна была бы быть такой женщиной, какой моей матери не хватило сил стать.

Но если я повторяла поведение моей матери, то это означало, что Райл повторял поведение моего отца. Только это было не так. Мне нужно было прекратить сравнивать нас с ними. Мы были другими людьми в совершенно другой ситуации. У моего отца не было никакого оправдания для гнева, и он никогда не извинялся сразу. То, как он обращался с моей матерью, было намного хуже, чем то, что произошло между Райлом и мной.

Райл только что открылся передо мной так, как, вероятно, не открывался больше ни перед кем. Он старался стать лучше ради меня.

Да, накануне вечером он все испортил. Но он пришел и пытался сделать так, чтобы я поняла его прошлое и то, почему он отреагировал подобным образом. Люди не идеальны, и я не могла позволить единственному примеру брака, свидетелем которого я была, испортить мой *собственный* брак.

Я вытерла глаза и встала на ноги. Посмотрев в зеркало, я не увидела там свою мать. Я увидела только меня. Я увидела девушку, которая любит своего мужа и больше всего на свете хочет помочь ему. Я знала Райла, и у меня было достаточно сил, чтобы пережить это. Наша любовь была сильной, и мы сможем это преодолеть.

Я вышла из ванной и вернулась в гостиную. Райл встал и посмотрел на меня, его лицо казалось испуганным. Он был напуган тем, что я не собиралась прощать его. И я не была уверена, что я *действительно* простила его. Но человека не обязательно прощать, чтобы извлечь урок из его поступка.

Я подошла к Райлу и взяла обе его руки в свои. Я сказала ему одну только голую правду.

– Помнишь, что ты сказал мне в ту ночь на крыше? Ты сказал: «Плохих людей не существует. Мы просто люди, которые иногда поступают плохо».

Райл кивнул и сжал мои пальцы.

– Ты не плохой человек, Райл. Я знаю это. Ты все еще можешь защищать меня. Если ты расстроен, просто уйди. И я уйду. Мы оставим ситуацию неразрешенной до тех пор, пока ты не успокоишься настолько, что сможешь об этом говорить, договорились? Ты *не* чудовище, Райл. Ты всего лишь человек. И как люди, мы не можем ожидать, что мы вынесем всю нашу боль. Иногда нам нужно поделиться ею с людьми, которые нас любят, чтобы мы не рухнули под тяжестью этой боли. Но я не смогу тебе помочь, если не буду знать, что ты в этом нуждаешься. Попроси меня о помощи. Мы со всем справимся, я знаю, что мы сможем.

Он выдохнул, и казалось, что он затаил дыхание с прошлой ночи. Райл крепко обнял меня и уткнулся лицом в мои волосы.

– Помоги мне, Лили, – прошептал он. – Мне нужна твоя помощь.

Райл прижал меня к себе, и в глубине сердца я понимала, что поступаю правильно. В нем было настолько больше хорошего, чем плохого, и я была готова сделать все, что смогу, чтобы убедить Райла в этом до тех пор, пока он сам этого не увидит.

Глава 21

– Я ухожу. Нужно еще что-то сделать?

Я подняла голову от бумаг и покачала головой.

– Нет, спасибо, Серена. Увидимся завтра.

Она кивнула и ушла, оставив дверь моего кабинета открытой.

Алиса отработала последний день две недели назад. Она могла родить со дня на день. На меня теперь работали две продавщицы, Серена и Люси, занятые целый день.

Да, *та самая* Люси.

Около двух месяцев назад она вышла замуж, а две недели назад начала поиски работы. Все сложилось достаточно удачно. Она была занята, а я, если мы с ней совпадали, просто закрывала дверь кабинета, чтобы не слышать ее пение.

После инцидента на лестнице прошел почти месяц. Несмотря на все то, что Райл рассказал о своем детстве, я никак не могла его простить.

Я знала, что у Райла взрывной характер. Я своими глазами видела это в ночь нашей первой встречи, еще до того, как мы обменялись хотя бы словом. Я видела это в тот ужасный вечер в моей кухне. Я видела это, когда он нашел записку с номером телефона Атласа внутри моего телефона.

Но все же я видела разницу между Райлом и моим отцом.

Райл умел сопереживать. Он делал такие вещи, которые мой отец не делал никогда. Он жертвовал деньги на благотворительность, заботился о других людях, ставил меня превыше всего. Райл бы никогда в жизни не заставил меня парковаться на подъездной дорожке, когда он сам занял бы гараж.

Мне приходилось напоминать себе об этом. Иногда девочка внутри меня – дочь моего отца – бывала очень упрямой. Она говорила мне, что мне не следовало прощать его, что мне следовало уйти после первого же раза. И порой я верила этому голосу. Но потом та моя часть, которая знала Райла, понимала, что браки не бывают идеальными. Иногда случаются ситуации, в которых не правы обе стороны. Я гадала, как бы я чувствовала себя, если бы оставила Райла после первого случая. Он бы не столкнул меня с лестницы, но я сделала то, чем я сама не гордилась. И если бы я просто ушла, то я бы нарушила наши свадебные обеты. *В горе и в радости*. Я не была готова с такой легкостью отказаться от моего брака.

Я сильная женщина. Я не понаслышке знала о насилии в семье. Я никогда не стану такой, как моя мать. Я верила в это на сто процентов. И Райл никогда не станет таким, как мой отец. Я думала, что нам нужен был тот случай на лестнице, чтобы я узнала о его прошлом и чтобы мы могли работать над этим вместе.

На прошлой неделе мы снова поссорились.

Я испугалась. Две предыдущие ссоры закончились плохо, и я понимала, что эта ссора станет доказательством того, сработает или нет наше соглашение о том, что я помогу ему справиться с гневом.

Мы обсуждали его карьеру. Он окончил ординатуру и подал документы на прохождение трехмесячного курса специализации в Кембридже, в Англии. Райлу предстояло вскоре узнать, одобрили его кандидатуру или нет, но расстроило меня не это. Это была прекрасная возможность, и я не просила его остаться дома. При нашей занятости три месяца – это пустяки. Меня огорчило то, что он собирался делать *после того*, как учеба в Кембридже закончится.

Райлу предложили работу в Миннесоте в клинике Мэйо, и он хотел, чтобы мы туда переехали. По его словам, Массачусетская больница общего профиля в Бостоне занимает второе место в рейтинге лучших неврологических больниц в мире, а первое место принадлежит клинике Мэйо.

Он сказал, что никогда не собирался оставаться в Бостоне навсегда. Я ответила, что это следовало бы обсудить, когда мы говорили о нашем будущем по дороге на свадьбу в Вегас. Я не могла уехать из Бостона, где жила мама, где жила Алиса. Райл возразил, что это всего в пяти часах лёта, и мы сможем их навещать так часто, как только захочется. Я сказала, что довольно трудно управлять цветочным бизнесом, когда живешь в нескольких штатах от него.

Ссора набирала обороты, и с каждой секундой мы оба злились все больше. В какой-то момент Райл сшиб со стола вазу с цветами. Мы оба какое-то время смотрели на осколки. Я испугалась и подумала, правильно ли я поступила, когда осталась, когда поверила, что мы сможем справиться с его проблемами с гневом. Райл сделал глубокий вдох и сказал:

– Я уйду на час-два. Думаю, мне надо пройтись. Когда я вернусь, мы продолжим этот разговор.

Райл ушел и, верный своему слову, вернулся через час, когда стал намного спокойнее. Бросив ключи на стол, он подошел ко мне, взял мое лицо в ладони и – сказал:

– Я говорил тебе, Лили, что хочу быть лучшим в своей области. Я сказал тебе об этом в ночь нашей первой встречи. Это была одна из моих голых правд. Но если мне придется выбирать между работой в лучшей больнице в мире и счастьем моей жены, я выбираю тебя. *Ты*

мой успех. Пока ты счастлива, мне все равно, где я работаю. Мы останемся в Бостоне.

В эту минуту я поняла, что приняла правильное решение. Любой человек заслуживает второй шанс. Особенно люди, которые так много для меня значат.

После ссоры прошла неделя, и Райл больше не заговаривал о переезде. Я чувствовала себя плохо, как будто я каким-то образом разрушила его планы, но брак – это компромисс. Это способность сделать то, что лучше для пары в целом, а не для каждого в отдельности. Если мы останемся в Бостоне, то это будет лучше для каждого.

Вспомнив о семьях, я посмотрела на телефон в тот самый момент, когда пришло сообщение от Алисы.

Алиса: Ты уже закончила работать? Мне нужно услышать твое мнение о мебели.

Я: Буду у тебя через пятнадцать минут.

Не знаю, были виной тому приближавшиеся роды или тот факт, что она пока не работала, но за эту неделю я провела в доме Алисы больше времени, чем в своей собственной квартире. Я закрыла магазин и поехала к ней.

* * *

Выйдя из лифта, я увидела записку на двери квартиры Алисы. На ней было написано мое имя, поэтому я сняла ее с двери и прочла.

Лили!

На седьмом этаже. Квартира 749

– А

У нее есть еще и квартира для хранения лишней мебели? Я знала, что они богаты, но это казалось излишеством даже для них. Я вернулась в лифт и нажала кнопку седьмого этажа. Когда двери открылись, я пошла по коридору к 749-й квартире. Добравшись до двери, я не знала, следует ли мне постучать или просто войти. В любом случае там мог кто-то жить. Вероятно, один из ее людей.

Я постучала и услышала шаги.

Дверь открылась, и я с удивлением увидела Райла.

– Привет. – Я была сбита с толку. – Что ты здесь делаешь?

Он улыбнулся и прислонился к косяку.

– Я здесь живу. А *ты* что здесь делаешь?

Я посмотрела на оловянный номер квартиры рядом с дверью, потом на него.

– Что ты хочешь этим сказать? Я думала, что ты живешь со мной. У тебя все это время была собственная квартира? – Я считала, что квартира – это то, что муж в тот или иной момент дарит жене, и занервничала.

На самом деле это было нелепо. Мошенничество какое-то. Пожалуй, мне стоило разозлиться сразу.

Райл рассмеялся и оттолкнулся от косяка. Подняв руки вверх и ухватившись за дверную раму у него над головой, он заполнял весь дверной проем.

– У меня не было возможности рассказать тебе о квартире, так как я только этим утром подписал все документы.

Я сделала шаг назад.

– Подожди. Что?

Он взял меня за руку и втянул в квартиру.

– Добро пожаловать домой, Лили.

Я остановилась в холле.

Да. В *холле*. Потому что там был *холл*.

– Ты купил квартиру?

Райл медленно кивнул, наслаждаясь моей реакцией.

– Ты купил квартиру, – произнесла я утвердительно.

Он продолжал кивать.

– Купил. Ты рада? Я подумал, что раз уж мы живем вместе, то нам бы не помешало иметь пространство побольше.

Я медленно повернулась на месте. Когда мой взгляд остановился на кухне, я замерла. Она была меньше, чем кухня Алисы, но почти такой красивой и такой же белой. Там стояли холодильник для вина и посудомоечная машина, которых не было в моей квартире. Я вошла в кухню и огляделась. Мне было страшно к чему-то прикоснуться. *Неужели это на самом деле моя кухня? У меня не может быть такой кухни.*

Я заглянула в гостиную с высоченными потолками, огромные окна которой выходили на бостонскую гавань.

– Лили? – окликнул меня Райл. – Ты ведь не сердишься, правда?

Я развернулась к нему, осознав, что он ждал моей реакции в течение нескольких минут. Но я совершенно лишилась дара речи.

Я покачала головой и прижала пальцы к губам.

– Я так не думаю, – прошептала я.

Райл подошел ко мне, взял мои руки в свои и прижал их к своей груди.

– Ты так *не думаешь*? – Он был встревожен и сбит с толку. – Пожалуйста, скажи мне голую правду, потому что я уже начинаю бояться, что мне, возможно, не следовало устраивать такой сюрприз.

Я посмотрела на пол из твердой древесины. Это было настоящее дерево, не ламинат.

– Ладно, – сказала я, глядя ему в глаза, – я думаю, что это просто безумие. Ты просто пошел и купил квартиру без меня. Мне кажется, что нам следовало бы сделать это вместе.

Райл кивнул, и у него был такой вид, как будто он был готов извиниться. Но я не закончила.

– Но моя голая правда такова... Идеальная квартира. Я даже не знаю, что сказать, Райл. Все такое чистое. Я боюсь пошевелиться. Я могу что-то испачкать.

Он с шумом выдохнул и прижал меня к себе.

– Пачкай что хочешь, детка. Квартира твоя. Можешь перепачкать ее всю. – Он поцеловал меня в висок, а я даже еще не сказала ему «спасибо». Оно казалось слишком малой благодарностью за такой широкий жест.

– Когда мы переезжаем?

Райл пожал плечами:

– Может быть, завтра? У меня выходной. И вещей у нас не так много. Следующие несколько недель мы можем потратить на покупку новой мебели.

Я кивнула, пытаюсь мысленно просмотреть мое расписание на следующий день. Я заранее знала, что у Райла будет выходной, поэтому ничего не планировала.

Неожиданно я ощутила потребность сесть. Стульев не было, но, к счастью, пол был чистым.

– Мне надо немного посидеть.

Райл помог мне опуститься на пол, а потом уселся передо мной, все еще держа меня за руки.

– Алиса знает? – спросила я.

Он улыбнулся и кивнул:

– Моя сестра в восторге. Я задумался о покупке квартиры в этом доме некоторое время назад. После того как мы решили навсегда остаться в Бостоне, я оформил сделку, чтобы сделать тебе сюрприз. Алиса мне помогла, но я начал беспокоиться, как бы она не рассказала тебе раньше меня.

Это никак не укладывалось в моей голове. Я буду жить здесь? Мы с Алисой станем соседями? Непонятно, откуда у меня возникло чувство, что меня это беспокоит, потому что я была очень этому рада.

Райл улыбнулся, потом сказал:

– Я понимаю, что тебе нужно время, чтобы все осознать, но ты не видела лучшую часть, и это меня убивает.

– Показывай!

Он просиял и поднял меня. Мы прошли через гостиную и дальше по коридору. Райл открывал каждую дверь и называл мне комнаты, но не давал мне времени зайти ни в одну из них. К тому моменту, когда мы дошли до главной спальни, я пришла к выводу, что мы живем в квартире с тремя спальнями, двумя ванными и кабинетом.

Я не успела оценить красоту спальни, как Райл потянул меня к противоположной стене, закрытой шторой. Он повернулся ко мне.

– Это не участок земли, где ты могла бы посадить сад, но с несколькими горшками у тебя все получится. – Райл отдернул штору и открыл дверь. Я увидела гигантский балкон и вышла на него следом за Райлом, уже мечтая о горшках с цветами, которые я там расставляю.

– Отсюда открывается такой же вид, как с площадки на крыше, – объяснил Райл. – Перед нами всегда будет тот же вид, что и в ночь нашей первой встречи.

Я не сразу осознала все, но когда пришло осознание, я заплакала. Райл прижал меня к своей груди и крепко обнял.

– Лили, – прошептал он, проводя рукой по моим волосам. – Я не хотел давать тебе повод плакать.

Я рассмеялась сквозь слезы.

– Я никак не могу поверить в то, что живу здесь. – Я отстранилась от Райла и подняла на него глаза. – Мы богаты? Как ты можешь себе

это позволить?

Он рассмеялся:

– Ты вышла замуж за нейрохирурга, Лили. Это не значит, что у меня нет ни гроша.

Его комментарий рассмешил меня, а потом я еще немного поплакала. И тут к нам пришел наш первый гость, потому что кто-то забарабанил в дверь.

– Это Алиса, – сказал Райл. – Она ждала на площадке.

Я подбежала к входной двери и распахнула ее. Мы с ней обнялись, завизжали, и я еще чуть-чуть поплакала.

Остаток вечера мы провели в нашей новой квартире. Райл заказал китайскую еду, к нам присоединился Маршалл. Ни стола, ни стульев у нас пока не было, поэтому мы вчетвером уселись на полу в гостиной и ели прямо из контейнеров. Мы обсуждали будущее убранство квартиры, говорили о том, чем будем заниматься вместе, и о приближающихся родах Алисы.

Я получила все и даже больше.

Мне не терпелось рассказать обо всем матери.

Глава 22

Алиса перехаживала уже три дня.

Мы с Райлом прожили в новой квартире уже неделю. Мы успешно перевезли все наши пожитки в выходной день Райла, а после переезда мы с Алисой отправились покупать мебель. К третьему дню мы практически обосновались на новом месте. Вчера мы получили первую почту. Это был счет за содержание дома, поэтому нас можно было считать официально заселившимися.

Я была замужем. У меня был великолепный муж и потрясающая квартира. Моя лучшая подруга оказалась моей золовкой, и я вот-вот должна была стать тетей.

Осмелюсь ли я сказать, что лучшей жизни и желать нельзя?

Я закрыла ноутбук и собралась уходить. Последнее время я уходила из магазина раньше, потому что мне не терпелось вернуться в мою новую квартиру. Я как раз закрывала дверь кабинета, когда Райл своим ключом открыл входную дверь магазина. Дверь за ним захлопнулась, а он направился ко мне с полными руками.

Под мышкой у него была газета, в руках два стакана кофе. Несмотря на безумный вид и торопливые шаги, Райл улыбался. Он подошел ко мне, сунул один стакан мне в руку и вытащил из-под мышки газету.

– Лили, – начал он. – Три вещи. Первое... Ты видела газету? – Он протянул ее мне. Газета была сложена какой-то статьей вверх. – Ты получила ее, Лили! Ты получила ее!

Я постаралась не давать воли надеждам, когда посмотрела на статью. Он мог говорить вовсе не о том, о чем я думала. Как только я прочла заголовок, я поняла, что он говорил именно о том, о чем я думала.

– Я получила ее?

Мне сообщили, что мой бизнес был номинирован на премию «Лучший в Бостоне». Это народная премия в конкурсе, который газета устраивает каждый год, и Лили Блум была номинирована в категории «Лучший новый бизнес в Бостоне». Претендовать на премию могли только те, чей бизнес открылся меньше двух лет назад. У меня появилось подозрение, что я могу получить премию, в тот момент, когда репортер газеты позвонил мне на прошлой неделе и задал несколько вопросов.

Заголовок гласил: «Лучший новый бизнес в Бостоне. Мы выбрали топ-десять!»

Я улыбнулась и едва не расплескала кофе, когда Райл прижал меня к себе, подхватил и закружил.

Райл сказал, что новостей три, и если он начал с этой, то я понятия не имела, какими могут быть две остальные.

– А что второе?

Он поставил меня на пол и сказал:

– Я начал с лучшей новости. Я был слишком возбужден. – Он отпил кофе и продолжал:

– Меня выбрали для стажировки в Кембридже.

Мое лицо расплылось в широкой улыбке.

– Правда? – Райл кивнул, снова обнял меня и опять закружил. – Я так горжусь тобой, – сказала я, целуя его. – Мы оба настолько успешны, что даже голова кружится.

Он рассмеялся.

– И номер три? – спросила я.

Райл отпустил меня.

– Ах да. Номер три. – Он непринужденно облокотился о прилавок и медленно выпил немного кофе, потом поставил стакан на прилавок. – Алиса рожает.

– Что? – завопила я.

– Ага. – Райл кивком указал на наш кофе. – Именно поэтому я принес тебе кофеин. Сегодня ночью нам поспать не удастся.

Я захлопала в ладоши и запрыгала на месте, а потом запаниковала, бросилась искать сумку, куртку, ключи, телефон, выключатель. Перед тем как мы вышли, Райл поспешно вернулся к прилавку, схватил газету и сунул ее под мышку. От возбуждения мои руки дрожали, когда я запираю дверь.

– Мы станем тетями! – сказала я Райлу и побежала к машине.

Он рассмеялся моей шутке и поддержал ее:

– *Дядями, Лили. Мы вот-вот станем дядями.*

* * *

Маршалл спокойно вышел в коридор. Мы с Райлом вскинули головы в ожидании новостей. Последние полчаса там все было тихо. Мы слышали, как Алиса закричала от боли – знак, что она родила, – но больше не раздалось ни одного звука. Не было слышно даже криков новорожденной. Я прижала ладонь ко рту, когда увидела выражение лица Маршалла. Я испугалась самого страшного.

Его плечи затряслись, из глаз потекли слезы.

– Я папа, – произнес он, а потом ударил кулаком воздух. – Я ПАПА!

Он обнял Райла, потом меня и сказал:

– Дайте нам пятнадцать минут, и вы сможете зайти и познакомиться с ней.

Когда за ним закрылась дверь, мы с Райлом оба с облегчением выдохнули, потом переглянулись и улыбнулись.

– Ты подумала о самом плохом? – спросил он.

Я кивнула и обняла его.

– Ты теперь дядя, – сказала я с улыбкой.

Он поцеловал меня в макушку и ответил:

– А ты тетя.

Спустя полчаса мы с Райлом стояли рядом с кроватью и смотрели, как Алиса держит на руках новорожденную дочку. Девочка была само совершенство. Пока еще рано было говорить, на кого она похожа, но она все равно была красавицей.

– Хочешь поддержать племянницу? – спросила Алиса Райла.

Он немного напрягся, как будто нервничал, но потом кивнул. Алиса повернулась и положила малышку на руки брата, показывая, как ее надо держать. Райл нервно посмотрел на девочку, а потом подошел к дивану и сел.

– Вы уже выбрали для нее имя, ребята? – поинтересовался он.

– Да, – ответила Алиса.

Мы с Райлом посмотрели на нее, она улыбнулась нам, и ее глаза наполнились слезами.

– Мы с Маршаллом решили назвать ее в честь человека, который нам обоим очень дорог. Поэтому мы добавили букву «и» к твоему имени, Райл. Мы назовем ее Райли.

Я сразу посмотрела на него. Он с шумом выдохнул, как будто был в шоке, потом посмотрел на Райли и заулыбался.

– Вау, – прошептал он. – Не знаю, что и сказать.

Я сжала руку Алисы, отошла и села рядом с Райлом. У меня было много моментов, когда я думала, что не могла бы любить его сильнее, чем уже люблю, но я снова ошиблась. Когда я увидела, как он смотрит на свою новорожденную племянницу, мое сердце наполнилось теплом.

Маршалл уселся на кровать рядом с Алисой.

– Вы, ребята, слышали, как спокойно Исса все перенесла? Даже не пискнула. Она даже лекарств никаких не принимала. – Он обнял ее за плечи и улегся рядом с ней на кровати. – Я чувствую себя так, словно я в фильме «Хэнкок» с Уиллом Смитом, и я вот-вот узнаю, что женат на супергерое.

Райл рассмеялся:

– Алиса пару раз надрала мне задницу, пока мы росли. Поэтому я не удивлен.

– Никаких ругательств вокруг Райли, – строго сказал Маршалл.

– *Задница*, – прошипел Райл ей.

Мы оба рассмеялись, и он спросил, хочу ли я поддержать девочку. Я не могла этого дождаться. Я взяла малышку на руки и задохнулась от того, как сильно я ее уже любила.

– Когда мама с папой появятся? – спросил Райл у Алисы.
– Они будут завтра к ланчу.
– Тогда мне, наверное, надо немного поспать. Я только что после длинной смены. – Райл посмотрел на меня. – Ты со мной?

Я покачала головой.

– Мне хочется еще немного побыть здесь. Возьми мою машину, я доберусь до дома на такси.

Райл поцеловал меня в висок, прижался головой к моей голове, и мы оба смотрели на Райли.

– Думаю, нам следовало бы обзавестись таким же младенцем, – сказал он.

Я подняла на него глаза, не уверенная в том, что правильно его расслышала.

Райл подмигнул мне.

– Если я буду спать, когда ты вернешься домой, разбуди меня. Начнем сегодня вечером. – Он попрощался с Алисой и Маршаллом, и Маршалл пошел его проводить.

Я посмотрела на Алису. Она улыбалась:

– Я же говорила тебе, что он захочет от тебя детей.

Я заулыбалась, подошла к ее кровати. Алиса подвинулась, давая мне место. Я протянула ей Райли обратно, и мы обнялись, глядя, как спит девочка, как будто это самое завораживающее зрелище, которое мы когда-либо видели.

Глава 23

Три часа спустя, уже в одиннадцатом часу, я вернулась домой. После ухода Райла я просидела у Алисы еще час, а потом заехала в свой магазин, чтобы кое-что доделать и не возвращаться туда в следующие два дня. Когда у Райла был выходной, я всегда старалась подстроиться и тоже освободить день.

Когда я вошла в квартиру, свет нигде не горел, и это означало, что Райл уже в постели.

По дороге домой я думала о том, что сказал Райл. Я не ожидала, что он так быстро заговорит о детях. Мне было почти двадцать пять, но я полагала, что у меня еще есть года два, пока мы начнем думать о детях. Я все еще не была готова к этому, но теперь я знала, что Райл хочет детей, и настроение у меня невероятно поднялось.

Я решила сначала быстро перекусить перед тем, как разбудить Райла. Я еще не ужинала и умирала от голода. Я включила свет в кухне и вскрикнула. Я схватилась рукой за сердце и прислонилась к столешнице.

– Господи Иисусе, Райл! Что ты делаешь?

Он прислонился к стене возле холодильника. Ноги он скрестил в лодыжках и, прищурившись, смотрел на меня. Он что-то вертел в руках.

Мой взгляд упал на столешницу слева от него, и я увидела пустой стакан, в котором, вероятно, только что был виски. Порой Райл пил его, чтобы уснуть.

Я снова посмотрела на него. Он ухмылялся. От этой улыбки мне стало жарко, потому что я знала, что за ней последует. Эта квартира вот-вот должна была наполниться летящей во все стороны одеждой и безумными поцелуями. После переезда мы занимались любовью почти в каждой комнате, но до кухни еще не добрались.

Я улыбнулась ему в ответ, мое сердце все еще неровно билось после того, как я обнаружила его в темноте. Райл посмотрел на свою руку, и я заметила, что он держит магнит с изображением Бостона. Я перевезла его из старой квартиры и прикрепила на холодильник в новой кухне.

Райл прилепил магнит обратно на дверцу и постучал по нему.

– Где ты это взяла?

Я посмотрела на магнит, потом на него. Меньше всего на свете мне хотелось говорить ему, что это подарок Атласа на мое шестнадцатилетие. Эта тема и без того была болезненной, а я была слишком возбуждена тем, что должно было произойти между нами, чтобы открывать ему голую правду.

Я пожалала плечами:

– Не помню. Он у меня давным-давно.

Райл молча посмотрел на меня, потом выпрямился и сделал два шага ко мне. Я отступила назад, дыхание у меня перехватило. Его руки легли мне на талию, потом скользнули мне на ягодицы под джинсами, и он прижал меня к себе. Его рот требовательно завладел моим ртом, и он целовал меня, одновременно снимая с меня джинсы.

О'кей. Значит, мы займемся этим прямо сейчас.

Губы Райла двинулись вниз по моей шее. Я скинула туфли, и он стянул с меня джинсы.

Пожалуй, я могу поесть позже. Любовь в кухне стала моим приоритетом.

Когда его губы вернулись к моим губам, он поднял меня и усадил на столешницу, встал между моими коленями. Я чувствовала в его дыхании запах виски, и мне это даже понравилось. Я уже тяжело дышала, когда его теплые губы накрыли мои. Он схватил прядь моих волос, нежно потянул, чтобы я посмотрела на него.

– Время для голой правды? – прошептал он, глядя на мой рот так, как будто собирался съесть меня.

Я кивнула.

Его другая рука заскользила вверх по моему бедру, пока ей уже некуда было дальше двигаться. Два его теплых пальца проникли в меня, он смотрел мне прямо в глаза. Я втянула воздух, мои ноги обхватили его талию. Я начала медленно двигаться навстречу его руке и негромко постанывала, пока он смотрел на меня горячечным взглядом.

– Где ты взяла этот магнит, Лили?

Что?

У меня появилось ощущение, что мое сердце начало обратный отсчет.

Почему он продолжает спрашивать меня об этом?

Пальцы Райла все еще двигались внутри меня, взглядом он все еще давал понять, что хочет меня. *Вот только его рука.* Рука, на которую были намотаны мои волосы, потянула сильнее, и я поморщилась.

– Райл, – прошептала я, стараясь говорить спокойно, хотя меня начало трясти. – Мне больно.

Его пальцы перестали двигаться, но он не отводил глаз. Он медленно вытащил пальцы, неторопливо поднял руку, положил ее мне на горло и слегка сжал. Райл прижался к моим губам, его язык скользнул в мой рот. Я приняла его, потому что понятия не имела, что происходило в его голове, и молилась, чтобы моя реакция оказалась чрезмерной.

Я почувствовала его возбуждение, когда он прижался ко мне. Но он тут же отстранился, убрал от меня руки и снова прислонился к

холодильнику. Он рассматривал мое тело так, словно хотел взять меня прямо тут, в кухне. Мое сердце начало успокаиваться. *Я слишком бурно отреагировала.*

Райл потянулся к столешнице рядом с духовым шкафом, взял газету. Это была та самая газета, которую он показывал мне раньше. Именно в ней была статья о номинантах на премию. Он поднял газету повыше, а потом швырнул мне.

– Ты уже успела это прочесть?

Я облегченно выдохнула.

– Пока нет. – Мой взгляд переместился на статью.

– Читай вслух.

Я подняла на него глаза. Я улыбнулась, но в животе поселилась тревога. Было в Райле, в его поведении что-то такое, что я никак не могла понять.

– Ты хочешь, чтобы я прочитала статью? – переспросила я. – Сейчас?

Я чувствовала себя странно, сидя полураздетая на рабочем столе в кухне с газетой в руке. Райл кивнул.

– Но сначала я хочу, чтобы ты сняла рубашку. *А потом* читай статью вслух.

Я уставилась на него, пытаюсь разгадать его поведение. Возможно, виски сделал его излишне игривым. Множество раз, когда мы занимались любовью, мы просто любили друг друга. Но временами это был дикий секс. Немного опасный, как и выражение его глаз в эту минуту.

Я отложила газету, стянула рубашку, затем снова взяла газету и начала читать статью вслух, но Райл сделал шаг вперед и прервал меня.

– Не всю статью. – Он сложил газету пополам и указал мне на место в середине статьи. – Прочти последние несколько абзацев.

Я посмотрела в текст, на этот раз еще больше сбитая с толку. Но если это поможет нам разрешить эту ситуацию и отправиться в постель...

– «Бизнес, получивший наивысшее количество голосов, не вызовет ни у кого удивления. Канонический ресторан “ЛВБ” на Маркетсон-стрит открылся в апреле прошлого года и быстро вошел в

число ресторанов с высочайшим рейтингом в нашем городе, если верить TripAdvisor».

Я остановилась и посмотрела на Райла. Он налил себе еще виски и отпил глоток.

– Продолжай читать, – сказал он, кивком указывая на газету в моей руке.

Я с трудом сглотнула, слюна с каждой секундой становилась все более вязкой.

– «Владеет рестораном Атлас Корриган, шеф-повар, дважды удостоенный премии, и бывший морской пехотинец. Не секрет, что название ресторана – это сокращенное от *Лучше в Бостоне*».

Я ахнула.

В Бостоне все лучше.

Я прижала руку к животу, пытаюсь держать эмоции под контролем, и продолжала читать.

– «Во время интервью в связи с недавней премией шеф-повар наконец раскрыл подлинную историю названия ресторана. *“Ресторан назван в честь человека, который оказал огромное влияние на мою жизнь, который много для меня значил. И она до сих пор много для меня значит”*».

Я отложила газету на столешницу.

– Я не хочу больше читать. – Мой голос дрогнул.

Райл двумя быстрыми шагами подошел ко мне, схватил газету и начал читать с того места, на котором я остановилась, его голос стал более низким и сердитым, чем прежде.

– «Когда мы спросили его, знает ли девушка о том, что ресторан назван в ее честь, шеф Корриган загадочно улыбнулся и сказал: *“Следующий вопрос”*».

От гнева в голосе Райла меня затошнило.

– Прекрати, пожалуйста. – Я говорила спокойно. – Должно быть, ты слишком много выпил.

Я протиснулась мимо него, быстро вышла в коридор и направилась к нашей спальне. Происходило слишком много всего сразу, и я не была уверена, что понимаю хоть что-нибудь.

В статье нигде не упоминалось мое имя. Атлас знал, что это я, и я знала, что речь обо мне, но как, черт подери, Райл сложил этот пазл?

А еще магнит. Как он понял, что это подарок Атласа, только прочитав эту статью?

Он просто слишком бурно отреагировал.

Я слышала, что он идет следом за мной, распахнула дверь спальни и застыла на пороге. Кровать была усеяна вещами, включая пустую картонную коробку для переезда с надписью «Вещи Лили». Там же валялось содержимое коробки. Письма... Дневники... Пустые обувные коробки. Я закрыла глаза и медленно втянула в себя воздух.

Он прочел мой дневник.

Нет.

Он. Прочел. Мой. Дневник.

Его рука обхватила меня сзади за талию, поднялась выше и схватила меня за грудь, другой рукой он смахнул волосы с моего плеча, открывая шею.

Я крепко зажмурилась, когда его пальцы заскользили по моей коже к ключице. Он медленно обвел пальцем татуировку в виде сердца, и по моему телу пробежала дрожь. Его губы коснулись моей кожи прямо над татуировкой, а потом он неожиданно с такой силой вонзил в меня зубы, что я вскрикнула.

Я попыталась вырваться из его рук, но он так крепко меня держал, что даже не дрогнул. Боль от его зубов пронзила ключицу, побежала к плечу и спустилась вниз по руке. Я мгновенно заплакала. *Зарыдала.*

– Райл, отпусти меня, – взмолилась я. – Пожалуйста. Уйди.

Он вцепился в мою руку и развернул меня к себе – лицом.

Я не открывала глаз. Мне было слишком страшно посмотреть на него. Крепко схватив меня за плечи, он подтолкнул меня к кровати. Я попыталась отбиваться, но все было бесполезно. Он был намного сильнее меня. Он был зол. Ему было больно. *И это был не Райл.*

Я оказалась спиной на кровати и тут же отползла к изголовью, пытаюсь убежать от него.

– Почему он все еще здесь, Лили? – Его голос уже не был таким сдержанным, каким был в кухне. Он уже по-настоящему рассердился. – Он *всюду*. Магнит на холодильнике. Дневник в коробке, который я нашел в твоём шкафу. Эта гребаная *татуировка* на твоём теле, которая была моей *любимой частью тебя*, черт бы тебя побрал!

Он тоже оказался на кровати.

– Райл, я могу объяснить. – Слезы стекали мне на виски и исчезали в волосах. – Ты злишься. Прошу тебя, не делай мне больно, *пожалуйста*. Уходи, а когда ты вернешься, я все объясню.

Райл схватил меня за лодыжку и подтащил к себе так, чтобы я оказалась под ним.

– Я не злюсь, Лили, – сказал он, и на этот раз его голос прозвучал угрожающе спокойно. – Я просто думаю, что недостаточно доказал тебе, как сильно я тебя люблю. – Райл опустил на меня, одной рукой взял меня за запястья, завел мои руки за голову и прижал их к матрасу.

– Райл, прошу тебя, – прорыдала я, пытаюсь столкнуть его с себя всеми частями тела. – Слезь с меня, *пожалуйста*.

Нет, нет, нет, нет.

– Я люблю тебя, Лили. – Его слова обожгли мне щеку. – Больше, чем когда-либо любил тебя он. Почему ты этого не видишь?

Мой страх съезжился, меня переполнила ярость. Зажмурившись, я видела только одно: моя мать плачет на нашем старом диване в гостиной, а мой отец берет ее силой. Меня захватила ненависть, и я закричала.

Райл попытался заглушить мои крики своим ртом.

Я укусила его за язык.

Он ударил меня головой в лоб.

Боль мгновенно исчезла, когда тьма накрыла и поглотила меня.

* * *

Я почувствовала его дыхание возле моего уха, он что-то неслышно бормотал. Сердце у меня бешено колотилось, тело все еще дрожало, из глаз по-прежнему текли слезы, я пыталась отдышаться. Его слова бились в мое ухо, но в голове пульсировала такая страшная боль, что я не могла их разобрать.

Я попыталась открыть глаза, но их защипало. Я почувствовала, как что-то течет мне в правый глаз, и я сразу поняла, что это кровь.

Моя кровь.

Постепенно я начала понимать слова Райла.

– Прости меня, пожалуйста, прости, я...

Его рука по-прежнему прижимала мои кисти к матрасу, и он все еще лежал на мне. Но Райл больше не пытался взять меня силой.

– Лили, я люблю тебя, мне так жаль.

В его голосе слышалась паника. Он целовал меня, его губы нежно касались моей щеки и рта.

Он знал, что сделал. Это снова был Райл, и он знал, что только что сделал со мной. С нами. С нашим бу-дущим.

Я использовала его панику в своих целях. Я покачала головой и прошептала:

– Все в порядке, Райл. Все в порядке. Ты разозлился, все в порядке.

Он принялся целовать меня, и от вкуса виски меня едва не стошнило. Райл все еще бормотал извинения, когда комната снова начала исчезать.

* * *

Мои глаза все еще были закрыты. Мы по-прежнему лежали в постели, но Райл лежал рядом со мной, повернувшись на бок, и крепко обнимал меня за талию. Его голова была прижата к моей груди. Я не шевелилась, оценивая обстановку.

Райл тоже не шевелился, но я чувствовала его тяжелое сонное дыхание. Я не знала, потерял ли он сознание или просто заснул. Последнее, что я помнила, это были его губы на моих губах и вкус моих собственных слез.

Я полежала неподвижно еще несколько минут. Я была в сознании, и боль в моей голове усиливалась с каждой минутой. Я закрыла глаза и попыталась думать.

Где моя сумка?

Где мои ключи?

Где мой телефон?

Мне потребовалось целых пять минут, чтобы выползти из-под Райла. Я была слишком испугана, чтобы двигаться быстро, поэтому я до тех пор отползала на дюйм и останавливалась, пока не сумела скатиться на пол. Когда я перестала чувствовать на себе его руки, из моей груди неожиданно вырвалось рыдание. Я зажала рот рукой, поднялась на ноги и выбежала из спальни.

Я нашла сумку, нашла телефон, но понятия не имела, куда Райл положил мои ключи. Я суматошно обыскивала гостиную и кухню, но почти ничего не видела. Должно быть, когда он ударил меня головой,

он рассек мне кожу на лбу, потому что в моих глазах было слишком много крови, и все расплывалось.

Я опустилась на пол у входной двери, у меня закружилась голова. Пальцы дрожали так сильно, что я только с третьей попытки набрала пароль на моем теле-фоне.

Когда экран стал доступен для набора номера, я застыла. Первой мыслью было позвонить Алисе и Маршаллу, но я не могла этого сделать. Только не в этот момент, когда Алиса всего несколько часов назад родила ребенка. Я не могла так поступить с ними.

Я могла бы позвонить в полицию, но мой мозг никак не мог оценить последствия этого звонка. Я не хотела подавать заявление. И я не хотела выдвигать обвинения, понимая, как это повлияет на его карьеру. Я не хотела, чтобы Алиса сердилась на меня. Я просто не знала, как поступить, и не исключала, что все-таки сообщу в полицию. Просто у меня не было сил, чтобы сразу принять решение.

Я вцепилась в телефон и попыталась думать. *Моя мать.*

Я начала набирать ее номер, но при мысли о том, что она переживет, я снова заплакала. Я не могла вмешивать маму в эту ситуацию. На ее долю выпало слишком много. И Райл попытается разыскать меня. Он первым делом поедет к ней. Потом к Алисе и Маршаллу. Потом ко всем нашим знакомым.

Я вытерла слезы и начал набирать номер Атласа.

В эту минуту я ненавидела себя больше, чем когда бы то ни было.

Я ненавидела себя за то, что в тот день, когда Райл нашел телефон Атласа, я солгала, сказав, что я забыла о том, что он там.

Я ненавидела себя, потому что в тот день, когда Атлас положил записку со своим номером в мой телефон, я открыла его и посмотрела.

Я ненавидела себя, потому что в глубине души я знала, что однажды он может мне понадобиться. *Поэтому я выучила его наизусть.*

– Алло?

Его голос прозвучал осторожно, вопросительно. Он не знал моего номера. Как только он ответил, я сразу заплакала. Я прикрыла рот рукой и постаралась успокоиться.

– Лили? – Теперь его голос звучал громче. – Лили, где ты?

Я ненавидела себя, потому что он понял, что это плакала я.

– Атлас, – прошептала я, – мне нужна помощь.

– Где ты? – повторил он свой вопрос. Я слышала панику в его голосе. Я слышала, как он ходит, что-то передвигает. Потом я услышала, как хлопнула его дверь.

– Я сброшу тебе адрес, – прошептала я, слишком напуганная, чтобы продолжать разговор. Я не хотела разбудить Райла. Я нажала на кнопку отбоя и каким-то чудом сумела унять дрожь пальцев, пока писала ему сообщение с моим адресом и кодом от двери подъезда. Потом я отправила второе сообщение.

Напиши мне, когда приедешь. Пожалуйста, не стучи в дверь.

Я отползла в кухню, нашла трусы, с трудом влезла в них. На столешнице я обнаружила свою рубашку. Одевшись, я прошла в гостиную. Я подумала, что могла бы открыть дверь и встретить Атласа в подъезде, но побоялась, что одна не дойду до вестибюля внизу. Лоб все еще кровоточил, и я чувствовала себя слишком слабой, чтобы просто стоять и ждать его у двери. Я опустилась на пол у двери, держа телефон в дрожащей руке, и смотрела на экран, ожидая его сообщение.

Экран засветился спустя ужасные двадцать четыре минуты.

На месте.

Я с трудом поднялась на ноги и распахнула дверь. Руки подхватили меня, мое лицо прижалось к чему-то мягкому. Я заплакала, меня затрясло, и я все плакала и плакала.

– Лили, – прошептал Атлас. Я никогда еще не слышала, чтобы мое имя произносили с такой печалью. Он заставил меня посмотреть на него. Его голубые глаза осмотрели мое лицо, и я увидела, как изменилось их выражение. Тревога исчезла, когда он кивком указал на дверь квартиры.

– Он еще там?

В его глазах заплескалась ярость.

Я почувствовала исходящие от него волны гнева, когда он повернулся к двери в квартиру. Я схватила его куртку.

– Нет, *пожалуйста*, Атлас. Я просто хочу уйти.

Он замер, и я видела, как трудно ему было решить, послушаться меня или броситься в квартиру. В конце концов, Атлас отвернулся от двери и обнял меня. Он довел меня до лифта, потом провел через вестибюль. Каким-то чудом нам встретился только один человек, да и тот говорил по телефону и смотрел в другую сторону.

Когда мы дошли до парковки, у меня снова закружилась голова. Я попросила Атласа замедлить шаг, и тогда он подхватил меня на руки. А потом мы оказались в его машине, и она тронулась с места.

Я знала, что рану на лбу надо зашивать.

Я знала, что Атлас везет меня в больницу.

Но я понятия не имею, почему следующими моими словами были:

– Только не вези меня в Массачусетскую больницу. Отвези меня в другое место.

По какой-то причине мне не хотелось наткнуться на кого-нибудь из коллег Райла. Я его ненавидела. В этот момент я ненавидела его больше, чем когда-то ненавидела моего отца. Но мысли о его карьере каким-то образом пробились сквозь ненависть.

Когда я это поняла, я возненавидела себя с такой же силой, как и его.

Глава 24

Атлас стоял в противоположной части кабинета. Он не отводил от меня глаз все то время, пока медсестра занималась мной. Она взяла образец крови, сразу вернулась и начала обрабатывать рану на лбу. Женщина меня не спрашивала, но было ясно, что мои раны – это результат избиения. Я видела жалость в ее глазах, пока она смывала кровь с места укуса на моем плече.

Закончив, медсестра обернулась на Атласа. Она сделала шаг вправо, встав так, чтобы он меня не видел, и снова повернулась ко мне.

– Мне нужно задать вам несколько личных воп-росов. Я собираюсь попросить его выйти. Вы со-гласны?

Только в эту минуту я поняла, что она считает Атласа виновником всего того, что случилось со мной. Я тут же затрясла головой.

– Это был не он, – сказала я. – Пожалуйста, не заставляйте его выходить.

На ее лице отразилось облегчение. Она кивнула и подтащила к себе стул.

– У вас есть еще раны?

Я покачала головой, потому что ей бы не удалось залечить все то, что Райл исковеркал внутри меня.

– Лили? – Ее голос звучал мягко. – Вас изнасиловали?

Мои глаза наполнились слезами, и я увидела, как Атлас повернулся и уперся лбом в стену.

Медсестра дождалась, пока я снова встречу с ней взглядом, и заговорила снова.

– У нас есть специальный протокол осмотра для таких ситуаций. Осмотр проводят по желанию, но я бы вам его настойчиво рекомендовала.

– Меня не изнасиловали, – ответила я. – Он не...

– Вы уверены, Лили? – спросила медсестра.

Я кивнула:

– Мне не нужен этот осмотр.

Атлас снова смотрел на меня, и я видела боль на его лице, когда он шагнул вперед.

– Лили, тебе это нужно. – В его глазах была мольба.

Я снова покачала головой:

– Атлас, я клянусь... – Я зажмурилась и опустила голову. – На этот раз я его не прикрываю, – прошептала я. – Он пытался. Но потом остановился.

– Если вы собираетесь выдвинуть обвинения, то вам потребуется...

– Мне не нужен осмотр, – твердо ответила я.

В дверь постучали, и вошел врач, избавив меня от умоляющих взглядов Атласа. Медсестра коротко рассказала врачу о моих травмах. Потом она отошла в сторону, пока он осматривал мою голову и плечо. Врач посветил мне фонариком в глаза, потом снова заглянул в документы и сказал:

– Мне бы хотелось исключить сотрясение мозга, но в вашем положении я не хочу назначать КТ. Мы оставим вас под наблюдением.

– Почему вы не хотите назначить КТ? – удивилась я.

Врач встал.

– Мы избегаем назначать рентген беременным женщинам, если этого не требует состояние здоровья. Мы будем наблюдать за вашим состоянием, чтобы исключить осложнения, а потом вас отпустим.

Но я уже ничего не слышала.

Ничего.

Кровь запульсировала в моей голове, в моем сердце, в моем желудке. Я вцепилась в край кресла, на котором сидела, и смотрела в пол, пока медики не вышли из комнаты.

Когда за ними закрылась дверь, я осталась сидеть в ледяном молчании. Я видела, что Атлас подошел ближе. Его ноги почти касались моих. Пальцы легко коснулись спины.

– Ты знала?

Я быстро выдохнула, набрала в грудь побольше воздуха и качнула головой. Его руки мгновенно обняли меня, и я заплакала так, как никогда в жизни не плакала. Атлас не отпускал меня все то время, пока я рыдала. Он помогал мне справиться с моей ненавистью.

Я сама сделала это с собой.

Я позволила этому случиться.

Я как моя мать.

– Я хочу уйти, – прошептала я.

Атлас отстранился.

– Они хотят последить за твоим состоянием, Лили. Думаю, тебе следовало бы остаться.

Я подняла на него глаза и покачала головой.

– Мне нужно уйти отсюда. *Пожалуйста.* Я хочу – уйти.

Он кивнул и помог мне надеть обувь. Сбросив с себя куртку, он накинул ее мне на плечи, и мы вышли из больницы никем не замеченные.

По дороге Атлас молчал. Я смотрела в окно, слишком измученная, чтобы плакать. Я была в таком шоке, что не могла говорить. Меня накрыло.

Просто продолжай плыть.

* * *

Атлас жил не в квартире. Он жил в доме в маленьком пригороде Бостона под названием Уэллесли, где все здания были красивыми, вольготно раскинувшимися на участках, ухоженными и дорогими. Прежде чем мы свернули на подъездную дорожку, я гадала, не женился ли Атлас на своей подруге. На *Кэсси*. Я гадала, как она отнесется к тому, что ее муж привез в дом девушку, которую он когда-то любил и которую только что избил ее собственный муж.

Она станет меня жалеть. Гадать, почему я не ушла от мужа и как я позволила себе дойти до такой жизни. Она будет думать о том же, о чем думала я, глядя на собственную мать, оказавшуюся в подобной ситуации. Люди тратят столько времени, гадая, почему женщины не уходят. А где все те люди, которые думают о том, почему мужчины распускают руки? Разве не мужчин следовало бы винить?

Атлас поставил машину в гараж. Второй машины там не было. Я не стала ждать, пока он поможет мне выйти из машины. Я открыла дверцу и вышла сама, а потом пошла следом за Атласом в дом. Он набрал код на охранной системе, а потом зажег свет. Я обвела взглядом кухню, столовую, гостиную. Кругом было дорогое дерево и нержавеющая сталь, а стены кухни были выкрашены в успокаивающий голубовато-зеленый цвет. В цвет океана. Если бы мне не было так больно, я бы улыбнулась. *Атлас продолжал плыть, и вы только посмотрите на него! Он проплыл весь путь до долбанных Карибов.*

Атлас подошел к холодильнику, достал бутылку воды, открутил крышку и протянул ее мне. Я выпила немного воды и смотрела, как он зажигает свет в гостиной, потом в коридоре.

– Ты живешь один? – спросила я.

Он кивнул и вернулся в кухню.

– Ты есть хочешь?

Я покачала головой. Я все равно бы есть не смогла.

– Я провожу тебя в твою комнату, – сказал Атлас. – Там есть душ, если тебе нужно.

Очень нужно. Мне хотелось выполоскать вкус виски из моего рта. Мне хотелось смыть с себя стерильный запах больницы. Мне хотелось стереть последние четыре часа моей жизни.

Я прошла за ним по коридору в свободную спальню, где он включил свет. На голой кровати стояли две коробки, еще больше коробок были составлены у стены. У одной из стен стояло гигантское кресло, обращенное к двери. Атлас подошел к кровати, снял коробки и поставил их к остальным.

– Я въехал сюда всего несколько месяцев назад. И пока у меня не было времени заняться интерьером. – Он подошел к комоду, открыл ящик. – Я постелю тебе постель. – Атлас вытащил подушку и простыни, начал стелить постель, а я ушла в ванную и закрыла дверь.

Я оставалась там в течение получаса. Некоторое время я смотрела на свое отражение в зеркале. Некоторое время я простояла под душем. Остальное время я провела, склонившись над унитазом, потому что я довела себя до тошноты мыслями о нескольких последних часах.

Я завернулась в полотенце и приоткрыла дверь. Атласа в спальне уже не было, но на только что застеленной постели лежала сложенная

одежда: мужские пижамные штаны, которые были мне слишком велики, и футболка, закрывавшая мне колени. Я потуже затянула шнурок на штанах, завязала его и легла в постель. Выключив лампу, я натянула на себя одеяло.

И заплакала, горько, беззвучно.

Глава 25

Я почувствовала запах тостов.

Я потянулась в кровати и улыбнулась, потому что Райл знал, как я люблю тосты.

Мои глаза открылись, и реальность обрушилась на меня с силой лобового столкновения. Я зажмурилась, поняв, где я и почему я здесь оказалась, осознав, что тосты, запах которых я чувствовала, не были частью завтрака, который мой любящий и нежный муж собирался принести мне в постель.

Мне сразу же снова захотелось плакать, поэтому я заставила себя встать с постели. Сосредоточившись на пустоте в своем желудке, я воспользовалась ванной и сказала себе, что смогу поплакать после того, как съем хоть что-нибудь. Мне нужно было поесть до того, как меня снова стошнит.

Когда я вышла из ванной, кресло было развернуто так, чтобы оно смотрело не на дверь, а на кровать. На кресле валялось скомканное одеяло, и я догадалась, что Атлас сидел в нем, пока я спала.

Вероятно, он беспокоился, нет ли у меня сотрясения мозга.

Когда я вошла в кухню, он сновал между холодильником, плитой и рабочим столом. Впервые за двенадцать часов я подумала о том, что не причинило мне боли: я вспомнила, что Атлас шеф-повар. И *хороший*. И он готовил мне завтрак.

Когда я прошла в кухню, Атлас поднял на меня – глаза.

– Доброе утро, – медленно проговорил он. – Надеюсь, ты проголодалась. – Он пододвинул ко мне стакан и кувшин с апельсиновым соком, потом снова повернулся к духовке.

– Проголодалась.

Атлас обернулся на меня через плечо, и по его лицу скользнула тень улыбки. Я налила себе сок и отошла в другой конец кухни, где расположился уголок для завтрака. На столе лежала газета, и я потянула ее к себе. Когда я увидела статью о номинантах на премию

«Лучший бизнес Бостона», у меня сразу задрожали руки, и я уронила газету обратно на стол. Закрыв глаза, я медленно отпила сок.

Через несколько минут Атлас поставил передо мной тарелку и сел напротив за столом. Подвинув к себе свою тарелку, он вонзил вилку в тонкий блинчик.

Я посмотрела в свою тарелку. Три тонких блинчика, политых сиропом и украшенные каплей взбитых сливок. По краю тарелки были разложены ломтики апельсина и клубники.

Это было слишком красиво, чтобы есть, но я так проголодалась, что не думала об этом. Я откусила кусочек и закрыла глаза, стараясь не демонстрировать, что это лучший завтрак в моей жизни.

Наконец я позволила себе признать, что его ресторан заслужил полученную награду. Сколько бы я ни старалась отговорить Алису и Райла от походов туда, это был лучший ресторан из тех, в которых мне приходилось бывать.

– Где ты научился готовить? – спросила я Атласа.

Он отпил глоток кофе.

– В морской пехоте, – ответил он, ставя кружку обратно. – Я обучался немного во время первого контракта, а потом я продлил контракт и стал настоящим шефом. – Он постучал вилкой по краю тарелки. – Тебе нравится?

Я кивнула:

– Восхитительно. Но ты ошибаешься. Ты умел готовить еще до службы в армии.

Он улыбнулся:

– Ты помнишь печенье?

Я снова кивнула:

– Лучшее печенье в моей жизни.

Он откинулся на спинку стула:

– Основам я научился сам. Когда я рос, мать работала во вторую смену, поэтому если я хотел получить ужин, то должен был сам его себе приготовить. Либо так, либо ходи голодный. Поэтому я купил поваренную книгу на дворовой распродаже и за год приготовил все рецепты из нее. А мне было только тринадцать.

Я улыбнулась, потрясенная тем, что могу это сделать.

– Когда в следующий раз тебя спросят, как ты научился готовить, тебе следовало бы рассказать *эту* историю, а не другую.

Атлас покачал головой:

– Ты единственная, кому что-то известно о моей жизни до девятнадцатилетнего возраста. Мне бы хотелось, чтобы так это и оставалось.

Он начал мне рассказывать о том, как был шеф-поваром в армии, как сэкономил столько денег, что смог открыть собственный ресторан. Он начинал с маленького кафе, и дело пошло очень хорошо. Спустя полтора года он открыл «ЛВБ».

– Дела идут хорошо, – скромно сказал Атлас.

Я обвела взглядом кухню, потом посмотрела на него.

– Похоже, дела идут не просто хорошо.

Он пожал плечами и взял еще кусочек блина. Пока мы не доели, я молчала, потому что мои мысли крутились вокруг его ресторана. Его названия. Того, что он сказал в интервью. А потом, разумеется, мысли привели меня к Райлу и ярости в его голосе, когда он выкрикнул мне последнюю строчку интервью.

Судя по всему, Атлас увидел изменение в моем состоянии, но он промолчал и начал убирать со стола.

Когда он снова сел, то на этот раз выбрал стул рядом со мной и успокаивающим жестом накрыл мою руку своей.

– Мне надо пойти поработать несколько часов, – сказал Атлас. – Я не хочу, чтобы ты уходила. Оставайся здесь столько, сколько потребуется, Лили. Только... не возвращайся сегодня домой, пожалуйста.

Я покачала головой, когда услышала тревогу в его голосе.

– Не вернусь. Я останусь здесь, – сказала я. – Обещаю.

– Тебе нужно что-нибудь, пока я не ушел?

Я покачала головой:

– Со мной все будет в порядке.

Атлас встал и взял свою куртку.

– Я постараюсь вернуться как можно быстрее. Приеду после ланча и привезу тебе что-нибудь поесть, о'кей?

Я заставила себя улыбнуться. Он открыл ящик, достал бумагу и ручку, написал что-то и ушел. После его ухода я встала, подошла к столешнице и прочла, что он написал. Это была инструкция, как включить охранную систему. Он написал и номер своего мобильного,

хотя я его помнила наизусть. Он записал и свой рабочий номер, домашний и рабочий адреса.

Внизу была короткая приписка: «Просто продолжай плыть, Лили».

Дорогая Эллен!

Привет, это я, Лили Блум. Вернее... теперь меня зовут Лили Кинкейд.

Знаю, я давно тебе не писала. Очень давно. После всего того, что случилось с Атласом, я просто не могла заставить себя снова открыть дневник. Я даже не могла заставить себя смотреть твое шоу после школы, потому что мне было больно смотреть его одной. На самом деле все мысли о тебе вгоняли меня в депрессию. Когда я думала о тебе, я думала об Атласе. И честно говоря, я не хотела думать об Атласе, поэтому мне пришлось и тебя изгнать из моей жизни.

Прости меня за это. Я уверена, что ты по мне не скучала, как скучала по тебе я, но иногда самые важные вещи в твоей жизни причиняют тебе наибольшую боль. И чтобы справиться с этой болью, необходимо оборвать все нити, которые привязывают тебя к этой боли. Ты была продолжением моей боли, поэтому я тебя и отрезала. Я просто пыталась спасти себя от мучений.

Уверена, что твое шоу, как всегда, великолепно. Я слышала, что ты по-прежнему танцуешь в начале некоторых эпизодов, но я доросла до того, чтобы это оценить. Думаю, это самый явный признак того, что человек стал зрелым: он научился ценить вещи, значимые для других, даже если они не слишком много значат для него самого.

Мне следовало бы, вероятно, рассказать тебе немного о своей жизни. Мой отец умер. Мне уже двадцать четыре. Я окончила колледж, немного поработала в маркетинге, а теперь у меня собственный бизнес. Это цветочный магазин. Цель жизни достигнута!

У меня есть муж, и это не Атлас.

И... я живу в Бостоне.

Знаю. Ты шокирована.

Когда я писала тебе в последний раз, мне было шестнадцать. Мне было очень плохо, и я очень беспокоилась за Атласа. Я больше за

него не волнуюсь, но мне самой очень плохо. Куда хуже, чем тогда, когда я писала тебе в последний раз.

Прости, получается, что мне не хочется писать тебе, когда у меня все хорошо. Получается, ты узнаешь только о моих неприятностях, но ведь для этого и нужны друзья, правда?

Я даже не знаю, с чего начать. Я понимаю, что ты не имеешь никакого представления о моей нынешней жизни с моим мужем, Райлом. У нас есть такое понятие, как «голая правда». Один из нас может попросить открыть голую правду, когда необходимо быть честным до жестокости и сказать то, что мы думаем на самом деле.

Итак... голая правда.

Приготовься.

Я люблю мужчину, который причиняет мне физическую боль. Понятия не имею, как я позволила себе оказаться в такой ситуации.

Пока я росла, я много раз размышляла, что творится в голове у моей матери, которую избивал мой отец. Как она могла любить мужчину, который распускал руки. Мужчину, который постоянно бил ее и постоянно обещал, что больше такое не повторится. И снова бил ее.

Я ненавижу себя за то, что теперь сочувствую ей.

Я просидела на диване в доме Атласа больше четырех часов, борясь со своими чувствами. Я не могу с ними справиться. Не могу понять их. Я не знаю, что с ними делать. И, верная своему прошлому, я поняла, что, возможно, мне нужно просто записать их. Приношу тебе мои извинения, Эллен. Но готовься к словесной рвоте.

Если бы мне пришлось с чем-то сравнивать эти чувства... Я бы сравнила их со смертью. Не со смертью просто другого человека, а со смертью того, единственного. Человека, который ближе тебе, чем кто-либо еще в целом мире. Тот самый, из-за воображаемой смерти которого твои глаза наполняются слезами.

Вот что я чувствую. У меня такое чувство, будто Райл умер.

Это астрономическое количество горя. Огромное количество боли. Это чувство, что я потеряла лучшего друга, любовника, мужа, смысл жизни. Но разница между этим чувством и смертью состоит в том, что есть и другое чувство, которое не обязательно появляется после реальной смерти человека.

Это ненависть.

Я так зла на него, Элен. Словами не передать ту ненависть, которую я испытываю к нему. И каким-то образом сквозь всю эту ненависть пробиваются волны рассуждений. Я начинаю думать что-то вроде: «Но мне не следовало оставлять у себя магнит. Мне с самого начала надо было бы рассказать ему о татуировке. Мне не следовало хранить дневники».

И эти рассуждения тяжелее всего. Они разъедают меня, мало-помалу подтачивают ту силу, которую мне дает ненависть. Эти рассуждения заставляют меня представлять наше совместное будущее и то, что я могу сделать, чтобы не допустить его вспышки ярости. Я больше никогда не предам его. У меня больше никогда не будет от него секретов. Я никогда не дам ему повода так реагировать. Нам просто обоим надо больше работать над нашими отношениями.

В печали и в радости, верно?

Я знаю, что именно об этом думала моя мать. Но разница между нами в том, что у нее было больше поводов для тревог. У нее не было финансовой стабильности, которая есть у меня. У нее не было средств, чтобы уйти и дать мне то, что она считала достойным убежищем. Ей не хотелось забирать меня от отца, поскольку я привыкла жить с обоими родителями. У меня такое чувство, что эти рассуждения не один раз выводили ее из равновесия.

Я даже не могу пока думать о том, что у меня будет ребенок от этого человека, что внутри меня человеческое существо, которое мы создали вместе. И какой бы вариант я ни выбрала – остаться или уйти, – ни один из них я бы не пожелала для моего ребенка. Вырасти в разрушенной семье или в семье, где возможно насилие? Я уже подвела малыша, а я знаю о его или ее существовании всего один день.

Элен, мне бы хотелось, чтобы ты могла написать мне ответ. Мне бы хотелось, чтобы ты сказала мне что-то веселое прямо сейчас, потому что мое сердце нуждается в этом. Никогда еще я не чувствовала себя такой одинокой. Такой сломленной. Такой злой. Такой уязвимой.

Люди вне подобных ситуаций часто гадают, почему женщина возвращается к тому, кто ее бьет. Однажды я где-то читала, что 85 процентов женщин возвращаются к мужьям, которые их бьют или

издеваются над ними. Это было еще до того, как я поняла, что я одна из них. Тогда, услышав статистику, я подумала, что женщины поступают так, потому что они глупые. Я думала, что это потому, что они слабые. И о собственной матери я так думала не один раз.

Но иногда женщины возвращаются потому, что они любят. Я люблю своего мужа, Эллен. Я столько всего в нем люблю. Мне бы хотелось, чтобы уничтожить мои чувства к человеку, который причинил мне боль, было так же легко, как я раньше об этом думала. Не дать своему сердцу простить того, кого ты любишь, куда труднее, чем просто простить кого-то.

Теперь я часть статистики. И я знаю, что обо мне могут подумать люди.

«Как она может любить его после того, что он с ней сделал? Как она может думать о том, чтобы принять его обратно?»

Печально, что именно эти мысли приходят нам в голову, когда кто-то терпит побои. Разве не следовало бы нам осуждать тех, кто бьет, а не тех, кто продолжает любить бьющих?

Я думаю обо всех тех женщинах, которые оказались в подобной ситуации до меня, и обо всех тех, кто окажется в ней после меня. Неужели мы все повторяем мысленно одни и те же слова после того, как нас избил тот, кто нас любит? «Отныне и навсегда, в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит нас».

Возможно, эти слова не были рассчитаны на то, чтобы некоторые супруги воспринимали их буквально.

В радости, в горе?

К черту.

Это.

Дерьмо.

– Лили

Глава 26

Я лежала в гостевой кровати Атласа и смотрела в потолок. Обычная кровать. На самом деле, по-настоящему комфортная. Но у меня было такое ощущение, как будто я лежу на водяном матрасе. Или на плоту, дрейфующем в море. И я поднималась на эти гигантские

волны, и каждая из них несла что-то свое. Были волны печали. Были волны гнева. Были волны слез и волны сна.

Время от времени я клала руки на живот, и появлялись крошечные волны любви. Я не понимала, как могу уже так сильно любить что-то, но я любила. Я думала о том, мальчик это или девочка и как я назову малыша. Я гадала, будет ребенок похож на меня или на Райла. И тут меня накрывала новая волна гнева, обрушиваясь на крошечную волну любви.

Я чувствовала, что у меня украли радость матери, которую ей следовало бы испытывать, когда она беременна. Я чувствовала, что Райл забрал это у меня накануне вечером, и это было еще одним поводом его ненавидеть.

Ненависть изматывала.

Я заставила себя встать с постели и пойти в душ. Я провела в комнате бо2льшую часть дня. Атлас вернулся домой несколькими часами раньше, и я слышала, как он открыл дверь в комнату, чтобы проверить, как я. Но я сделала вид, что сплю.

Мне было неловко находиться в его доме. Именно из-за Атласа Райл рассердился на меня накануне вечером, и все же именно к нему я обратилась за помощью. Пребывание в его доме наполняло меня чувством вины. И даже каплей стыда, как будто мой звонок Атласу давал основания для гнева Райла. Но идти мне было буквально некуда. Мне требовалось день-два, чтобы все обдумать. Но если бы я поехала в гостиницу, Райл смог бы проследить за моими расходами по кредитной карте и найти меня.

Он бы нашел меня у моей матери. У Алисы. У Люси. Он даже пару раз встречался с Девином, поэтому, скорее всего, поехал бы и к нему.

Но выследить меня у Атласа Райл пока не мог. *Пока.* Я была уверена, что если не стану отвечать на его звонки и сообщения в течение недели, он все же разыщет меня. А пока я была уверена, что здесь он не появится.

Возможно, именно поэтому я оставалась у Атласа. Я чувствовала себя в большей безопасности, чем в любом другом доступном для меня месте. И на крайний случай у Атласа была охранная система.

Я посмотрела на прикроватный столик, на котором лежал мой телефон. Я прокрутила все сообщения от Райла и открыла сообщение

от Алисы.

Алиса: Привет, тетя Лили! Сегодня вечером меня отпустят домой. Приходи навестить нас завтра, когда вернешься домой с работы.

Она прислала свое фото с Райли, и я улыбнулась. Потом заплакала. К чертям эти эмоции.

Я дождалась, чтобы мои глаза высохли, и только потом вышла в гостиную. Атлас сидел у кухонного стола с ноутбуком и работал. Посмотрев на меня, он улыбнулся и закрыл его.

– Привет.

Я натянуто улыбнулась, потом оглядела кухню.

– У тебя найдется что-нибудь поесть?

Атлас быстро встал.

– Ага, садись. Я сейчас приготовлю.

Я села на диван, пока он суетился в кухне. Телевизор работал, но без звука. Я включила звук и переключила на проигрыватель. У него были записаны несколько шоу, но мое внимание привлекло «Шоу Эллен Дедженерес». Я улыбнулась, нашла одно из последних шоу, которые я не видела, и нажала на «Пуск».

Атлас принес мне тарелку пасты и стакан воды со льдом. Бросив взгляд на экран, он уселся рядом со мной на диван.

Следующие три часа мы смотрели недельный «запас» выпусков. Шесть раз я смеялась в голос. Мне было хорошо, но когда я вышла в ванную, а потом вернулась обратно в гостиную, на меня снова обрушилась тяжесть всего произошедшего.

Я села на диван рядом с Атласом. Он откинулся на спинку, положив ноги на кофейный столик. Я привычно прислонилась к нему, он притянул меня себе на грудь, и мы просто сидели в молчании. Его большой палец гладил мое плечо, и я понимала, что он дает мне понять, что готов слушать, что ему меня жаль. И в первый раз после того, как он забрал меня из квартиры, я почувствовала, что хочу об этом поговорить. Моя голова лежала у него на плече, пальцы теребили шнурок на брюках, которые были мне слишком велики.

– Атлас? – Мой голос был лишь чуть громче шепота. – Прости, что я так рассердилась на тебя тогда в ресторане. Ты был прав. В глубине души я знала, что ты прав, но не хотела в это верить. – Я подняла голову и посмотрела на него с жалкой улыбкой. – Теперь ты можешь мне сказать: *«Я же тебе говорил»*.

Брови Атласа сошлись на переносице, как будто мои слова причинили ему боль.

– Лили, это не то, в чем бы мне хотелось оказаться правым. Я каждый день молился, чтобы я в нем – ошибся.

Я поморщилась: мне не следовало этого ему говорить. Я знала Атласа слишком хорошо, чтобы считать его способным на нечто подобное «*я же тебе говорил*».

Он сжал мое плечо, нагнулся и поцеловал меня в макушку. Я закрыла глаза, впитывая его знакомую близость. Его запах, его прикосновение, комфорт его объятий. Я никогда не понимала, как человек может быть одновременно крепким, как скала, и при этом успокаивающим. Но Атлас всегда был для меня таким. Как будто он мог выдержать все, но при этом чувствовал ту тяжесть, которую нес другой человек.

Мне не понравилось, что я так до конца и не смогла забыть его, как бы сильно я ни старалась. Я подумала о нашей стычке с Райлом из-за номера телефона Атласа. О ссоре из-за магнита, из-за статьи, о том, что он прочел в моем дневнике, о моей татуировке. Ничего бы не случилось, если бы я забыла об Атласе и выбросила все это. Так я бы ничем не огорчила Райла.

После этой мысли я закрыла лицо руками, огорченная тем, что я попыталась переложить вину за реакцию Райла на себя же, потому что я не забыла Атласа.

Этому не может быть никаких оправданий. Никаких.

Это была просто еще одна волна, которую меня заставили оседлать. Волна абсолютного и наивысшего смятения.

Атлас почувствовал перемену в моем настроении.

– Ты в порядке?

Нет, я не была в порядке.

Я не была в порядке, потому что до этого момента я не осознавала, как мне было больно оттого, что Атлас так за мной и не вернулся. Если бы он вернулся за мной, как обещал, я бы даже не познакомилась с Райлом. И я бы никогда *не* оказалась в такой ситуации.

Так. Я была совершенно сбита с толку. Неужели я попыталась обвинить Атласа во всем этом?

– Думаю, мне пора идти спать, – негромко сказала я, отстраняясь от Атласа. Я встала, и Атлас тоже встал.

– Завтра меня почти не будет дома, – предупредил он. – Ты будешь здесь, когда я вернусь?

Я дернулась от его вопроса. Разумеется, он хотел, чтобы я собрала мое дерьмо и нашла другое место для ночлега. Что я до сих пор делала в его доме?

– Нет-нет. Я смогу остановиться в отеле, все в порядке. – Я повернулась, чтобы уйти, но его рука легла мне на плечо.

– Лили! – Атлас развернул меня к себе. – Я не просил тебя уйти. Я просто хотел убедиться, что ты будешь здесь к моему возвращению. Я хочу, чтобы ты оставалась столько, сколько тебе нужно.

Его взгляд был искренним, и если бы я не сочла это несколько неподходящим, я бы крепко обняла его. Потому что я не была готова уйти. Еще несколько дней до того, как мне придется решать, каким будет мой следующий шаг.

Я кивнула:

– Завтра мне нужно ненадолго съездить на работу. Но если ты действительно не возражаешь, я бы хотела остаться у тебя еще на несколько дней.

– Я не возражаю, Лили. Я буду только рад.

Я выдавила из себя улыбку и направилась в гостевую спальню. По крайней мере, Атлас предоставил мне буфер на то время, пока меня не вынудят разбираться с моими обстоятельствами.

И хотя в этот момент его присутствие в моей жизни меня смущало, никогда еще я не была так ему благодарна.

Глава 27

Дрожащей рукой я коснулась дверной ручки. Никогда раньше мне не было страшно входить в собственный магазин, но я никогда и не была так взвинчена.

Когда я вошла, в помещении было темно, поэтому я включила свет и затаила дыхание. Я медленно прошла в свой кабинет и осторожно толкнула дверь.

Райла нигде не было, и все же он был всюду.

Усевшись за письменный стол, я включила телефон в первый раз после того, как накануне вечером легла спать. Мне хотелось выспаться,

не беспокоясь о том, пытается ли Райл со мной связаться или нет.

Экран засветился, у меня было двадцать девять неотвеченных сообщений от Райла. По странной случайности именно в такое количество дверей постучался Райл в прошлом году, прежде чем найти мою квартиру.

Я не знала, плакать мне или смеяться от такой – иронии.

Остаток дня я нервно оглядывалась через плечо и каждый раз смотрела на открывающуюся дверь. Неужели Райл разрушил меня? И избавлюсь ли я когда-нибудь от страха перед ним?

Половина дня прошла без единого звонка от него, я занималась бумажной работой. Алиса позвонила после ланча, и по ее голосу я поняла, что она понятия не имела о нашей с Райлом ссоре. Я дала ей возможность поговорить о ребенке, а потом сделала вид, что пришел посетитель и повесила трубку.

Я планировала уйти после того, как Люси вернется с обеденного перерыва. У нее оставалось еще полчаса.

Три минуты спустя в магазин вошел Райл.

Я была в магазине одна.

Увидев его, я заледенела. Я стояла за прилавком, рука лежала на кассе, потому что рядом был степлер. Я догадывалась, что степлер едва ли сильно повредит рукам нейрохирурга, но я собиралась воспользоваться тем, что оказалось под рукой.

Райл медленно подошел к прилавку. Я видела его в первый раз после того, как он лежал на мне в нашей кровати в тот вечер. Мое тело мгновенно вспомнило тот момент, и меня поглотили те же эмоции, что и тогда. На меня нахлынули страх и гнев, стоило ему подойти к прилавку.

Он поднял руку и положил на прилавок связку ключей. Мой взгляд упал на них.

– Сегодня вечером я улетаю в Англию, – сказал он. – Меня не будет три месяца. Я оплатил все счета, чтобы тебе не пришлось ни о чем беспокоиться в мое отсутствие.

Райл говорил сдержанно, но я видела, как у него на шее вздулись вены, и понимала, что он едва держит себя в руках.

– Тебе требуется время. – Райл с трудом сглотнул. – И я хочу отдать это тебе. – Он с гримасой подтолкнул ко мне ключи от квартиры. – Возвращайся домой, Лили. Меня там не будет, обещаю.

Он развернулся и направился к выходу. Мне вдруг пришло в голову, что он даже не попытался извиниться. Я не сердилась на него за это. Я это понимала. Райл знал, что извинениями не изменить того, что произошло. Он понимал, что лучше всего для нас сейчас будет расстаться.

Райл знал, что совершил огромную ошибку... И все же мне захотелось вонзить нож поглубже.

– Райл!

Он оглянулся, и мне показалось, что он поставил между нами щит. Он стоял вполоборота и напряженно ждал, что я собираюсь сказать. Он знал, что мои слова причинят ему боль.

– Знаешь, что самое худшее в случившемся? – спросила я.

Райл промолчал и просто смотрел на меня, ожидая моего ответа.

– Когда ты нашел мой дневник, тебе нужно было всего лишь попросить меня сказать голую правду. Я была бы честна с тобой. Но ты этого не сделал. Ты предпочел не просить меня о помощи, а теперь нам обоим придется страдать от последствий твоих действий до конца наших дней.

Его лицо искажалось при каждом моем слове.

– Лили! – Он повернулся ко мне лицом.

Я подняла руку, чтобы не дать ему продолжить.

– Не надо. Теперь ты можешь уйти. Веселись там в Англии.

Я видела, что внутри Райла шла борьба. Он знал, что в этот момент ему до меня не достучаться, как бы сильно ему ни хотелось молить меня о прощении. Он понимал, что ему остается только развернуться и уйти, хотя этого ему хотелось меньше всего на свете.

Когда Райл все-таки заставил себя выйти из магазина, я подбежала к двери и заперла ее. Опустившись на пол, я обхватила руками колени и уткнулась в них лицом. Меня трясло. Я чувствовала, как стучат мои зубы.

Я не могла поверить, что частичка этого мужчины росла внутри меня. И я не могла поверить, что однажды мне придется ему в этом признаться.

Глава 28

После того как Райл оставил мне ключи, я подумала, не вернуться ли мне в нашу новую квартиру. Я даже вызвала такси, чтобы доехать

до дома, но не смогла заставить себя выйти из машины. Я понимала, что, вернувшись, я рано или поздно встречу с Алисой. Я не была готова объяснять ей появление швов у меня на лбу. Я не была готова увидеть кухню, в которой слова Райла пронзили меня насквозь. Я не была готова войти в спальню, где меня полностью разрушили.

Поэтому вместо того, чтобы вернуться в собственное жилище, я поехала на такси в дом Атласа. В тот момент он казался мне единственной безопасной зоной. Пока я там прячусь, мне не придется ни с чем сталкиваться.

За это время Атлас прислал мне уже два сообщения, проверяя, как я. Поэтому, когда я получила сообщение за несколько минут до семи часов, я решила, что это от него. Но сообщение было от Алисы.

Алиса: Ты уже вернулась домой с работы? Поднимись к нам, навести нас, а то я уже заскучала.

Когда я прочла это, у меня упало сердце. Она понятия не имела о том, что произошло между мной и Райлом. Я гадала, сказал ли он ей о том, что улетает в Англию. Я напечатала сообщение, потом стерла, потом опять напечатала, пытаюсь придумать удачный предлог, почему я еще не дома.

Я: Не могу. Я в отделении неотложной помощи. Ударилась головой о ту полку на складе. Накладывают швы.

Мне было крайне неприятно лгать ей, но это спасало меня от необходимости объяснять появление швов на моем лбу и то, почему я все еще не дома.

Алиса: О нет! Ты одна? Маршалл может приехать и посидеть с тобой, раз Райл уехал.

О'кей, она знала, что Райл отправился в Англию. Это было хорошо. И она считала, что у нас все отлично. И это тоже было хорошо. Это означало, что у меня было еще три месяца до того, как мне придется сказать ей правду.

Вы только посмотрите на меня, заматаю дерьмо под ковер, как делала это моя мать.

Я: Не надо, я в порядке. Со мной уже закончат, пока Маршалл сюда доберется. Я зайду завтра после работы. Поцелуй от меня Райли.

Я заблокировала экран на телефоне и положила его на кровать. За окнами было уже темно, поэтому я сразу увидела свет фар, когда кто-то остановился на подъездной дорожке. Я мгновенно поняла, что это

не Атлас, потому что он пользовался подъездной дорожкой сбоку от дома и ставил машину в гараж. У меня бешено застучало сердце, мне стало страшно. Неужели Райл? Неужели он выяснил, где живет Атлас?

Спустя несколько мгновений в дверь громко постучали, вернее, забарабанили, одновременно нажимая на звонок.

Я на цыпочках подошла к окну и чуть отодвинула занавеску, чтобы выглянуть на улицу. Я не видела, кто стоял у двери, но на подъездной дорожке появился грузовик. У Райла не было такой машины.

Может быть, это приехала подружка Атласа? Кэсси?

Я схватила телефон и прошла по коридору в гостиную. В дверь по-прежнему барабанили, заливался дверной звонок. Кто бы ни стоял за дверью, он явно был очень нетерпеливым. Если это была Кэсси, то она уже вызывала у меня крайнее раздражение.

– Атлас! – раздался мужской голос. – Открывай эту чертову дверь!

Другой голос, тоже мужской, заорал:

– У меня яйца замерзли! Они сморщились, как изюм, парень, открой дверь!

Прежде чем открыть им дверь и сообщить, что Атласа нет дома, я написала ему сообщение, надеясь, что он вот-вот подъедет к дому и сам во всем разберется.

Я: Где ты? У твоей входной двери два парня, и я не знаю, стоит ли мне их впустить.

Я подождала немного под грохот ударов в дверь и вопли звонка, но Атлас мне не ответил. Я все-таки подошла к двери, оставила цепочку и приоткрыла дверь на несколько дюймов.

Один из парней был высоким, около шести футов ростом, не меньше. Несмотря на свежее молодое лицо, в его черных волосах была проседь. Другой мужчина был ниже на несколько дюймов, с детским лицом и песочно-коричневыми волосами. На вид им обоим было под тридцать или чуть за тридцать. На лице высокого появилось смущенное выражение.

– Ты кто? – спросил он, заглядывая в дверь.

– Лили. А вы кто?

Коротышка встал впереди высокого и спросил:

– Атлас здесь?

Мне не хотелось говорить им, что его нет дома, потому что тогда они бы поняли, что я одна. На этой неделе я не слишком доверяла мужскому населению.

Зазвонил телефон в моей руке, и мы все трое вздрогнули от неожиданности. Это был Атлас. Я нажала на «Ответить» и поднесла телефон к уху.

– Алло?

– Все в порядке, Лили, это всего лишь мои друзья. Я забыл, что сегодня пятница, а мы всегда по пятницам играем в покер. Я им сейчас позвоню и скажу, чтобы они ушли.

Я посмотрела на парней. Они просто стояли и смотрели на меня. Мне стало неприятно, что Атлас чувствует себя обязанным отменить свои планы только потому, что я оказалась в его доме. Я закрыла дверь, сняла цепочку и снова открыла ее, знаком приглашая их войти.

– Все в порядке, Атлас. Тебе не нужно отменять свои планы. Я все равно собиралась ложиться спать.

– Нет, я уже еду. Я их выпровожу.

Я все еще прижимала телефон к уху, когда мужчины вошли в гостиную.

– Увидимся, – сказала я Атласу и закончила разговор. Следующие несколько минут прошли в неловком молчании, потому что парни разглядывали меня, а я разглядывала их.

– Как вас зовут?

– Я Дэрин, – ответил высокий.

– Брэд, – представился коротышка.

– Лили, – я назвала свое имя еще раз. – Атлас скоро будет здесь. – Я направилась к двери, чтобы закрыть ее, и они как будто немного расслабились. Дэрин прошел в кухню и сунул нос в холодильник Атласа.

Брэд снял куртку и повесил на вешалку.

– Лили, ты умеешь играть в покер? – спросил он.

Я пожала плечами:

– Я когда-то играла с друзьями в колледже, но это было несколько лет назад.

Парни прошли в столовую и подошли к столу.

– Что случилось с твоей головой? – поинтересовался Дэрин, усаживаясь. Он спросил об этом так небрежно, как будто ему даже в

голову не приходило, что тема может быть для меня болезненной.

Не знаю, почему я вдруг испытала потребность сказать ему голую правду. Возможно, мне просто хотелось посмотреть, как они отреагируют на то, что это сделал со мной муж.

– Случился мой муж. Два дня назад мы поссорились, и он ударил меня. Атлас отвез меня в отделение скорой помощи. Там мне наложили шесть швов и сообщили, что я беременна. Теперь я скрываюсь здесь, пока не пойму, что делать дальше.

Бедняга Дэрин застыл на полпути к стулу, на который он садился. Он не знал, как на такое реагировать. По выражению его лица я догадалась, что он считает меня сумасшедшей.

Брэд выдвинул стул и сел.

– Тебе надо купить «*Rodan + Fields*». Роллер с ампулой творит чудеса, шрама не останется.

Я мгновенно рассмеялась над его быстрым ответом. Почему-то было смешно.

– Боже, Брэд! – Дэрин наконец ожил и все-таки сел на стул. – Ты хуже, чем твоя жена с этими дерьмовыми прямыми продажами. Ты как будто ходячая реклама.

Тот поднял руки, как будто сдавался.

– Что такого? – с невинным выражением спросил он. – Я не пытаюсь ничего продать. Я говорил правду. Эта штука работает. Ты бы и сам это знал, если бы воспользовался этим средством для твоего чертова акне.

– Отвали, – буркнул Дэрин.

– Такое впечатление, будто ты пытаешься навсегда остаться подростком, – пробормотал Брэд. – Акне – это совсем не круто, когда тебе тридцатник.

Он сел рядом с Дэрином, и тот начал тасовать колоду карт.

– Садись, Лили. Один из наших друзей повел себя как идиот и женился на прошлой неделе, и теперь его жена больше не разрешает ему играть с нами в покер по пятницам. Ты будешь его заместителем, пока он не разведется.

Я собиралась спрятаться в моей комнате, но от этих двоих не так просто было уйти. Я села рядом с Брэдом и потянулась через стол.

– Дай-ка мне колоду, – обратилась я к Дэрину. Он тасовал карты как одорукий младенец.

Дэрин поднял бровь и толкнул колоду через стол. Я не сильна в карточных играх, но тасую карты как профессионал.

Я разделила карты на две кучки, положила их бок о бок, прижала большие пальцы к краям и принялась пролистывать обе части так, чтобы карты красиво ложились одна на другую. Дэрин и Брэд уставились на колоду, и тут раздался стук в дверь. На этот раз дверь сразу распахнулась, и вошел мужчина, одетый в очень дорогой твидовый пиджак. Вокруг шеи у него был шарф, и он сразу начал его разматывать, как только захлопнул за собой дверь. Идя к нам, он мотнул головой в мою сторону.

– Ты кто?

Он был старше Дэрина и Брэда, на вид ему было за сорок.

Определенно, у Атласа был очень интересный состав друзей.

– Это Лили, – ответил за меня Брэд. – Она замужем за одним придурком и только что узнала, что беременна ребенком от этого идиота. Лили, это Джимми, он напыщенный и высокомерный.

– Напыщенный и высокомерный – это одно и то же, болван, – парировал Джимми. Он сел на стул рядом с Дэрином и кивнул на колоду в моих руках. – Атлас посадил тебя здесь, чтобы нас обжулить? Какой среднестатистический человек умеет так тасовать карты?

Я улыбнулась и начала раздавать.

– Думаю, нам надо сыграть партию, чтобы это выяснить.

* * *

Мы только что сделали ставки по третьему кругу, когда наконец появился Атлас. Он закрыл входную дверь и оглядел нас. Брэд сказал что-то забавное как раз перед его появлением, поэтому я весело смеялась, когда Атлас встретился со мной взглядом. Он кивком указал на кухню и направился туда.

– Пас, – сказала я, положила карты на стол и встала, чтобы пойти за Атласом. Когда я пришла в кухню, он стоял там, где его не могли видеть парни, сидевшие за столом. Я подошла к нему и оперлась на рабочий стол.

– Хочешь, чтобы я попросил их уйти?

Я покачала головой.

– Нет, не делай этого. Мне по-настоящему нравится играть. Это меня отвлекает.

Он кивнул, и я не смогла не заметить, что от него пахнет душистыми травами. Особенно розмарином. И мне захотелось увидеть его за работой в ресторане.

– Ты голодна? – спросил Атлас.

Я покачала головой:

– Не слишком. Пару часов назад я доела остатки пасты.

Я взялась обеими руками за столешницу. Атлас шагнул ко мне и накрыл мою руку своей, проведя по ней большим пальцем. Я знала, что это всего лишь успокаивающий жест, но когда он коснулся меня, я почувствовала нечто большее в этом прикосновении. У меня потеплело в груди, и я сразу посмотрела на наши руки. Палец Атласа замер на секунду, как будто он тоже это почувствовал. Он убрал руку и отступил назад.

– Прости, – бормотнул он и отвернулся к холодильнику, делая вид, будто что-то ищет. Атлас явно пытался избавиться от неловкости из-за того, что только что произошло.

Я вернулась к столу, взяла свои карты и продолжила игру. Через пару минут Атлас сел рядом со мной. Джимми всем раздал карты.

– Итак, Атлас, как ты познакомился с Лили?

Он брал свои карты по одной.

– Лили спасла мне жизнь, когда мы были детьми, – буднично ответил он. Атлас посмотрел на меня и подмигнул, а на меня нахлынуло чувство вины из-за того, как на меня подействовало это подмигивание. Особенно в такое время. *Почему мое сердце делало это со мной?*

– Как это мило, – сказал Брэд. – Лили спасла твою жизнь, теперь ты спасаешь ее.

Атлас опустил карты и свирепо зыркнул на Брэда.

– Прошу прощения?

– Расслабься, – успокоил его Брэд. – Мы с Лили подружились, она знает, что я шучу. – Он посмотрел на меня. – Сейчас твоя жизнь может быть полным дерьмом, но все наладится. Поверь мне, я это по себе знаю.

Дэрин рассмеялся:

– Ты был избитым и беременным и прятался в доме другого мужчины? – спросил он Брэда.

Атлас шлепнул картами о стол и откинулся на спинку стула.

– Что с тобой, черт подери? – крикнул он Дэрину.

Я протянула руку и успокаивающим жестом сжала локоть Атласа.

– Расслабься, – сказала я. – Мы подружились, пока ждали тебя. Я совершенно не против, что ребята смеются над моей ситуацией. От этого она становится не такой невыносимой.

Атлас с досадой провел рукой по волосам и покачал головой.

– Я совершенно сбит с толку, – признался он. – Ты была с ними наедине всего десять минут.

Я рассмеялась:

– За десять минут можно многое узнать о людях. – Я постаралась сменить тему. – Как вы все познакомились?

Дэрин подался вперед и ткнул в себя пальцем.

– Я су-шеф в «ЛВБ». – Он ткнул пальцем в Брэда. – Он посудомойка.

– Пока, – вмешался Брэд. – Я делаю карьеру.

– А что насчет тебя? – обратилась я к Джимми.

Он фыркнул и ответил:

– Угадай.

Судя по тому, как он одевался, и по тому, что его называли напыщенным и высокомерным, я рискнула предположить:

– Метрдотель?

Атлас рассмеялся:

– На самом деле Джимми паркует машины.

Я посмотрела на Джимми и подняла бровь. Он бросил три покерные фишки на стол и подтвердил:

– Это правда. Я паркую машины за чаевые.

– Не позволяй ему тебя одурачить, – вмешался Атлас. – Он паркует машины только потому, что он богат и ему скучно.

Я улыбнулась. Это напомнило мне Алису.

– У меня есть такая же служащая. Работает только потому, что ей скучно. На самом деле она лучшая из моих работниц.

– Проклятый стрит, – пробормотал Джимми.

Я посмотрела в свои карты, когда пришла моя очередь, и бросила три покерные фишки. Зазвонил телефон Атласа, и он вытащил его из кармана. Я повысила ставку еще одной фишкой, когда Атлас извинился и вышел из-за стола, чтобы ответить на звонок.

– Пас, – объявил Брэд и положил карты на стол.

Я смотрела в сторону коридора, в котором только что торопливо скрылся Атлас. Я подумала, не говорит ли он с Кэсси, или в его жизни есть еще кто-нибудь. Я знала, чем он зарабатывает на жизнь. Я знала, что у него есть по крайней мере три друга. Но о его любовной жизни я ничего не знала.

Дэрин положил карты на стол. Четыре одной масти. Я выложила мой стрит-флеш и потянулась за всеми покерными фишками под стон Дэрина.

– А что, Кэсси не приходит по вечерам в покерную пятницу? – спросила я, пытаюсь выудить больше информации об Атласе. Об этом я боялась сама у него спрашивать.

– Кэсси? – переспросил Брэд.

Я сложила выигрыш перед собой и кивнула:

– Разве не так зовут его подружку?

Дэрин рассмеялся:

– У Атласа нет подружки. Я знаю его два года, и он никогда не упоминал никого по имени Кэсси. – Он начал снова раздавать карты, а я пыталась переварить информацию, которую он мне только что сообщил. Я взяла первые две карты, когда Атлас вернулся в комнату.

– Эй, Атлас, – обратился к нему Джимми. – Кто такая Кэсси, черт подери, и как это вышло, что мы никогда о ней от тебя не слышали?

Ах ты, черт.

Я похолодела, крепче вцепилась в карты и постаралась не смотреть на Атласа, но в комнате повисла такая тишина, что было бы куда хуже, если бы я *не* посмотрела на него.

Он уставился на Джимми. Джимми уставился на него. Брэд и Дэрин уставились на меня.

Атлас на мгновение сжал губы, потом сказал:

– Нет никакой Кэсси. – Он встретился со мной взглядом лишь на долю секунды. Но этого хватило, чтобы я увидела то, что было написано у него на лице.

Никогда не было *никакой* Кэсси.

Он солгал мне.

Атлас откашлялся:

– Послушайте, ребята. Мне следовало бы отменить сегодняшнюю игру. Эта неделя выдалась... – Он потер рукой лицо, и Джимми тут же встал.

Он сжал плечо Атласа и сказал:

– На следующей неделе у меня дома.

Атлас благодарно кивнул. Мужчины начали собирать карты и покерные фишки. Брэд с извиняющимся видом вытащил карты из моих пальцев, потому что я крепко вцепилась в них и не могла пошевелиться.

– Приятно было познакомиться с тобой, Лили, – сказал Брэд. Каким-то чудом мне удалось найти силы, чтобы улыбнуться ему и встать. Я обняла их всех на прощание. Когда дверь за ними закрылась, в комнате остались только мы с Атласом.

И никакой Кэсси.

В этой комнате Кэсси никогда не бывала, потому что никакой Кэсси не существовало.

Какого черта?

Атлас так и стоял на прежнем месте у стола. Я тоже не двинулась с места. Он стоял ровно, скрестив руки на груди. Его голова была чуть опущена, но он сверлил меня взглядом через стол.

Почему он мне солгал?

Мы с Райлом еще не были официальной парой, когда я впервые наткнулась на Атласа в ресторане. Черт, если бы в тот вечер Атлас дал мне хотя бы один шанс поверить, что между нами могло что-то быть, я точно знаю, что предпочла бы его, а не Райла. В тот момент я едва знала Райла.

Но Атлас ничего не сказал. Он солгал мне, сказал, что в отношениях уже целый год. Почему? Зачем ему было мне это говорить, если он не хотел дать мне понять, что у меня с ним нет шансов?

Возможно, я ошибалась все это время. Возможно, Атлас никогда не любил меня, и он знал, что, придумав эту Кэсси, он наверняка отпугнет меня.

Но я все равно появилась в его жизни. Ночевала в его доме. Общалась с его друзьями. Ела его еду. Пользовалась его душем.

Я почувствовала, как от слез защипало глаза, и меньше всего на свете мне хотелось стоять перед ним и плакать. Я обошла стол и бросилась мимо него. Далеко убежать мне не удалось, потому что Атлас схватил меня за руку.

– Подожди.

Я остановилась, по-прежнему глядя в другую сторону.

– Поговори со мной, Лили.

Он стоял позади меня, его рука держала мою руку. Я вырвала ее и прошла в другую часть гостиной.

Там я развернулась и посмотрела на него как раз в тот момент, когда первая слеза скатилась по моей щеке.

– Почему ты так и не вернулся за мной?

Атлас выглядел так, будто был готов услышать от меня что угодно, только не эти слова. Он провел рукой по волосам, подошел к дивану и сел. С силой выдохнув, чтобы успокоиться, он осторожно посмотрел на меня.

– Я вернулся, Лили.

Я затаила дыхание, не позволяя воздуху ни войти в мои легкие, ни выйти из них.

Я стояла неподвижно, осознавая его ответ.

Он вернулся за мной?

Атлас сложил руки перед собой.

– Когда закончился мой первый контракт в морской пехоте, я вернулся в Мэн, надеясь найти тебя. Я поспрашивал людей и выяснил, в какой колледж ты поступила. Я не был уверен, что меня ждет, когда появился там, потому что к этому моменту мы были двумя разными людьми. Прошло четыре года после нашей последней встречи. Я понимал, что за эти четыре года мы оба сильно изменились.

Я почувствовала слабость в коленях, поэтому подошла к креслу рядом с Атласом и опустилась в него. *Он приезжал за мной?*

– Я весь день ходил по кампусу, высматривая тебя. Наконец, ближе к вечеру, я тебя увидел. Ты сидела во дворе со своими друзьями. Я долго смотрел на тебя, пытаюсь набраться смелости и подойти. Ты смеялась. Ты выглядела счастливой. Ты была такой живой, какой я тебя никогда раньше не видел. Я никогда не испытывал такого счастья за другого человека, как то, которое я испытал, глядя на тебя в тот день. Мне достаточно было просто знать, что ты в порядке...

Он на мгновение замолчал. Я стиснула руки на животе, потому что мне было больно. Больно от того, что я была так близко к нему и даже не подозревала об этом.

– Я направился было к тебе, когда рядом с тобой появился парень. Он бросился перед тобой на колени, ты улыбнулась и обняла его. А

потом поцеловала.

Я закрыла глаза. Это был парень, с которым я встречалась всего шесть месяцев. К нему я не чувствовала даже сотой доли того, что чувствовала к Атласу.

Он с силой выдохнул.

– После этого я ушел. Когда я увидел, что ты счастлива, это было одновременно худшее и лучшее чувство, которое может испытать человек. Но в тот момент я считал, что моя жизнь все еще недостаточно хороша для тебя. Мне нечего было предложить тебе, кроме любви, а, с моей точки зрения, ты заслуживала большего. На другой день я подписал новый контракт. И вот теперь... – Атлас лениво махнул рукой в воздухе, как будто в его жизни не было ничего впечатляющего.

Я уткнулась лицом в ладони. Я молча оплакивала то, что могло быть. Что было. Чего не было. Мои пальцы коснулись сердца над моей ключицей. Я задумалась о том, смогу ли я когда-нибудь заполнить эту трещину в нем.

И я задумалась о том, испытывал ли Атлас то, что чувствовала я, когда сделала эту татуировку. Как будто из сердца выпустили весь воздух.

Я все еще не понимала, почему он солгал мне тогда, в ресторане. Если он действительно чувствовал ко мне то же, что чувствовала к нему я, зачем он все это придумал?

– Зачем ты солгал насчет твоей подружки?

Атлас провел рукой по лицу, и я увидела сожаление на его лице еще до того, как он заговорил.

– Я сказал это потому... Ты выглядела такой счастливой в тот вечер. Когда я увидел, как ты прощаешься с ним, мне стало чертовски больно, но в то же время я испытал облегчение. Ведь тебе было по-настоящему хорошо. Мне не хотелось, чтобы ты тревожилась за меня. И я не знаю... Возможно, я приревновал. Не знаю, Лили. Я сразу пожалел о том, что солгал тебе.

Я прикрыла рот рукой. Мысли помчались с такой же сумасшедшей скоростью, с какой билось мое сердце. Я мгновенно начала перебирать все эти «что, если». *Что, если бы он был честен со мной? Сказал бы о своих чувствах? Где бы мы сейчас были?*

Мне хотелось спросить, почему он так поступил. Почему не стал бороться за меня. Но мне незачем было спрашивать его, потому что я уже знала ответ. Атлас думал, что дает мне желаемое, потому что он всегда хотел для меня только счастья. И по какой-то дурацкой причине он никогда не чувствовал, что я могу быть счастлива с ним.

Заботливый Атлас.

Чем больше я думала о нем, тем труднее мне становилось дышать. Я думала об Атласе. О Райле. Об этом вечере. О вечере два дня назад. Это было чересчур.

Я встала и ушла в гостевую спальню. Там я взяла телефон, схватила сумку и вернулась в гостиную. Атлас не двинулся с места.

– Райл сегодня улетел в Англию, – сказала я. – Думаю, мне следует вернуться домой. Ты сможешь отвезти меня?

В его глазах появилась печаль, и когда это случилось, я поняла, что, уходя, поступаю правильно. Никто из нас двоих не завершил отношения. И я не уверена, что мы когда-нибудь сделаем это. Я начинала думать, что завершение отношений – это миф. Если бы я осталась у Атласа, пока я все еще разбиралась с тем, что творилось в моей жизни, я бы сделала себе только хуже. Мне нужно было убрать из своей жизни все, что сбивало меня с толку. И в тот момент мои чувства к Атласу сбивали меня с толку больше всего остального.

Он на мгновение крепко сжал губы, потом кивнул и взял ключи.

* * *

По дороге к моему дому мы оба молчали. Атлас не просто высадил меня у подъезда. Он поставил машину на парковку и вышел.

– Мне будет спокойнее, если я провожу тебя наверх, – сказал он.

Я кивнула, и в абсолютном молчании мы поднялись в лифте на седьмой этаж. Атлас прошел со мной до моей квартиры. Я порылась в сумке в поисках ключей и даже не понимала, как у меня дрожат руки, пока даже с третьей попытки все-таки не сумела открыть дверь. Атлас спокойно взял у меня ключи, я отошла в сторону, и он открыл передо мной дверь.

– Хочешь, чтобы я проверил, нет ли кого в квартире? – спросил он.

Я кивнула. Я знала, что Райла там нет, потому что он улетел в Англию, но мне, честно говоря, все еще было страшно войти в

квартиру одной.

Атлас переступил через порог первым и включил свет. Он двинулся вперед, включая везде свет и заглядывая в каждую комнату. Вернувшись обратно в гостиную, он сунул руки глубоко в карманы, глубоко вздохнул и сказал:

– Я не знаю, что будет дальше, Лили.

Это было неправдой. Атлас знал. Он просто не хотел, чтобы это случилось, потому что мы оба знали, как больно прощаться друг с другом.

Я отвернулась, потому что мне невыносимо было видеть выражение его лица. Я сложила руки на груди и устала в пол.

– Мне надо со многим разобраться, Атлас. И я боюсь, что не смогу этого сделать, если ты будешь в моей жизни. – Я подняла на него глаза. – Надеюсь, тебя это не обидит, потому что это комплимент.

Он молча смотрел на меня какое-то время, совершенно не удивленный моими словами. Но я видела, что он многое хочет мне сказать. Мне бы тоже хотелось многое сказать ему, но мы оба понимали, что это неподходящий момент, чтобы говорить о нас. Я была замужем. Я ждала ребенка от другого мужчины. И Атлас стоял в гостиной квартиры, которую купил мне тот самый другой мужчина. Я бы сказала, что это неподходящие условия, чтобы говорить друг другу то, что нам следовало сказать давным-давно.

Атлас на мгновение опустил глаза, как будто пытался решить, уйти или заговорить. Я видела, как сжались его челюсти перед тем, как он встретился со мной взглядом.

– Если я тебе понадоблюсь, я хочу, чтобы ты мне позвонила, – сказал он. – Но только в случае крайней необходимости. Я не в силах быть в роли временного человека в твоей жизни, Лили.

Его слова застали меня врасплох, но только на мгновение. Пусть я не ожидала, что Атлас признается в этом, но он был совершенно прав. С того дня, когда мы впервые встретились, в наших отношениях не было ничего временного. Для нас существовало либо все, либо ничего. Именно поэтому он просил меня не ждать его, когда уходил в армию. Он знал, что непринужденная дружба для нас невозможна. Это было бы слишком больно.

Судя по всему, ничего не изменилось.

– Прощай, Атлас.

Эти слова разорвали мое сердце с той же силой, как в тот раз, когда мне пришлось их сказать впервые. Он поморщился, развернулся и пошел к двери так, словно его что-то сдерживало. Когда за Атласом закрылась дверь, я подошла и заперла ее, а потом прижалась к ней головой.

Двумя днями раньше я спрашивала себя, может ли моя жизнь быть лучше. И вот я уже задавалась вопросом: может ли она стать еще хуже.

Я отскочила от двери, когда в нее внезапно постучали. Прошло десять секунд после ухода Атласа, поэтому это мог быть только он. Я отперла дверь, открыла, и неожиданно меня прижали к чему-то мягкому. Атлас крепко, отчаянно обнял меня, и его губы прижались к моему виску.

Я крепко зажмурилась и наконец дала волю слезам. Я выплакала столько слез по Райлу за прошедшие два дня, что даже не подозревала, что у меня оставались слезы для Атласа. Но слезы остались, потому что они дождем стекали по моим щекам.

– Лили, – прошептал он, все еще крепко обнимая меня, – я знаю, что меньше всего на свете тебе сейчас нужно услышать это. Но я должен это сказать, потому что слишком много раз я уходил, не говоря того, что на самом деле хотел сказать.

Атлас отстранился от меня, чтобы посмотреть на меня, и, увидев мои слезы, коснулся ладонями моих щек.

– В будущем... если каким-то чудом ты будешь в состоянии снова влюбиться... влюбись в меня. – Он прижался губами к моему лбу. – Ты все еще самый дорогой для меня человек, Лили. И всегда им будешь.

Атлас отпустил меня и ушел, не ожидая ответа.

Снова закрыв дверь, я опустилась на пол. Мое сердце вело себя так, словно готово было сдаться. Я его не винила. В течение двух дней оно страдало от двух разных болей.

И у меня было такое чувство, что пройдет много времени, прежде чем одна или другая сердечная боль начнет исчезать.

Глава 29

Алиса рухнула на диван рядом со мной и Райли.

– Я так по тебе скучаю, Лили, – призналась она. – Я подумываю о том, чтобы снова начать работать день-два в неделю.

Я рассмеялась, немного шокированная ее словами.

– Я живу в одном подъезде с тобой и прихожу в гости едва ли не каждый день. Как ты можешь по мне скучать?

Она надула губы и поджала под себя ноги.

– Ладно, я скучаю не по тебе. Я скучаю по работе. А порой мне просто хочется выйти из дома.

С рождения Райли прошло шесть недель, поэтому я не сомневалась, что ей разрешат выйти на работу. Но я честно не понимала, как она может хотеть вернуться в магазин, когда у нее есть Райли. Я нагнулась и чмокнула малышку в нос.

– Будешь приносить Райли с собой?

Алиса покачала головой:

– Нет, ты слишком меня нагружаешь. Маршалл сможет присмотреть за ней, пока я работаю.

– Ты хочешь сказать, что у тебя нет для этого *людей*?

Маршалл как раз проходил через гостиную и услышал мои слова.

– Тсс, Лили. Не говори, как богатая девушка, в присутствии моей дочери. Это богохульство.

Я рассмеялась. Поэтому я и приходила к ним несколько раз в неделю. Это было единственное место, где я смеялась. Прошло шесть недель со дня отъезда Райла в Англию, и никто так и не узнал, что произошло между нами. Он никому ничего не сказал, я тоже молчала. Все, включая мою мать, считали, что он просто отправился учиться в Кембридж и между нами ничего не изменилось.

И я все еще никому не сказала о беременности.

Я дважды побывала у врача. Оказалось, что срок составлял уже двенадцать недель к тому моменту, когда я узнала, что беременна. То есть теперь мой срок составлял уже восемнадцать недель, а я все еще пыталась понять, как это произошло. С восемнадцати лет я принимала противозачаточные. Судя по всему, моя забывчивость сыграла со мной злую шутку.

Живот был уже заметен, но на улице было холодно, поэтому мне было легко его прятать. Никто ни о чем не догадается, если на тебе мешковатый свитер и куртка.

Я понимала, что мне скоро придется кому-то рассказать о беременности, но у меня было такое чувство, что первым эту новость должен узнать Райл. А мне не хотелось это делать по телефону. Он

должен был вернуться через шесть недель. Если бы мне удалось скрывать мое положение до этого момента, я бы сумела принять решение, что делать потом.

Я посмотрела на Райли, и она улыбнулась мне. Я корчила рожицы, чтобы она больше улыбалась. Мне столько раз хотелось рассказать Алисе о моей беременности, но тогда бы ей пришлось скрывать правду от собственного брата. Мне не хотелось ставить ее в такое положение, как бы мне ни было тяжело от того, что я не могу поговорить с ней об этом.

– Как ты держишься без Райла? – спросила Алиса. – Ты готова к его возвращению домой?

Я кивнула, но ничего не сказала. Я всегда старалась перевести разговор на другую тему, как только Алиса заговаривала о Райле.

Она откинулась на спинку дивана и поинтересовалась:

– Ему по-прежнему нравится в Кембридже?

– Да, – ответила я и показала Райли язык. Она улыбнулась. Интересно, будет ли мой ребенок похож на нее. Я на это надеялась. Она очень миленькая. Но я не могла быть объективна.

– Райл наконец разобрался в их системе метро? – Алиса засмеялась. – Клянусь, каждый раз, когда я с ним разговариваю, оказывается, что он опять где-то заблудился. Он никак не может понять, ехать по линии А или по линии Б.

– С этим он разобрался, – ответила я.

Алиса выпрямилась на диване.

– Маршалл!

Он вошел в гостиную, и Алиса взяла Райли у меня из рук, передала дочку Маршаллу и попросила:

– Поменяй ей подгузник, пожалуйста.

Я не поняла, зачем она его об этом просит, ведь я только что это сделала.

Маршалл сморщил нос и взял Райли на руки.

– Ты моя дочка-вонючка?

Ползунки малышки были точной копией домашнего комбинезона ее отца.

Алиса схватила меня за руку и сорвала с дивана с такой скоростью, что я взвизгнула.

– Куда мы идем?

Она мне не ответила, широкими шагами промаршировала до спальни и захлопнула дверь, как только мы обе оказались внутри. Алиса принялась мерить шагами комнату, потом остановилась и повернулась ко мне.

– Лили, тебе лучше немедленно рассказать мне, что, черт подери, происходит!

Я в шоке попятилась. *О чем она говорит?*

Мои руки мгновенно прикрыли живот, так как я подумала, что она заметила. Но Алиса на мой живот не смотрела. Она сделала несколько шагов вперед и ткнула пальцем в мою грудь.

– В английском Кембридже нет никакого метро, идиотка!

– Что? – Я была совершенно сбита с толку.

– Я это выдумала! – рявкнула она. – С тобой давно творится что-то неладное. Ты моя лучшая подруга, Лили. И я знаю моего брата. Мы с ним разговариваем каждую неделю, и он сам не свой. Между вами что-то произошло, и я хочу немедленно знать, в чем дело!

Черт. Я знала, что рано или поздно это случится.

Я прижала кулак к губам, не зная, что ей сказать. И до какой степени быть откровенной. До этой минуты я понятия не имела, насколько мне было тяжело из-за того, что я не могла поговорить с ней об этом. Мне стало намного легче, когда я поняла, что Алиса так хорошо понимает меня.

Я подошла к кровати и села.

– Алиса, – прошептала я, – сядь.

Я понимала, что это причинит ей почти такую же боль, какую испытывала я. Она подошла к кровати и села рядом со мной, взяв мои руки в свои.

– Я даже не знаю, с чего начать.

Она сжала мои пальцы, но промолчала. Следующие пятнадцать минут я рассказывала ей обо всем, что произошло. Я рассказала ей о ссоре. Я рассказала о том, как Атлас забрал меня. Я рассказала о больнице. Я рассказала ей о моей беременности.

Я рассказала ей о том, как последние шесть недель я каждый вечер засыпаю в слезах, потому что никогда в жизни я не чувствовала себя такой одинокой и такой испуганной.

Когда я закончила свой рассказ, мы обе плакали. Алиса лишь время от времени реагировала на мои слова сдавленным «ох, Лили».

Да ей и не надо было отвечать мне. Райл был ее братом. Я знала, что она хочет, чтобы я принимала во внимание его прошлое. Хочет, чтобы я наладила с ним отношения, потому что он был ее братом. Предполагалось, что мы должны быть одной большой счастливой семьей. Я точно знала, о чем она думала.

Алиса долго молчала, обдумывая все то, что я ей рассказала. Наконец она подняла на меня глаза и сжала мои руки.

– Мой брат *любит* тебя, Лили. Он так сильно тебя любит. Ты изменила всю его жизнь и сделала его таким, каким я и не надеялась, что он станет. Как его сестре, мне больше всего на свете хочется, чтобы ты нашла в себе силы простить его. Но как твоя лучшая подруга, я должна тебе сказать, что если ты примешь его обратно, я больше никогда не заговорю с тобой.

Мне потребовалось время, чтобы осознать ее слова, но поняв их, я разрыдалась.

И *она* тоже.

Алиса обняла меня, и мы вместе оплакивали ту любовь, которую мы испытывали к Райлу. Мы плакали, потому что в ту минуту мы его ненавидели.

Мы проплакали какое-то время, сидя на кровати Алисы, потом она отпустила меня, встала, подошла к комоду и вытащила коробку бумажных носовых платков.

Мы обе вытирали глаза и шмыгали носами, когда я сказала:

– Ты моя лучшая подруга, такой у меня никогда не было.

Она кивнула:

– Я знаю. А теперь я буду самой лучшей тетей. – Алиса вытерла нос и снова шмыгнула им, но она уже улыбалась. – Лили, у тебя будет *малыш*. – Она сказала это с восторгом, и я впервые смогла разделить радость от моей беременности. – Мне неприятно это говорить, но я заметила, что ты прибавила в весе. Но я думала, что ты в депрессии и слишком много ешь после отъезда Райла.

Она прошла внутрь стенного шкафа и начала доставать для меня вещи.

– У меня осталось столько одежды для беременных, и я отдам ее тебе.

Мы принялись разбирать вещи. Потом Алиса достала чемодан, открыла его и начала швырять туда одежду, пока она не начала из него

вываливаться.

– Я бы никогда это не надела, – сказала я ей, показывая рубашку с торговым ярлыком. – Вещи все дизайнерские. Я их испачкаю.

Алиса рассмеялась и отправила рубашку в чемодан.

– Они мне больше не понадобятся. Если я снова забеременею, я просто скажу моим людям, чтобы они купили мне новые. – Она сняла с вешалки еще одну рубашку и протянула ее мне. – Держи, примерь вот это.

Я сняла свою рубашку и натянула через голову рубашку для беременных. Потом я посмотрела на себя в зеркало.

Я выглядела... беременной. Типа «ты-этого-уже-не-спрячешь» – вот такой беременной.

Алиса положила руку на мой живот и посмотрела в зеркало вместе со мной.

– Ты уже знаешь, мальчик или девочка?

Я покачала головой:

– На самом деле я не хочу этого знать.

– Надеюсь, что это девочка, – сказала Алиса. – Наши дочери смогут стать лучшими подругами.

– Лили?

Мы обе обернулись и увидели Маршалла, стоявшего на пороге. Он смотрел на мой живот. На руку Алисы, лежавшую на моем животе. Маршалл склонил голову к плечу и указал на меня пальцем.

– Ты... – Он смутился. – Лили, это же... Ты понимаешь, что ты беременна?

Алиса спокойно подошла к двери и положила руку на ручку.

– Есть кое-какие вещи, которые ты ни в коем случае не должен повторять, если хочешь, чтобы я осталась твоей женой. И это одна из таких вещей. Ты меня – понял?

Маршалл поднял бровь и отступил назад.

– Да. Ладно. Я понял. Лили не беременна. – Он поцеловал жену в лоб и снова посмотрел на меня. – Я не буду поздравлять тебя, Лили. Тебя совершенно не с чем поздравлять. – Алиса вытолкала его за дверь и закрыла ее, потом повернулась ко мне.

– Нам надо спланировать праздник в честь будущего рождения ребенка, – сказала она.

– Нет. Сначала мне нужно рассказать Райлу.

Алиса отмахнулась от меня.

– Чтобы планировать праздник, он нам не нужен. Это пока будет только между тобой и мной.

Она взяла свой ноутбук, и впервые с той минуты, когда я узнала, что беременна, я почувствовала себя счастливой из-за этого.

Глава 30

Было очень удобно, что мне достаточно было сесть в лифт, чтобы вернуться домой от Алисы, хотя временами мне отчаянно хотелось уехать из моей квартиры. Мне все еще было странно жить в ней. До нашей ссоры и отъезда Райла в Англию мы прожили в ней всего неделю. У меня не было шанса почувствовать себя дома, а после того злополучного вечера ее очарование потускнело. Я даже не могла больше спать в нашей спальне, поэтому ночевала в гостевой спальне на моей старой кровати.

Алиса и Маршалл все еще оставались единственными, кто знал о моей беременности. Прошло всего две недели после того, как я им сказала, и срок у меня уже был двадцать недель. Я понимала, что мне следовало бы сказать матери. Но Райл возвращался через несколько недель. И, по моим ощущениям, мне следовало рассказать ему первому, а потом уже всем остальным. Мне оставалось только каким-то образом прятать от матери мой живот до возвращения Райла в Штаты.

Мне, вероятно, просто следовало бы смириться с тем, что придется позвонить ему и сообщить новость по телефону. С матерью я не виделась около двух недель. Это был самый долгий период с момента ее переезда в Бостон, так что если мы не встретимся в ближайшее время, то она появится у меня на пороге, когда я не буду к этому готова.

Я могла бы поклясться, что мой живот вырос вдвое только за последние две недели. Если бы меня увидел тот, кто хорошо меня знал, скрыть беременность было бы уже невозможно. В цветочном магазине пока никто ни о чем не спрашивал. Я думала, что мои служащие пока еще гадают, беременна ли я или просто поправилась.

Я начала открывать дверь, но она неожиданно открылась с другой стороны. Прежде чем я успела натянуть куртку, чтобы спрятать живот, в меня уперся взгляд Райла. Я была в одной из рубашек для

беременных, которые мне отдала Алиса, поэтому тот факт, что я ношу специальную одежду, скрыть было невозможно, тем более что он смотрел прямо на нее.

Райл.

Райл вернулся.

Мое сердце начало биться о грудную клетку. Шея у меня зачесалась, поэтому я положила на нее руку и оставила там, чувствуя под ладонью бешеное биение своего сердца.

Оно гулко стучало, потому что я боялась Райла.

Оно гулко стучало, потому что я ненавидела его.

Оно гулко стучало, потому что я скучала по нему.

Его глаза медленно переползли с моего живота на мое лицо. Лицо Райла исказилось от боли, как будто я только что вонзила ему в сердце нож. Он сделал шаг назад и зажал руками рот.

Он непонимающе замотал головой. По его лицу я видела, что он чувствовал себя преданным, когда с трудом выдавил из себя мое имя.

– *Лили?*

Я застыла, прикрывая одной рукой живот оберегающим жестом. Другая рука была все еще прижата к моей груди. Мне было слишком страшно, чтобы пошевелиться или что-то сказать. Мне не хотелось действовать, пока я не пойму точно, как отреагирует *он*.

Когда Райл увидел в моих глазах страх, заметил, что я едва дышу, он успокаивающе поднял руку ладонью ко мне.

– Я не собираюсь причинить тебе боль, Лили. Я здесь только для того, чтобы поговорить с тобой. – Он шире распахнул дверь и указал на гостиную. – Смотри. – Он отошел в сторону, и я увидела того, кто стоял у него за спиной.

Теперь я почувствовала себя преданной.

– Маршалл?

Тот мгновенно поднял руки, прося пощады.

– Я понятия не имел, что он возвращается домой раньше времени, Лили. Райл прислал мне сообщение и попросил о помощи. Он особенно просил меня ничего не говорить тебе или Иссе. Пожалуйста, не позволяй ей разводиться со мной, я всего лишь невинный свидетель.

Я покачала головой, пытаюсь разобраться в ситуации.

– Я попросил Маршалла спуститься сюда, чтобы тебе было более комфортно разговаривать со мной, – объяснил Райл. – Он здесь ради тебя, а не ради меня.

Я посмотрела на Маршалла, и он кивнул. Это вселило в меня достаточно уверенности, чтобы войти в квартиру. Райл все еще пребывал в шоке, что было понятно. Его глаза постоянно останавливались на моем животе, а потом он отводил взгляд, как будто ему было больно на меня смотреть. Райл провел по волосам обеими руками, потом указал на коридор и обратился к Маршаллу:

– Мы будем в спальне. Если ты услышишь, что я... Если я начну кричать...

Маршалл знал, о чем его просил Райл.

– Я никуда не уйду.

Идя за Райлом в нашу спальню, я гадала, на что это похоже, когда ты понятия не имеешь, как ты отреагируешь и что выведет тебя из равновесия. Каково это, не иметь абсолютно никакого контроля над собственными эмоциями.

На краткий момент я почувствовала капельку жалости к нему. Но потом мой взгляд упал на нашу кровать, я вспомнила ту ночь, и моя жалость испарилась.

Райл толкнул дверь, но до конца ее не закрыл. Он выглядел так, будто постарел на целый год за два месяца, прошедших с тех пор, как я его видела. Появились мешки под глазами, между бровями залегла складка, плечи поникли. Если бы сожаления приняли человеческий облик, они бы выглядели в точности как Райл.

Его взгляд снова упал на мой живот, и он медленно отступил назад. Потом еще. Он вел себя осторожно, как и следовало бы. Райл робко протянул руку, спрашивая разрешения дотронуться до меня. Я кивнула.

Райл шагнул вперед и положил ладонь на мой живот.

Я почувствовала тепло его руки через рубашку, и мои глаза закрылись. Несмотря на отвращение к нему, которое я вырастила в своем сердце, это не означало, что я больше ничего к нему не испытывала. Если человек причинил вам боль, то это не значит, что вы можете просто перестать его любить. Больнее всего не от действий человека. Все дело в любви. Если действия никак не связаны с любовью, то боль переносить намного легче.

Его рука на моем животе шевельнулась, и я открыла глаза. Райл покачал головой, как будто он никак не мог осознать, что происходит. Я смотрела, как он медленно опустился на колени передо мной.

Райл обхватил меня руками за талию и прижался губами к моему животу. Его пальцы переплелись на моей пояснице, и он прижался ко мне лбом.

Трудно было описать, какие чувства я испытывала по отношению к нему в ту минуту. Любая мать захотела бы этого для своего ребенка. Прекрасно было видеть, что отец уже любил его. Было трудно ни с кем не разделить эту радость. Было трудно не разделить ее с *ним*, какую бы обиду я против него ни затаила. Пока Райл прижимался ко мне, мои пальцы скользнули в его волосы. Одна моя часть хотела накричать на него и вызвать полицию, как мне следовало сделать в ту ночь. А другая часть жалела того маленького мальчика, который держал на коленях своего брата и смотрел, как тот умирал. Я хотела никогда больше не встречаться с ним, но я и хотела простить его.

Райл снял руки с моей талии и оперся на матрас кровати. Он встал, потом сел на кровать, оперся локтями о колени, прижал руки к губам.

Я села рядом с ним, понимая, что нам придется поговорить, но я не хотела этого.

– Голую правду?

Он кивнул.

Я не знала, кто из нас должен был начать. Мне особенно нечего было ему сказать, поэтому я ждала, когда Райл заговорит первым.

– Я даже не знаю, с чего начать, Лили. – Он провел рукой по лицу.

– Может быть, тебе стоило бы начать со слов «Прости, что я ударил тебя».

Райл встретился со мной взглядом, в его глазах появилась уверенность.

– Лили, если бы ты только знала. Я так сожалею об этом. Ты понятия не имеешь, через что я прошел в эти прошедшие два месяца, зная, что я с тобой сделал.

Я стиснула зубы. Я почувствовала, как мои пальцы скомкали одеяло рядом со мной.

Я понятия не имела, через что прошел *он*?

Я медленно покачала головой:

– Это *ты* понятия не имеешь, Райл.

Я встала, гнев и ненависть выплеснулись из меня. Я развернулась и ткнула в него пальцем:

– Это *ты* понятия не имеешь! Ты понятия не имеешь, каково это пройти через то, через что ты заставил меня пройти! Бояться за свою жизнь в руках мужчины, которого ты любишь? Испытывать

физическую тошноту при одной только мысли о том, что он с тобой сделал? *Ты* понятия не имеешь, Райл. Никакого понятия! Иди к черту! Иди к черту за то, что ты со мной сделал!

Я сделала глубокий вдох, шокированная собственным поведением. Гнев накрыл меня как волна. Я смахнула слезы и отвернулась, не в силах смотреть на него.

– Лили, – сказал он, – я не...

– Нет! – крикнула я, снова поворачиваясь к нему. – Я еще не закончила! Ты не сможешь сказать твою правду, пока я не скажу свою!

Райл схватил себя рукой за лицо, как будто выжимая из него стресс. Он опустил глаза, ему нестерпимо было видеть гнев в моих глазах. Я сделала три шага к нему, опустилась на колени, коснулась руками его ног, заставляя смотреть мне в глаза, пока я говорила с ним.

– Да, я сохранила магнит, который Атлас подарил мне, когда мы были детьми. Да, я сохранила дневники. Нет, я не сказала тебе о моей татуировке. Да, вероятно, мне следовало это сделать. И да, я все еще люблю его. И я буду любить его до самой смерти, потому что он – это огромная часть моей жизни. И да, я уверена, что это причиняет тебе боль. Но ничто из этого не давало тебе права сделать со мной то, что ты сделал. Даже если бы ты вошел в спальню и застал нас с ним в постели, ты все равно не имел бы права поднять на меня руку, ты, чертов сукин сын!

Я оттолкнулась от его колен и снова встала.

– *Теперь* твоя очередь! – выкрикнула я.

Я мерила шагами комнату. Мое сердце билось так, словно просилось наружу. Мне бы хотелось выпустить его. Я бы выпустила его на свободу, если бы могла.

Прошло несколько минут, я продолжала ходить по спальне. Молчание Райла и мой гнев в конце концов слились в боль.

Слезы утомили меня. Я так устала горевать. Я рухнула на кровать и заплакала в подушку. Я так сильно прижималась лицом к подушке, что едва могла дышать.

Я почувствовала, как Райл лег рядом со мной, нежно коснулся рукой моего затылка, пытаюсь облегчить боль, которую причинял мне. Глаза мои были закрыты, я все еще прижималась к подушке, но почувствовала, как он осторожно прижался головой к моей голове.

– Моя правда в том, что мне абсолютно нечего сказать. – Он говорил негромко. – Я никогда не смогу изменить то, что я сделал тебе. И ты никогда не поверишь мне, если я скажу, что это больше никогда не повторится. – Райл поцеловал меня в голову. – Ты мой мир, Лили. *Мой мир*. Когда я проснулся на этой кровати в ту ночь, а ты ушла, я понял, что никогда не смогу тебя вернуть. Я пришел сюда, чтобы сказать, как бесконечно сожалею об этом. Я пришел тебе сказать, что принял предложение о работе из Миннесоты. Пришел попрощаться с тобой. Но, Лили... – Его губы снова прижались к моей голове, и он с шумом выдохнул. – Лили, теперь я не могу этого сделать. В тебе растет часть меня. И я уже люблю этого малыша больше, чем любил хоть что-то в моей жизни. – Его голос дрогнул, и он крепче вцепился в меня. – Пожалуйста, не отбирай это у меня, Лили. *Пожалуйста*.

Боль в его голосе волной прошла по моему телу, и когда я подняла залитое слезами лицо, он в отчаянии прижался губами к моим губам, а потом отстранился.

– Пожалуйста, Лили. Я люблю тебя. *Помоги* мне.

Его губы снова коротко коснулись моих. Когда я не оттолкнула его, его губы вернулись в третий раз.

И в четвертый.

Когда его губы коснулись моих в пятый раз, они уже не отрывались от меня.

Райл обнял меня и прижал к себе. Мое тело устало и ослабело, но оно помнило его. Оно помнило, как его тело может успокоить. И в его теле была нежность, которую мое тело жаждало уже два месяца.

– Я люблю тебя, – прошептал Райл. Его язык мягко коснулся моего языка, и это было так неправильно, так хорошо и так болезненно. Прежде чем я успела это осознать, я уже лежала на спине, и он заползал на меня. Его прикосновение было тем, в чем я нуждалась, и одновременно тем, в чем мне не следовало нуждаться.

Его рука взялась за прядь моих волос, и я мгновенно перенеслась в тот страшный вечер.

Я снова была в кухне, его рука тянула меня за волосы так, что мне было больно.

Райл убрал волосы с моего лица, и я мгновенно перенеслась в тот страшный вечер.

Я стояла на пороге, а его рука скользила по моему плечу как раз перед тем, как он укусил меня со всей силой.

Его лоб нежно коснулся моего лба, и я мгновенно перенеслась в тот страшный вечер.

Я лежала на этой самой кровати, когда он ударил меня головой с такой силой, что мне наложили шесть швов.

Мое тело перестало отвечать ему. Во мне снова поднимался гнев. Его губы прекратили двигаться на моих губах, когда он почувствовал, что я застыла.

Потом Райл отстранился и посмотрел на меня. Мне даже не пришлось ничего говорить. Наши взгляды встретились, и глаза сказали больше голой правды, чем любые слова. Мои глаза сказали ему, что я больше не могу выносить его прикосновения. Его глаза сказали мне, что он уже понял это.

Райл начал медленно кивать.

Он сполз с меня к изножью кровати и повернулся ко мне спиной. Он все еще кивал, пока медленно поднимался, четко осознавая, что в этот вечер ему не получить моего прощения. Райл направился к двери.

– Подожди, – попросила я.

Он полуобернулся и посмотрел на меня с порога.

Я подняла подбородок, в моих глазах было окончательное решение.

– Я бы хотела, чтобы этот ребенок не был твоим, Райл. Всем моим существом я бы хотела, чтобы этот ребенок не был частью тебя.

Если я думала, что его мир не мог разрушиться еще больше, то я ошибалась.

Райл вышел из спальни, а я опять прижалась лицом к подушке. Я хотела причинить ему такую же боль, какую он причинил мне. Мне казалось, что тогда я бы почувствовала себя отомщенной.

Этого не произошло.

Вместо этого я почувствовала себя мстительной и мелочной.

Я почувствовала себя так, как будто я была моим – отцом.

Глава 31

Мама: Я скучаю по тебе. Когда мы увидимся?

Я уставилась на сообщение. Прошло два дня после того, как Райл обнаружил, что я беременна. Я поняла, что пришло время рассказать

маме. Я не волновалась из-за того, что скажу ей о беременности. Меня пугала только необходимость обсуждать с ней нашу с Райлом ситуацию.

Я: Я тоже соскучилась по тебе. Приеду завтра днем. Можешь приготовить лазанью?

Как только я отправила сообщение маме, я тут же получила другое сообщение.

Алиса: Приходи к нам сегодня на ужин. У нас домашняя пицца.

Я не была у нее уже несколько дней. С того момента, как Райл вернулся. Я не знала наверняка, где он остановился, но предполагала, что у них с Маршаллом. Меньше всего на свете мне хотелось оказаться с ним в одной квартире.

Я: Кто еще будет?

Алиса: Лили... Я бы никогда так с тобой не поступила. Он работает до 8 утра завтрашнего дня. Мы будем только вдвоем.

Она все понимала. Я написала Алисе, что приду сразу, как только закончу с работой.

* * *

– Что малыши едят в таком возрасте?

Мы все сидели за столом. Когда я приехала, Райли уже спала, но я разбудила ее, чтобы подержать на руках. Алиса не возражала. Она сказала, что девочка вполне может пока погулять, иначе она не уснет в положенное время.

– Грудное молоко, – ответил Маршалл с полным ртом. – Но иногда я окунаю палец в содовую и даю ей попробовать.

– Маршалл! – воскликнула Алиса. – Надеюсь, что ты шутишь!

– Шучу, конечно, – с готовностью согласился он, хотя я не могла сказать, действительно ли он пошутил.

– А когда они начинают есть детскую еду? – спросила я, понимая, что мне нужно о многом узнать, прежде чем родить ребенка.

– Примерно месяца в четыре, – сказала Алиса и зевнула. Она отложила вилку, откинулась на спинку стула и начала тереть глаза.

– Если хочешь, я могу забрать ее на ночь к себе, чтобы вы, ребята, могли как следует выспаться ночью.

– Нет, все в порядке, – произнесла Алиса одновременно с Маршаллом, сказавшим: – Это было бы замечательно.

Я рассмеялась:

– В самом деле, я живу в этом же подъезде. Завтра я не работаю, поэтому даже если я не буду спать ночью, я отосплюсь днем.

У Алисы был такой вид, как будто она обдумывала мои слова.

– Я могла бы оставить включенным мой мобильный на тот случай, если я тебе понадобится.

Я посмотрела на Райли и улыбнулась:

– Ты это слышала? Сегодня ты ночуешь у тети Лили!

* * *

Если судить по тому, какую сумку Алиса собрала для Райли, то все выглядело так, будто я собираюсь отправиться с Райли на другой конец страны.

– Она даст тебе знать, когда проголодается. Не подогревай молоко в микроволновке, просто поставь его в...

– Я знаю, – прервала я Алису. – С момента ее рождения я приготовила для нее не менее пятидесяти бутылочек.

Алиса кивнула и направилась к своей кровати, бросив сумку рядом со мной. Маршалл в гостиной кормил Райли перед уходом, поэтому Алиса легла рядом со мной на кровать, пока мы ждали. Она подперла голову рукой.

– Ты знаешь, что это значит? – спросила она.

– Нет. Что?

– У меня сегодня будет секс. Впервые за четыре месяца.

Я сморщила нос:

– Мне незачем было знать об этом.

Алиса рассмеялась и откинулась на подушку, но потом резко села.

– Черт, – сказала она. – Мне, вероятно, следовало бы побрить ноги. Думаю, я и этого не делала уже четыре месяца.

Я рассмеялась, потом ахнула. Мои руки метнулись к моему животу.

– О боже, я только что почувствовала его!

– Правда? – Алиса положила руки на мой живот, и мы обе притихли на следующие пять минут, ожидая, когда малыш толкнется снова. Он толкнулся, но так тихо, что это было почти незаметно. Я снова рассмеялась, когда это случилось снова.

– Я ничего не почувствовала. – Алиса надула губы. – Думаю, пройдет еще несколько недель, пока толчки будут чувствоваться снаружи. Ты первый раз почувствовала, как он шевелится?

– Ага. Я уже начала бояться, что выращиваю самого ленивого ребенка в истории. – Я не убирала руки с живота, надеясь почувствовать его снова. Мы посидели в тишине еще несколько минут, и я не смогла отделаться от мысли, что хотела бы, чтобы мои обстоятельства были другими. Райлу следовало бы быть рядом. Ему, а не Алисе, следовало бы сидеть рядом со мной и держать руку на моем животе.

Эта мысль едва не убила всю ту радость, которую я чувствовала. Алиса, должно быть, заметила это, потому что она сжала мою руку. Когда я посмотрела на нее, она уже не улыбалась.

– Лили, мне бы хотелось сказать тебе кое-что.

О боже, мне не понравился ее тон.

– Что именно?

Она вздохнула, потом выдавила из себя мрачную улыбку.

– Я знаю, тебе грустно из-за того, что ты собираешься пройти через это без моего брата. Не имеет значения, какое участие он будет принимать, я просто хочу, чтобы ты знала: это будет лучший опыт в твоей жизни. Ты будешь замечательной мамой, Лили. Этому ребенку *по-настоящему* повезло.

Я была рада тому, что только Алиса была рядом со мной в эту минуту, потому что от ее слов я смеялась, плакала и сморкалась, словно подросток с разбушевавшимися гормонами. Я обняла ее и поблагодарила. Удивительно, но ее слова вернули мне радость, которую я чувствовала.

Алиса улыбнулась и сказала:

– А теперь иди за моей малышкой и уноси ее отсюда, чтобы я наконец смогла заняться сексом с моим отвратительно богатым мужем.

Я встала с кровати:

– Ты умеешь вовремя пошутить. Я бы сказала, что это твое сильное место.

Она снова улыбнулась:

– Для этого я здесь. А теперь уходи.

Глава 32

Из всех секретов, которые я хранила последние несколько месяцев, больше всего меня печалило то, что я ничего не говорила матери. Я не знала, как она все это воспримет. Я знала, что она будет рада моей беременности, но я не представляла, как она отнесется к тому, что мы с Райлом расстались. Моя мама любила Райла. И на основании собственного опыта в подобных ситуациях она, наверное, сочтет, что простить Райла очень легко, и попытается убедить меня принять его обратно. И, честно говоря, из предстоящего разговора меня пугало именно это, потому что я боялась, что ей удастся меня уговорить.

Большинство дней я была сильной. Большинство дней я так злилась на него, что мысль о том, чтобы его простить, казалась смехотворной. Но порой мне так его не хватало, что я не могла дышать. Я скучала по тому, как нам было весело вместе. Я скучала по тому, как мы занимались любовью. Я скучала по тому, как я раньше скучала без него. Райл всегда так много работал, что когда он появлялся вечером на пороге, я бежала через комнату и прыгала к нему на руки, потому что я отчаянно без него скучала. Я скучала даже по тому, как ему нравилось, когда я так делала.

В те дни, когда я не была настолько сильной, я желала, чтобы моя мать знала обо всем, что происходит. Иногда мне просто хотелось поехать к ней домой и свернуться калачиком у нее на диване, чтобы она убрала мои волосы за ухо и сказала, что все наладится. Бывает, что даже взрослым женщинам нужно, чтобы их успокоила мать, чтобы мы могли сделать передышку и не быть все время сильными.

Уже добрых пять минут я сидела в машине, припаркованной на подъездной дорожке у ее дома, и собиралась с силами, чтобы войти внутрь. Мне было неприятно, что я должна это сделать, ведь я знала, что в каком-то смысле я разобью сердце и ей тоже. Я терпеть не могла, когда мама грустила, а сказав ей, что я вышла замуж за человека, который похож на моего отца, я ее по-настоящему опечалю.

Когда я вошла в дом, она стояла на кухне и слоями укладывала лапшу в кастрюлю. По очевидной причине я не стала сразу снимать пальто. Я не надела рубашку для беременных, но мой живот практически невозможно было спрятать без куртки. Особенно от матери.

– Привет, дорогая! – сказала она.

Я вошла в кухню, обняла ее сбоку, пока она выкладывала сыр на лазанью. Как только лазанья оказалась в духовке, мы прошли в столовую и уселись за стол. Мама откинулась на спинку стула и отпила немного чая.

Она улыбалась, и мне было еще более тяжело от того, что она в этот момент выглядела такой счастливой.

– Лили, – сказала она, – есть кое-что, о чем я должна сказать тебе.

Мне это не понравилось. Это я приехала к ней, чтобы поговорить с ней. Я не была готова *слушать* ее.

– Что случилось? – неуверенно спросила я.

Мама обхватила стакан с чаем обеими руками.

– Я кое с кем встречаюсь.

У меня приоткрылся рот.

– Правда? – спросила я, качая головой. – Это... – я едва не сказала «хорошо», но тут же всполошилась, что она поставила себя в ту же ситуацию, в которой она была с моим отцом. Мама увидела тревогу на моем лице, поэтому схватила обе мои руки в свои.

– Он хороший, Лили. Он такой хороший. Поверь мне.

Я испытала мгновенное облегчение, ведь я видела, что мама говорит правду.

– Вау! – воскликнула я, совершенно этого не ожидавшая. – Я счастлива за тебя. Когда я с ним познакомлюсь?

– Сегодня вечером, если захочешь. Я могу пригласить его поужинать с нами.

Я покачала головой.

– Нет, – прошептала я, – это неподходящее время.

Мама крепче сжала мои пальцы, как только поняла, что я приехала для того, чтобы сообщить ей нечто важное. Я начала с хорошей новости.

Я встала и сняла куртку. Поначалу мама ничего не поняла. Она просто решила, что я хочу, чтобы мне было комфортно. Но потом я взяла ее руку и прижала к своему животу.

– Ты станешь бабушкой.

Мамины глаза расширились, и на несколько минут она потеряла дар речи. Но потом у нее на глазах появились слезы. Она вскочила и крепко обняла меня.

– Лили! О боже! – Мама сделала шаг назад и улыбнулась: – Все так быстро. Вы хотели ребенка? Вы и женаты совсем недавно.

Я покачала головой:

– Нет. Это был шок. Поверь мне.

Она рассмеялась, снова обняла меня, и мы сели. Я постаралась удержать улыбку, но это уже не была блаженная улыбка будущей матери. Мама заметила это почти мгновенно.

– Дорогая моя, – прошептала она, – что случилось?

До этой минуты я старалась быть сильной. Я старалась не слишком жалеть себя, когда я была в обществе других людей. Но я сидела рядом с матерью, и мне хотелось быть слабой. Мне просто хотелось снять доспехи хотя бы ненадолго. Мне хотелось, чтобы мама подошла ко мне, обняла и сказала, что все будет в порядке. И в следующие пятнадцать минут, пока я плакала в ее объятиях, именно это и произошло. Я перестала сражаться за себя, потому что мне нужно было, чтобы кто-то сделал это за меня.

Я избавила ее от большинства подробностей наших с Райлом отношений, но мне пришлось ей рассказать о наиболее важных моментах. Что он бил меня не один раз, а я не знала, что делать. Что мне страшно растить этого ребенка в одиночку. Как я боюсь, что приняла неверное решение. Как я боюсь, что была слишком слабой и что мне следовало бы добиться его ареста. Как я боюсь, что была слишком чувствительной, и не знаю, не слишком ли бурно я отреагировала. По сути, я рассказала ей все то, что до конца не могла принять сама.

Мама взяла в кухне несколько салфеток из ткани и вернулась обратно к столу. Когда наши глаза окончательно высохли, она начала комкать свою салфетку в руках, скручивая ее жгутом и не сводя с нее глаз.

– Ты хочешь принять его обратно? – спросила – мама.

Я не сказала «да». Но и «нет» я тоже не сказала.

Это был первый раз с начала этой истории, когда я была абсолютно честной. Честной с матерью и с самой собой. Возможно, потому, что она единственная из всех моих знакомых, кто прошел через это. Только она могла понять глубину того смятения, которое я испытывала.

Я покачала головой и одновременно пожала плечами.

– Я чувствую, что никогда не смогу снова доверять ему. Но при этом я оплакиваю то, что у меня было с Райлом. Нам было так хорошо вместе, мама. Я провела с ним лучшие моменты моей жизни. И временами я чувствую, что я, возможно, не хочу отказываться от этого.

Я вытерла салфеткой слезы.

– Иногда... когда я по-настоящему скучаю без него... я говорю себе, что, возможно, все было не так плохо. Возможно, я могла бы смириться с ним в его худших проявлениях, чтобы он был рядом в его лучших проявлениях.

Мама накрыла мою руку своей и начала поглаживать ее большим пальцем.

– Я знаю, о чем ты говоришь, Лили. Но меньше всего на свете тебе захочется сломать себя. Пожалуйста, не позволяй этому случиться.

Я понятия не имела, что она хотела этим сказать. Мама увидела недоумение на моем лице, поэтому она сжала мой локоть и объяснила свои слова:

– У каждого из нас есть предел. То, с чем мы готовы мириться, пока не сломаемся. Когда я вышла замуж за твоего отца, я точно знала, где мой предел. Но мало-помалу... С каждым инцидентом... Мой предел отодвигался чуть дальше. И еще чуть дальше. Когда твой отец ударил меня в первый раз, он сразу начал просить прощения. Он поклялся, что это никогда больше не повторится. Когда он ударил меня во второй раз, он сожалел об этом *еще* больше. Когда это случилось в третий раз, это был уже не один удар. Это было избиение. И каждый раз я принимала его обратно. В четвертый раз это была только пощечина. Когда это случилось, я почувствовала облегчение. Помню, как я подумала: *«По крайней мере, в этот раз он меня не избил. Это было не так страшно»*.

Она промокнула салфеткой глаза и продолжала:

– Каждый инцидент отодвигает твой предел. – Каждый раз, когда ты решаешь остаться, в следующий раз тебе все труднее уйти. В конце концов, ты уже не видишь свой предел, потому что начинаешь думать: *«Я продержалась уже пять лет, может быть, еще пять?»*

Мама схватила мои руки и держала их, пока я плакала.

– Не будь такой, как я, Лили. Я знаю, ты веришь, что он любит тебя, да и я уверена в этом. Но он любит тебя неправильно. Он не

любит тебя так, как ты заслуживаешь, чтобы тебя любили. Если бы Райл по-настоящему любил тебя, он бы не позволил тебе принять его обратно. Он бы сам принял решение уйти от тебя, чтобы он сам был уверен, что никогда больше не причинит тебе боли. Такой любви заслуживает женщина, Лили.

Я желала всем сердцем, чтобы она не выучила этот урок на собственном опыте. Я притянула маму к себе и обняла ее.

Я почему-то думала, что мне придется защищать себя перед ней. Мне даже в голову не приходило, что я могу приехать к матери и научиться чему-то у нее. Как же я ошибалась. Я считала, что мать была слабой в прошлом, а на самом деле она была одной из самых сильных женщин, которых я знала.

– Мама! Я хочу быть такой, как ты, когда вырасту.

Она рассмеялась и смахнула волосы с моего лица. По ее взгляду я поняла, что в мгновение ока мы поменялись местами. Она чувствовала больше боли за меня, чем когда-либо чувствовала сама.

– Я хочу еще кое-что тебе сказать. – Мама снова взяла мои руки. – Помнишь тот день, когда ты произносила надгробную речь на похоронах твоего отца? Я знаю, что ты не растерялась, Лили. Ты стояла на возвышении и отказывалась сказать хоть что-то хорошее об этом человеке. Никогда еще я так не гордилась тобой. Ты была единственным человеком в моей жизни, который заступался за меня. Ты была сильной, когда я была напугана. – Слеза покатила по ее щеке, когда она произнесла:

– Будь такой, Лили. Смелой и отважной.

Глава 33

– И что мне теперь делать с тремя детскими автомобильными креслами?

Я сидела на диване у Алисы и смотрела на подарки. В этот день она устроила для меня вечеринку в честь рождения будущего малыша. Пришла моя мама. Даже мать Райла прилетела ради этого, но она уже легла спать, компенсируя разницу во времени. Пришли девушки из цветочного магазина и несколько друзей с моей предыдущей работы. Даже Девин пришел. Нам было очень весело, несмотря на то, что я боялась этого праздника несколько недель.

– Именно поэтому я советовала тебе составить онлайн-список, чтобы подарки не дублировались, – ответила Алиса.

Я вздохнула:

– Полагаю, я могу попросить маму, чтобы она кресло вернула. Она и без него много всего мне накупила.

Я встала и начала собирать подарки. Маршалл уже сказал, что поможет мне отнести их в мою квартиру, поэтому Алиса помогла сложить все в пакеты для мусора. Я раскрывала их, пока Алиса собирала подарки с пола. Моей беременностью было уже почти тридцать недель, поэтому более легкую работу по открыванию пакетов Алиса оставила мне.

Мы все упаковали, и Маршалл отправился уже во второй рейс в мою квартиру. Я открыла дверь их квартиры и собралась волочить набитый подарками мусорный мешок до лифта. Я не была готова увидеть Райла, который стоял на площадке и смотрел на меня. Мы оба были крайне удивлены, увидев друг друга, учитывая тот факт, что мы не разговаривали с момента нашей встречи после его возвращения из Англии.

Но мы были обречены на эту встречу. Я не могла быть лучшей подругой сестры моего мужа и жить с ними в одном здании без того, чтобы в конце концов не наткнуться на него.

Я не сомневалась, что Райл знал о празднике в честь будущего ребенка, раз уж его мать прилетела ради этого. Но он все равно выглядел немного удивленным, когда заметил мешок с подарками у меня за спиной. И я подумала о том, случайно ли он появился как раз в тот момент, когда я уходила, или это был подходящий предлог? Он опустил взгляд на мусорный пакет, который я держала, и взял его из моих рук.

– Дай-ка мне это.

Я позволила ему. Он взял пакет и еще тот, который еще оставался в квартире, пока я собирала свои вещи. Они с Маршаллом вошли обратно в квартиру, когда я собиралась из нее выйти.

Райл схватил последний мешок с подарками и снова направился к входной двери. Я шла за ним следом, когда Маршалл взглядом спросил меня, не возражаю ли я против того, что Райл идет вместе со мной в квартиру. Я покачала головой. Я не могла все время избегать Райла,

поэтому момент был вполне подходящий, чтобы обсудить, как нам быть дальше.

Между квартирой Алисы и моей было всего несколько этажей, но поездка в лифте с Райлом мне показалась невероятно долгой. Я несколько раз поймала его взгляд на своем животе и задумалась о том, каково ему было три месяца не видеть меня беременной.

Дверь в мою квартиру не была заперта, поэтому я толкнула ее и вошла. Райл вошел следом за мной. Он отнес последний мешок с подарками в детскую, и я слышала, как он передвигает там что-то, открывает коробки. Я осталась в кухне и мыла то, что совершенно в мытье не нуждалось. От сознания того, что Райл у меня в квартире, сердце билось у меня в горле. Я его не боялась, просто нервничала. Мне хотелось быть более подготовленной к предстоящему разговору, потому что я ненавижу конфронтацию. Но я понимала, что нам надо было обсудить ребенка и наше будущее. Просто я этого не хотела. Во всяком случае, пока.

Райл прошел по коридору и появился в кухне. Я снова заметила его взгляд, устремленный на мой живот. Но он быстро отвернулся.

– Хочешь, чтобы я собрал колыбель, пока я здесь?

Вероятно, мне стоило ответить «нет», но он нес половину ответственности за ребенка, который рос во мне. Если он собирается предложить физическую помощь, то я ее приму, как бы зла я на него ни была.

– Да. Ты бы очень мне помог.

Он указал на прачечную.

– Мой ящик с инструментами все еще там?

Я кивнула, и Райл направился туда. Я открыла холодильник и заглянула внутрь, чтобы не смотреть на него, когда он будет возвращаться через кухню. Когда он ушел в детскую, я закрыла холодильник и прижалась лбом к дверце, продолжая крепко держаться за ручку. Я контролировала дыхание, пытаюсь разобраться в том, что происходило в моей душе.

Райл выглядел очень хорошо. Я давно его не видела и забыла, насколько он красив. Мне захотелось пробежать по коридору и броситься в его объятия. Мне хотелось почувствовать его губы на моих губах. Я хотела услышать, как он скажет мне, насколько сильно любит

меня. Мне хотелось, чтобы он лег рядом со мной и положил руку на мой живот, как я много раз представляла.

Это было бы так легко. Моя жизнь стала бы намного легче, если бы я простила его и приняла обратно.

Я закрыла глаза и повторила те слова, которые сказала мне мать: *«Если Райл по-настоящему любит тебя, он не позволит тебе принять его обратно».*

Только это воспоминание не позволило мне побежать в детскую.

* * *

Следующий час я суетилась на кухне, а Райл оставался в детской. В конце концов, мне пришлось пройти мимо детской, чтобы взять в спальне зарядку для телефона. Идя обратно по коридору, я остановилась у двери.

Колыбель была собрана. Райл даже положил в нее постельные принадлежности. Он замер у колыбели, вцепившись в прутья, глядя в пустую кроватку. Райл стоял так тихо и неподвижно, что был похож на статую. Он ушел глубоко в свои мысли и даже не заметил, что я стояла на пороге. И это заставило меня задуматься о том, чем заняты его мысли.

Думал ли он о ребенке? О том самом ребенке, который будет спать в этой колыбели и с которым он не будет жить под одной крышей?

До этой минуты я не была уверена в том, что он хотел быть частью жизни нашего ребенка. Но выражение его лица убедило меня в обратном. Я никогда не видела Райла таким печальным, а я даже не смотрела ему в лицо. Я ощущала, что печаль, которую он испытывал у колыбели, не имела абсолютно никакого отношения ко мне и была связана исключительно с мыслями о его ребенке.

Райл поднял глаза и увидел меня в проеме двери. Он оттолкнулся от колыбели и стряхнул с себя задумчивость.

– Готово, – объявил он, махнув рукой в сторону кроватки, и начал складывать инструменты в ящик. – Тебе нужно что-то еще, пока я здесь?

Я покачала головой, подходя к колыбели и любуясь ею. Так как я не знала, родится мальчик или девочка, я решила выбрать тему природы. Набор для кроватки был желтовато-коричневым с зеленым и с изображениями растений и деревьев. Он гармонировал с занавесками

и будет совпадать с настенной росписью, которую я хотела в какой-то момент сделать в детской. Я планировала поставить в детской несколько живых растений из моего магазина. Я не могла не улыбнуться, увидев, как картина начинает складываться. Райл даже повесил над кроватью мобиль. Я протянула руку, включила его, и зазвучала «Колыбельная» Брамса. Я смотрела, как мобиль совершил полный круг, а потом перевела взгляд на Райла. Он стоял в нескольких шагах и просто смотрел на меня.

Глядя на него, я подумала о том, как легко нам судить людей, когда мы вне ситуации. Я сама долгие годы осуждала свою мать.

Если мы смотрим на ситуацию со стороны, то нам легко верить, что мы без раздумий уйдем от того, кто плохо обошелся с нами. Легко говорить, что мы не сможем продолжать любить того, кто плохо обходится с нами, когда не мы любим обидчика.

Но когда это наш собственный опыт, выясняется, что не так легко ненавидеть того, кто плохо обращается с нами, поскольку бо́льшую часть времени этот человек для вас – настоящая находка.

В глазах Райла зажегся робкий огонек надежды, и мне стало неприятно, что он заметил, когда стены моей защиты временно стали ниже. Он медленно шагнул ко мне. Я поняла, что он готов привлечь меня к себе и обнять, поэтому я быстро отошла от него.

И между нами снова выросла стена.

Одно то, что я снова впустила его в свою квартиру, уже было для меня гигантским шагом. Ему нужно было это понять.

Райл стоически принял то, что я его отвергла. Он сунул ящик с инструментами под мышку, другой рукой подхватил коробку, в которую была упакована кровать. Она была наполнена бумагой и более мелкими коробками из-под тех частей, которые он разворачивал и собирал.

– Я вынесу это в мусорный бак, – сказал он, направляясь к двери. – Если тебе потребуется помощь с чем-то еще, просто дай мне знать, ладно?

Я кивнула и сумела пробормотать «спасибо».

Услышав, как за ним захлопнулась входная дверь, я повернулась и посмотрела на кровать. Мои глаза наполнились слезами, и на этот раз я оплакивала не себя. И не нашего ребенка.

Я оплакивала Райла. Да, он был в ответе за ту ситуацию, в которой он оказался, но я знала, как его это печалит. А когда любишь человека, то, видя его печаль, *ты* тоже становишься печальной.

Никто из нас не заговорил о расставании или о шансе на примирение. Мы даже не попытались обсудить, что мы будем делать, когда через десять недель наш ребенок родится.

Я просто еще не была готова к этому разговору, и самое малое, что Райл мог для меня сделать в этот момент, это проявить терпение.

Он был обязан его проявить, так как был должен мне за все те случаи, когда у него терпения не оказалось.

Глава 34

Я закончила промывать кисточки и вернулась в детскую, чтобы полюбоваться росписью на стене. Я начала ее рисовать накануне и только что закончила.

Прошло две недели с тех пор, как Райл собрал колыбель. Теперь, когда роспись на стене была закончена и я принесла в детскую несколько растений в горшках из моего магазина, я почувствовала, что в детской все готово. Я огляделась, и мне стало немного грустно, потому что некому было полюбоваться комнатой вместе со мной. Я схватила телефон и написал сообщение Алисе.

Я: Стена готова! Тебе следовало бы спуститься и посмотреть на нее.

Алиса: Я не дома. Бегаю по делам. Но я зайду – завтра.

Я нахмурилась и решила послать сообщение матери. На другой день ей предстояло работать, но я знала, что ей не терпится увидеть то, что у меня получилось.

Я: Не хочешь приехать в город сегодня вечером? Детская полностью закончена.

Мама: Не могу. В школе концерт. Задержусь допоздна. Но не могу дожидаться, когда увижу детскую! Заеду завтра!

Я села в качалку и, зная, что мне не следовало бы этого делать, все-таки это сделала.

Я: Детская готова. Хочешь на нее посмотреть?

В моем теле ожил каждый нерв, как только я нажала «Отправить». Я неотрывно смотрела на экран, пока не пришел ответ.

Райл: Разумеется. Я уже еду к тебе.

Я сразу же встала и начала поспешно вносить последние штрихи. Я взбила подушки на диване для двоих, поправила одну из картин на стене. Только я подошла к входной двери, как в нее постучали. Я открыла ее и... *Черт подери, он был в медицинской форме.*

Я отошла в сторону, и Райл шагнул через порог.

– Алиса говорила мне, что ты расписываешь стену.

Я пошла следом за ним по коридору к детской.

– Мне потребовалось два дня, чтобы закончить, – сказала я. – У меня такое ощущение, как будто я пробежала марафон, а я всего лишь несколько раз поднялась и спустилась по стремянке.

Райл оглянулся на меня через плечо, и я увидела озабоченное выражение на его лице. Его встревожило то, что я занималась всем этим в одиночестве. Ему незачем было беспокоиться. С этим я разобралась.

Когда мы дошли до детской, Райл остановился на пороге. На противоположной стене я нарисовала сад, и в этом саду были практически все фрукты и овощи, растущие в садах, которые я только сумела вспомнить. Я не художник, но это просто потрясающе, что вы можете сделать с помощью проектора и прозрачной бумаги.

– Вау, – оценил Райл.

Я широко улыбнулась, услышав удивление в его голосе. Я поняла, что оно искреннее. Он вошел в комнату и огляделся, все время качая головой.

– Лили, это... вау.

Если бы это была Алиса, я бы захлопала в ладоши и запрыгала на одном месте. Но это был Райл, и учитывая ситуацию между нами, слишком бурная реакция была бы несколько неуместна.

Он подошел к окну, где я установила малышей качели, слегка подтолкнул их, и качели начали двигаться из стороны в сторону.

– Качели еще качаются взад и вперед, – сказала я ему. Я не знала, знаком ли он с детскими качелями, но на меня саму эта их особенность произвела впечатление.

Райл подошел к пеленальному столику и вытащил один подгузник из держателя, развернул его и положил перед собой.

– Он такой крошечный, – сказал он. – Я даже не помню, чтобы Райли была такой маленькой.

Когда он упомянул Райли, мне стало немного грустно. Мы жили раздельно с того дня, когда она родилась, поэтому я никогда не видела, как он ею занимается.

Райл сложил подгузник и убрал его обратно в держатель. Когда он повернулся ко мне, он улыбался и взмахами рук обвел комнату.

– Это просто замечательно, Лили. Все вместе. Ты действительно... – Его руки упали, улыбка исчезла. – Ты действительно отлично справляешься.

У меня появилось ощущение, что воздух вокруг меня уплотнился. Мне по какой-то причине неожиданно стало трудно дышать полной грудью. Как будто мне нужно было заплакать. Мне так нравился этот момент, и меня печалило то, что мы не смогли наполнить всю мою беременность такими моментами. Мне было приятно разделить этот момент с Райлом, но я боялась, что могу дать ему ложную надежду.

И вот он пришел, увидел детскую, и я не знала, что делать дальше. Было совершенно очевидно, что нам необходимо многое обсудить, но я понятия не имела, с чего начать и как это сделать.

Я подошла к креслу-качалке и села.

– Голую правду? – спросила я, глядя на Райла снизу вверх.

Он шумно выдохнул и кивнул, потом сел на диван.

– Прошу тебя, Лили, пожалуйста, скажи мне, что ты действительно готова об этом говорить.

От его реакции я немного успокоилась, поняв, что он был готов обсуждать все. Я обхватила руками живот и наклонилась вперед в качалке.

– Сначала ты.

Райл сцепил руки между коленей и посмотрел на меня с такой искренностью, что мне пришлось отвести глаза.

– Я не знаю, что ты хочешь от меня, Лили. Я не знаю, какую роль ты хочешь, чтобы я сыграл. Я даю тебе столько пространства, сколько тебе нужно, но одновременно с этим я хочу помогать тебе больше, чем ты, возможно, догадываешься. Я хочу присутствовать в жизни нашего ребенка. Я хочу быть твоим мужем и я хочу быть хорошим мужем. Но я понятия не имею, что творится в твоей голове.

Его слова наполнили меня ощущением вины. Несмотря на то что произошло между нами в прошлом, он оставался отцом моего ребенка. У него было законное право быть отцом, как бы я к этому ни

относилась. И я *хотела*, чтобы он был отцом. Я хотела, чтобы он был *хорошим* отцом. Но в глубине души я все еще держалась за мой самый большой страх, и я понимала, что мне нужно поговорить с ним об этом.

– Я бы никогда не лишила тебя ребенка, Райл. Я счастлива, что ты хочешь участвовать в его жизни. Но...

После моего «но» он нагнулся вперед и уткнулся лицом в ладони.

– Но какой же я буду матерью, если не буду думать о твоём темпераменте? О том, что ты теряешь контроль? Как я могу быть уверена, что что-то не выведет тебя из себя, когда ты будешь один с нашим ребенком?

В его глазах заплескалось такое отчаяние, что я испугалась, как бы их не прорвало словно запруды. Райл яростно затряс головой:

– Лили, я бы никогда...

– Я знаю, Райл. Ты бы никогда намеренно не причинил боли собственному ребенку. Я не верю и в то, что ты намеренно причинил боль мне, но ты это сделал. И, поверь мне, я хочу думать, что ты больше никогда не сделал бы ничего подобного. Мой отец распускал руки только по отношению к моей матери. Множество мужчин – и даже *женщин* – причиняют боль самому близкому человеку, но держат себя в руках по отношению ко всем остальным. Я всем сердцем хочу поверить твоим словам, но ты должен понять, с чем связана моя нерешительность. Я никогда не лишу тебя отношений с твоим ребенком. Но мне необходимо, чтобы ты был очень терпелив со мной, пока ты восстановишь все то доверие, которое ты уничтожил.

Райл кивнул, соглашаясь. Он должен был знать, что я даю ему намного больше, чем он заслуживает.

– Абсолютно согласен, – сказал он. – Это твоё условие. Все только на твоих условиях, да?

Он снова сложил руки и начал нервно жевать нижнюю губу. Я почувствовала, что он хотел что-то еще сказать, но сомневался, говорить или нет.

– Давай, говори все, о чем ты думаешь, пока я в настроении об этом разговаривать.

Райл закинул голову назад и посмотрел на потолок. Ему явно было тяжело. Я не знала, сложно ли ему задать вопрос или он боится услышать мой ответ.

– Как насчет нас? – прошептал он.

Я откинулась на спинку качалки и вздохнула. Я знала, что этот вопрос возникнет, но мне было очень трудно дать ему ответ, которого у меня не было. Существовало только два варианта – развод или примирение, но я не хотела выбирать ни то ни другое.

– Не хочу давать тебе ложную надежду, Райл, – негромко ответила я. – Если бы я должна была сделать выбор сегодня... то я бы, вероятно, выбрала развод. Но, честно говоря, я не знаю, сделала бы я этот выбор под влиянием гормонов или потому, что мне этого действительно хочется. Не думаю, что это было бы честно по отношению к нам обоим, если бы я сделала этот выбор до рождения нашего ребенка.

Райл судорожно выдохнул, потом положил руку себе сзади на шею и крепко сжал. Затем он встал и повернулся ко мне лицом.

– Спасибо за то, что пригласила меня, – сказал он. – За разговор. Я хотел было заглянуть к тебе пару недель назад, но не знал, как ты к этому отнесешься.

– Я и сама не знаю, как бы я к этому отнеслась, – совершенно честно ответила я и попыталась встать с качалки, но по какой-то причине за последнюю неделю мне это стало намного тяжелее делать. Райл подошел ко мне и протянул руку, чтобы помочь.

Интересно, как я должна была доходить до родов, если я уже не могла сама выбраться из кресла?

Как только я встала, Райл все еще держал мою руку. Мы стояли всего в нескольких дюймах друг от друга, и я знала, что, стоит мне посмотреть ему в лицо, как на меня нахлынут чувства. А я не хотела ничего к нему чувствовать.

Райл нашел мою вторую руку и теперь держал их обе. Его пальцы переплелись с моими, и я почувствовала это прикосновение сердцем. Я прижалась лбом к груди Райла и закрыла глаза. Его щека коснулась моей макушки, и мы стояли совершенно неподвижно. Мы оба боялись пошевелиться. Я боялась шевельнуться, потому что я была слишком слаба, чтобы не позволить ему поцеловать себя. Ему было страшно пошевелиться, так как он боялся, что если он сделает это, то я отстранюсь от него.

Долгие пять минут никто из нас не пошевелил ни одним мускулом.

– Райл, – наконец сказала я, – можешь мне пообещать кое-что?

Я почувствовала, как он кивнул.

– Пока не родится ребенок, пожалуйста, не пытайся уговорить меня простить тебя. И, *пожалуйста*, не пытайся поцеловать меня... – Я отстранилась от его груди и подняла на него глаза. – Я хочу разбираться с крупными проблемами по очереди, а сейчас мой главный приоритет – это рождение ребенка. Я не хочу добавлять новый стресс или смятение ко всему тому, что уже происходит.

Райл успокаивающим жестом сжал мои пальцы.

– По одной перемене в жизни зараз. Понял.

Я улыбнулась, испытыв облегчение от того, что у нас наконец состоялся этот разговор. Я понимала, что еще не приняла окончательного решения насчет нас, но я все равно чувствовала, что мне стало легче дышать, потому что мы снова были на одной странице.

Райл выпустил мои руки.

– Я опаздываю на смену, – сказал он, показывая большим пальцем себе за плечо. – Мне пора на работу.

Я кивнула и проводила его. Только закрыв за ним дверь и оставшись одна в квартире, я осознала, что улыбаюсь.

Я все еще была невероятно сердита на него, потому что именно из-за него мы оказались в подобной ситуации, поэтому моя улыбка была связана лишь с тем, что мы чуть продвинулись вперед. Иногда родителям приходится мириться с разногласиями между ними и зрело смотреть на ситуацию, чтобы сделать так, как будет лучше для их ребенка.

Именно это мы и сделали. Мы поняли, как нам жить в наших обстоятельствах, пока наш ребенок не появится на свет.

Глава 35

Я почувствовала запах поджаренного хлеба.

Я потянулась в постели и улыбнулась, потому что Райл знал, как я люблю тосты. Я полежала еще немножко, прежде чем попытаться встать. У меня было такое ощущение, что потребуется усилия трех мужчин, чтобы поднять меня с постели. В конце концов, я сделала глубокий вдох, потом спустила ноги на пол и подняла себя с матраса.

Первым делом я пошла писать. Я только и делала, что писала. До родов оставалось два дня, но врач сказал, что я могу проходить еще

неделю. На прошлой неделе я ушла в отпуск по беременности, поэтому я только писала и смотрела телевизор. Такой стала моя жизнь.

Когда я пришла в кухню, Райл жарил омлет. Услышав мои шаги, он обернулся.

– Доброе утро! – сказал он. – Пока никакого ре-бенка?

Я покачала головой и положила руку на живот.

– Нет, но за ночь я писала девять раз.

Райл рассмеялся:

– Это новый рекорд. – Он положил на тарелку немного омлета, добавил бекон и тост, протянул тарелку мне и быстро поцеловал меня в висок. – Мне пора идти. Я уже опаздываю. Телефон я выключать не буду.

Я улыбнулась, посмотрев на свой завтрак. *Ладно, значит, я еще и ем. Писаю, ем и смотрю телевизор.*

– Спасибо, – весело поблагодарила я, взяла тарелку, уселась на диван и включила телевизор. Райл суетился в гостиной, собирая свои вещи.

– Я забегу тебя проведать во время перерыва на ланч. Вечером мне придется задержаться, но Алиса сказала, что она может принести тебе ужин.

Я округлила глаза.

– Я в порядке, Райл. Врач рекомендовал легкий постельный режим, а не говорил о полном расстройстве здоровья.

Он начал открывать дверь, но остановился, как будто что-то забыл, бегом вернулся ко мне и прижался губами к моему животу.

– Я вдвое увеличу твое содержание, если ты решишь появиться на свет сегодня, – сказал он малышу.

Райл много разговаривал с ребенком. Пару недель назад я наконец почувствовала себя достаточно комфортно, чтобы позволить ему приложить руку к моему животу и ощутить, как толкается малыш. С тех пор он иногда заходил ко мне, но не для того, чтобы пообщаться со мной, а для того, чтобы поговорить с моим животом. Но мне это нравилось. Мне нравилось то, с каким восторгом он относился к тому, что станет отцом.

Я взяла одеяло, которым укрывался Райл, когда спал этой ночью на диване, и закуталась в него. Уже неделю он оставался в квартире на ночь, ожидая, когда у меня начнутся роды. Поначалу меня смущало его

присутствие, но Райл мне очень помог. Я так и спала в гостевой спальне. Третья спальня превратилась в детскую, и это означало, что главная спальня была свободна, и он мог бы спать там. Но по какой-то причине Райл предпочел спать в гостиной на диване. Вероятно, воспоминания о том, что произошло в нашей спальне, так же мучили его, как и меня, поэтому никто из нас даже не заходил туда.

Последние несколько недель прошли по-настоящему хорошо. Если не считать того факта, что между нами не было абсолютно никаких физических отношений, все остальное выглядело так, как это было когда-то. Райл все так же много работал, но в его свободные вечера я начала приходить ужинать к ним наверх. Но мы никогда не ели вдвоем как пара. Я избегала всего, что могло бы напоминать свидание или супружескую жизнь. Я все еще пыталась сосредоточиться только на одной важной вещи в единицу времени, и пока не родился ребенок, а мои гормоны не пришли в норму, я отказывалась принимать решение относительно моего брака. Я знала, что использую беременность как предлог, чтобы оттянуть неизбежное, но беременность позволяет женщине быть немного эгоисткой.

Зазвонил мой телефон, и я уронила голову на диван и застонала. Он остался в кухне, на расстоянии в целых пятнадцать футов.

ТЬфу ты.

Я попыталась поднять себя с дивана, но у меня не получилось.

Я попыталась еще раз, но опять осталась сидеть.

Я схватилась за ручку кресла и сумела-таки встать. Третья попытка оказалась удачной.

Когда я встала, то опрокинула на себя стакан с водой. Я застонала... Потом ахнула.

У меня не было никакого стакана с водой.

Черт подери.

Я посмотрела вниз и увидела, что по ногам течет вода. Телефон продолжал звонить на столе в кухне. Переваливаясь, я дошла до кухни и ответила на звонок.

– Алло?

– Привет, это Люси! Короткий вопрос: заказанные нами красные розы повредили при доставке, а у нас сегодня похороны Левенберга. Заказчики особенно настаивали на красных розах, чтобы положить в гроб. У нас есть запасной план?

– Да. Позвони флористу на Бродвее. Он у меня в долгу.

– О'кей, спасибо!

Я уже собралась нажать на «отбой», чтобы позвонить Райлу и сказать ему, что у меня отошли воды, как услышала голос Люси:

– Подожди!

Я опять поднесла телефон к уху.

– Это насчет тех инвойсов. Ты хочешь, чтобы я оплатила их сегодня или подождала...

– Ты можешь подождать, все в порядке.

Я опять опустила телефон, чтобы закончить этот разговор, но Люси опять окликнула меня и начала задавать следующий вопрос.

– Люси, – спокойно сказала я, прерывая ее. – Я позвоню тебе завтра, и мы все это обсудим. Кажется, у меня только что отошли воды.

После паузы Люси отреагировала:

– О. О! Вперед!

Я повесила трубку как раз в тот момент, когда первый приступ боли пронзил мой живот. Я поморщилась и начала набирать номер Райла. Он ответил после первого же звонка.

– Мне нужно вернуться?

– Да.

– О боже. Правда? Началось?

– Да.

– Лили! – возбужденно воскликнул Райл, и телефон отключился.

Следующие несколько минут я собирала все необходимое. Когда я закончила сборы, я почувствовала себя грязной и залезла под душ, чтобы ополоснуться. Второй приступ боли начался примерно через десять минут после первого. Я согнулась, вцепилась в живот, позволяя воде литься мне на спину. Когда схватка уже заканчивалась, дверь в ванную распахнулась.

– Ты в *душе*? – удивился Райл. – Лили, вылезай, надо ехать!

– Передай мне полотенце.

Спустя несколько секунд рука Райла появилась из-за шторки. Странно, я прятала свое тело от собственного мужа.

Полотенце оказалось мало. Оно прикрыло грудь, а потом расходилось в стороны на животе, словно перевернутая буква V.

Следующая схватка началась, когда я выходила из душа. Райл схватил меня за руку и помог мне справиться с ней, потом отвел в

спальню. Я спокойно выбирала чистую одежду для больницы и посмотрела на Райла.

Он не отводил глаз от моего живота. На его лице появилось выражение, которое я не смогла расшифровать.

Наши глаза встретились, и я замерла.

В следующую секунду я не могла сказать, собирается он нахмуриться или улыбнуться. Он как-то умудрился сделать и то и другое одновременно, быстро выдохнул, и его глаза снова посмотрели на мой живот.

– Ты прекрасна, – прошептал он.

Боль пронзила мою грудь, и она не имела никакого отношения к схваткам. Я поняла, что он впервые увидел мой обнаженный живот. Он первый раз увидел, как я выглядела, пока его ребенок рос во мне.

Я подошла к Райлу, взяла его руку, положила себе на живот и удержала там. Он улыбнулся мне, поглаживая живот большим пальцем. Это был прекрасный момент. Один из самых лучших наших моментов.

– Спасибо, Лили.

Это было написано у него на лице, понятно по тому, как он прикасался к моему животу, ясно по его взгляду. Он благодарил меня за все те моменты, которые я позволила ему пережить с его ребенком.

Я застонала и согнулась.

– Черт возьми!

Момент закончился.

Райл схватил мою одежду и помог мне одеться. Он взял все то, что я ему сказала, и мы направились к лифту. Медленно. На полпути к лифту у меня началась новая схватка.

– Позвони, пожалуйста, Алисе, – сказала я, когда мы выехали с парковки.

– Я за рулем. Я ей позвоню, когда мы доберемся до больницы. И маме твоей позвоню.

Я кивнула. Собственно, я и сама могла бы им позвонить из машины, но мне просто хотелось сначала доехать до больницы, потому что у меня было такое чувство, что ребенок проявляет нетерпение и хочет появиться на свет прямо в автомобиле.

До больницы мы доехали. Но схватки повторялись уже через минуту. К тому моменту, когда врач переделся и меня положили на

акушерское кресло, шейка расширилась уже до девяти сантиметров. И уже через пять минут мне сказали тужиться. Райл не успел никому позвонить, все случилось слишком быстро.

При каждой потуге я сжимала руку Райла. В какой-то момент я подумала о том, насколько важна была для его карьеры та рука, которую я стискивала, но он ничего не сказал. Он просто позволял мне сжимать ее изо всех сил, и именно это я и делала.

– Головка почти вышла, – объявил врач. – Еще немного надо потужиться.

Следующие несколько минут я даже описать не могу. Все смешалось: боль, тяжелое дыхание, тревога и чистая, ни с чем не сравнимая радость. А еще давление. Такое сильное давление, как будто я вот-вот взорвусь, а потом:

– Это девочка! – сказал Райл. – Лили, у нас дочка!

Я открыла глаза, и врач показал мне малышку. Я видела только ее очертания, потому что в моих глазах было слишком много слез. Потом дочку положили мне на грудь, и это был величайший момент в моей жизни. Я сразу же коснулась ее красных губ, щек, пальчиков. Райл перерезал пуповину, а когда дочку унесли, чтобы вымыть, я почувствовала пустоту.

Спустя несколько минут она уже снова лежала у меня на груди, завернутая в одеяльце.

Я могла только смотреть на нее.

Райл сел на кровать рядом со мной и чуть оттянул одеяльце вниз, чтобы мы могли лучше рассмотреть лицо дочки. Мы пересчитали ее пальчики на руках и ногах. Девочка попыталась открыть глаза, и мы подумали, что это самая забавная вещь в мире. Она зевнула, а мы оба улыбнулись и влюбились в нее еще сильнее.

Когда последняя медсестра вышла и мы наконец остались одни, Райл спросил, можно ли ему подержать дочку. Он поднял изголовье моей кровати, чтобы нам обоим было удобнее сидеть. Я передала ему малышку и положила голову ему на плечо. Мы просто сидели и смотрели на нее.

– Лили, – прошептал Райл. – Голая правда?

Я кивнула.

– Она намного красивее дочки Маршалла и Алисы.

Я рассмеялась и ткнула его локтем.

– Я шучу, – прошептал он.

Но я точно знала, что он имел в виду. Райли очень красивая малышка, но никто и никогда не сравнится с нашей дочерью.

– Как мы ее назовем? – спросил Райл. Во время беременности у нас не было типичных супружеских отношений, поэтому имя девочки мы еще не обсуждали.

– Мне бы хотелось назвать ее в честь твоей сестры, – сказала я, глядя на него. – Или, может быть, в честь твоего брата?

Я не знала наверняка, что он об этом думал. Мне казалось, что, назвав нашу дочку в честь его брата, мы немного залечим рану в его душе, но он, возможно, думал иначе.

Райл посмотрел на меня, не ожидая ответа.

– Эмерсон? – Он как будто пробовал это имя на вкус. – Необычное имя для девочки. Мы могли бы звать ее Эмма или Эмми. – Райл с гордостью улыбнулся и посмотрел на малышку. – Идеально, честно говоря. – Он нагнулся и поцеловал Эмерсон в лоб.

Через некоторое время я отстранилась от плеча Райла, чтобы лучше видеть, как он держит дочку. Это было прекрасное зрелище. Я видела, сколько в нем уже любви к ней. Я видела, что он готов на все, только бы защитить ее. Готов на что угодно.

И только в эту минуту я приняла решение на его счет.

Насчет нас.

Насчет того, что будет лучше для нашей семьи.

Райл удивительный человек во многих отношениях. Он умеет сочувствовать. Он заботливый. Он умный. Он харизматичный. Он амбициозный.

В моем отце кое-что из этих качеств тоже было. В нем не было сочувствия к другим людям, но иногда мы проводили время вместе, и я понимала, что он любил меня. Отец был умным. И харизматичным. И амбициозным. Но ненавидела я его куда больше, чем любила. Я не видела в нем лучшего, потому что была ослеплена его худшими проявлениями. Даже пять хороших лет не могли компенсировать те пять минут, когда в нем просыпалось все самое худшее.

Я посмотрела на Эмерсон, посмотрела на Райла. Я знала, что должна поступить так, как будет лучше для нее. Для отношений, которые, как я надеялась, она выстроит со своим отцом. Я принимала решение не ради себя и не ради Райла.

Я приняла его ради нее.

– Райл?

Когда он посмотрел на меня, на его лице была улыбка, но она исчезла, как только он оценил выражение моего лица.

– Я хочу развестись.

Райл дважды моргнул. Мои слова ударили его, словно электрический разряд. Он сморщился и снова посмотрел на дочь. Его плечи поникли.

– Лили, – сказал он, качая головой, – пожалуйста, не делай этого.

В голосе Райла прозвучала мольба, и мне было неприятно, что он держался за надежду, что я в конце концов приму его обратно. Я понимала, что это была частично моя вина, но едва ли я осознавала, какой выбор сделаю, пока не взяла дочку на руки в первый раз.

– Дай мне всего один шанс, Лили. *Пожалуйста.* – Его голос дрогнул от слез.

Я знала, что причиняю ему боль в самый неподходящий момент из всех возможных. Я разбила ему сердце, а ведь это должен был быть лучший момент в его жизни. Но я знала: если я не сделаю этого теперь, я, возможно, никогда не смогу ему объяснить, почему я не могу рисковать и принять его обратно.

Я заплакала, потому что мне было так же больно, как и ему.

– Райл, – мягко начала я, – что бы ты сделал, если бы твоя девочка однажды подняла на тебя глаза и сказала: *«Папочка? Мой бойфренд меня ударил»*. Что бы ты сказал ей, Райл?

Он прижал Эмерсон к груди и уткнулся лицом в ее одеяльце.

– Прекрати, Лили, – взмолился он.

Я села прямее на кровати, положила руку на спину Эмерсон и попыталась заставить Райла посмотреть мне в глаза.

– Что, если она пришла бы к тебе и сказала: *«Папочка! Мой муж толкнул меня с лестницы. Он сказал, что это была случайность. Как мне поступить?»*

У Райла затряслись плечи, он плакал. Впервые с момента нашей встречи. Настоящие слезы текли по его щекам, а он крепко прижимал к себе дочь. Я тоже плакала, но продолжала. Ради *ее* блага.

– Что, если... – Мой голос сорвался. – Что, если бы она пришла к тебе и сказала: *«Мой муж попытался изнасиловать меня, папочка. Он не отпускал меня, хотя я умоляла его прекратить. Но он клянется,*

что это больше никогда не повторится. Как мне поступить, папочка?»

Заливаясь слезами, Райл снова и снова целовал дочку в лоб.

– Что бы ты сказал ей, Райл? Скажи мне. Мне нужно знать, что бы ты сказал нашей дочери, если человек, которого она любит всем сердцем, когда-нибудь ударит ее.

Из груди Райла вырвалось рыдание. Он потянулся ко мне и обнял меня.

– Я бы умолял ее уйти от него, – ответил он сквозь слезы и в отчаянии прижался губами к моему лбу. Я чувствовала, как его слезы падают мне на лицо. Райл прижал нас обеих к себе, его губы зашевелились у моего уха. – Я бы сказал ей, что она достойна лучшего. И я бы умолял ее не возвращаться к нему, как бы сильно он ее ни любил. Она достойна лучшего.

Мы оба превратились в мешанину из слез, разбитых сердец и несбывшихся мечтаний. Мы обнимали друг друга. Мы обнимали нашу дочь. И каким бы тяжелым ни был выбор, мы разрушили шаблон, пока этот шаблон не разрушил нас.

Райл передал мне дочку и вытер глаза. Он встал, продолжая плакать, все еще пытаясь отдышаться. В последние пятнадцать минут он потерял любовь своей жизни. В последние пятнадцать минут он стал отцом красивой маленькой девочки.

Вот что могут сделать с человеком пятнадцать минут. Они могут его разрушить.

Они могут его спасти.

Он жестом указал на коридор, давая мне понять, что ему нужно выйти и прийти в себя. Райл был печальнее, чем когда бы то ни было. Он направился к двери, но я знала, что он скажет мне «спасибо» за этот день. Я знала, что когда-нибудь он поймет, что я сделала правильный выбор для его дочери.

Когда за Райлом закрылась дверь, я посмотрела на нее. Я знала, что не дам ей ту жизнь, о которой я для нее мечтала. У нее не будет дома, где она станет жить с обоими родителями, которые любят ее и воспитывают вместе. Но я не хотела, чтобы она жила так, как жила я. Я не хотела, чтобы она видела своего отца в худших проявлениях. Я не хотела, чтобы она видела его в тот момент, когда он выходит из себя до такой степени, что она не узнает в нем его отца. Потому что не имеет

значения, сколько хороших моментов она разделит с Райлом за ее жизнь, я знала по опыту, что запомнит она только худшее.

Замкнутый круг существует, потому что его невыносимо больно разорвать. Требуется астрономическое количество боли и смелости, чтобы изменить привычный шаблон. Порой кажется, что легче просто двигаться по знакомому кругу, а не прыгнуть в сторону без гарантии приземлиться на ноги.

Моя мать прошла через это.

Я прошла через это.

Будь я проклята, если позволю своей дочери пройти через это.

Я поцеловала ее в лоб и дала ей обещание:

– На этом все заканчивается. На мне и на тебе. Все закончится на нас.

Эпилог

Я шла через толпу по Бойлстон-стрит, пока не добралась до перекрестка. Я замедлила шаг и остановила прогулочную коляску на краю тротуара. Я опустила колпак и посмотрела на Эмми. Она била ножками и, как обычно, улыбалась. Она была очень счастливым ребенком. В ней была спокойная энергия, и это был своего рода наркотик.

– Сколько ей? – спросила какая-то женщина. Она стояла на переходе вместе с нами и с удовольствием смотрела на Эмерсон.

– Одиннадцать месяцев.

– Настоящая красавица. И точная ваша копия. У вас одинаковые рты.

Я улыбнулась:

– Спасибо. Вам следовало бы посмотреть на ее отца. У нее определенно его глаза.

Зажегся зеленый свет, и я попыталась обогнать толпу, пока переходила улицу. Я опаздывала уже на полчаса, и Райл дважды присылал мне сообщения. Он еще не испытал всех прелестей морковки. Ему предстояло выяснить, во что она превращается в руках Эмми, потому что я положила много моркови в ее сумку.

Я выехала из квартиры, которую купил Райл, когда Эмерсон исполнилось три месяца, и купила собственную квартиру поблизости от магазина, куда я могла теперь ходить пешком, и это было

замечательно. Райл вернулся в нашу бывшую квартиру, но благодаря визитам к Алисе и тем дням, которые Райл проводил с Эмерсон, я все еще чувствовала себя как дома в их многоэтажке.

– Мы почти на месте, Эмми. – Я повернула за угол и так спешила, что какому-то мужчине пришлось отступить в сторону и вжаться в стену, чтобы я его не переехала. – Простите, – пробормотала я, опуская голову и обходя его.

– Лили?

Я остановилась.

Я медленно обернулась, потому что я почувствовала этот голос всем телом, до кончиков пальцев ног. Существовало только два голоса, которые могли так действовать на меня, но голос Райла больше так на меня не действовал.

Когда я посмотрела на мужчину, его голубые глаза сощурились от солнца. Он поднял руку, чтобы прикрыть их, и улыбнулся.

– Привет.

– Привет. – Мой мозг пытался затормозить и позволить мне ответить.

Атлас посмотрел на прогулочную коляску и указал на нее.

– Это... Это твой малыш?

Я кивнула, и он встал перед коляской, опустился на колени и широко улыбнулся Эмми.

– Вау. Она у тебя красавица, Лили. Как ее зовут?

– Эмерсон. Мы иногда называем ее Эмми.

Он вложил палец ей в руку, и девочка принялась его раскачивать вперед и назад. Атлас с удовольствием смотрел на нее несколько минут, а потом снова встал.

– Ты великолепно выглядишь, – сказал он.

Я постаралась не разглядывать его слишком явно, но это было сложно. Атлас выглядел, как всегда, хорошо, но в этот раз я не пыталась отрицать, каким красавцем он стал с годами. В нем почти ничего не осталось от бездомного парня в моей спальне. И все же... он каким-то образом остался прежним.

Я почувствовала в кармане сигнал телефона, опять пришло сообщение от Райла.

Я кивком указала в конец улицы.

– Мы опаздываем, – пояснила я. – Райл ждет нас уже полчаса.

Как только я произнесла это имя, в глазах Атласа появилась печаль, но он попытался ее скрыть. Он кивнул и медленно отошел в сторону, пропуская нас.

– Сегодня его день, – пояснила я, и в этих трех словах я сказала больше, чем в течение целого разговора.

Я увидела облегчение в глазах Атласа. Он кивнул и ткнул пальцем себе за спину.

– Ага, я тоже опаздываю. В прошлом месяце открыл новый ресторан на Бойлстон-стрит.

– Ого! Поздравляю. Надо будет привести туда маму, чтобы проверить.

Атлас улыбнулся:

– Тебе следовало бы это сделать. Дай мне знать, и я буду готовить для вас сам.

Повисла неловкая пауза, а потом я кивнула в сторону улицы.

– Нам пора...

– Идите. – Атлас улыбнулся.

Я снова кивнула, опустила голову и пошла прочь. Я понятия не имела, почему я так реагировала. Как будто я не умела поддерживать нормальный разговор. Отойдя на несколько ярдов, я посмотрела через плечо. Атлас стоял на месте и все еще смотрел мне вслед.

Мы зашли за угол, и я увидела Райла, который ждал меня у своей машины возле цветочного магазина. Его лицо просветлело, когда он нас увидел.

– Ты получила мое электронное письмо? – Он – опустился на одно колено и принялся отстегивать Эмерсон.

– Отзыв на манеж? Да.

Он кивнул и вытащил малышку из коляски.

– Мы разве не покупали ей манеж?

Я нажала на кнопки, чтобы сложить прогулочную коляску, а потом подвезла ее к багажнику его машины.

– Покупали, но он сломался около месяца назад. Я его выбросила.

Райл открыл багажник и поддел пальцем подбородок Эмерсон.

– Ты слышала это, Эмми? Твоя мамочка спасла тебе жизнь. – Она улыбнулась ему и весело шлепнула его по руке. Он поцеловал малышку в лоб, взял коляску и положил ее в багажник. Я захлопнула багажник и нагнулась к дочке, чтобы поцеловать ее.

– Люблю тебя, Эмми. Увидимся вечером.

Райл открыл заднюю дверцу и усадил Эмми в автомобильное кресло. Я попрощалась с ним и побежала в том направлении, откуда пришла.

– Лили! – крикнул он. – Ты куда?

Райл наверняка ждал, что я подойду к магазину и открою его, так как я и без того опоздала. Вероятно, мне так и следовало поступить, но тянущее чувство в животе меня не отпускало. Мне нужно было что-то с этим сделать. Я развернулась и пошла спиной вперед.

– Я кое-что забыла сделать! Увидимся вечером, когда я буду ее забирать!

Райл поднял ручку Эмерсон, и они вместе помахали мне. Как только я повернула за угол, я пустилась бежать. Я огибала людей, на кого-то налетела, и одна дама даже выругалась мне вслед. Но это того стоило, когда я увидела затылок Атласа.

– Атлас! – закричала я. Он уходил от меня, поэтому я продолжала проталкиваться сквозь толпу. – Атлас!

Он остановился, но не обернулся, а склонил голову к плечу, как будто никак не мог поверить своим ушам.

– Атлас! – снова крикнула я.

На этот раз он обернулся осознанно. Наши глаза встретились, и мы замерли на три секунды, глядя друг на друга. А потом мы решительно зашагали навстречу друг другу. Двадцать шагов разделяли нас.

Десять.

Пять.

Один.

И ни один из нас не сделал этот последний шаг.

Я задыхалась, хватала ртом воздух и нервничала.

– Я забыла сказать тебе второе имя Эмерсон. – Я положила руки на бедра и выдохнула: – Ее второе имя Дори.

Атлас отреагировал не сразу, но потом его глаза сощурились от улыбки. Губы дернулись, как будто он пытался эту улыбку спрятать.

– Какое замечательное имя.

Я кивнула, улыбнулась и замерла.

Я не знала, что делать дальше. Мне просто нужно было ему это сказать. Но вот я сказала, но не подумала заранее, что буду говорить

или делать потом.

Я снова кивнула, огляделась и ткнула большим пальцем себе за плечо.

– Ну что ж... Думаю, я...

Атлас сделал шаг вперед, притянул меня к себе и крепко прижал к своей груди. Я тут же закрыла глаза. Его рука легла мне на затылок, и он не давал мне пошевелиться, пока мы стояли неподвижно посреди суматошной улицы, сигналов машин, торопливо проходящих мимо нас людей. Он нежно поцеловал меня в волосы, и мир вокруг исчез.

– Лили, – негромко сказал Атлас, – я чувствую, что теперь моя жизнь достаточно хороша для тебя. Так что, если ты готова...

Я вцепилась руками в его куртку и по-прежнему крепко прижималась лицом к его груди. Мне вдруг показалось, что мне снова пятнадцать лет. Мои лицо и шея вспыхнули от его слов.

Но мне было не пятнадцать.

Я была взрослой женщиной с обязанностями и ребенком. Я не могла позволить моим подростковым чувствам взять верх. Во всяком случае, не проверив сначала кое-что.

Я отстранилась и подняла на него глаза.

– Ты жертвуешь на благотворительность?

Атлас смущенно рассмеялся:

– В несколько фондов. А что?

– Ты хочешь детей?

Он кивнул:

– Разумеется.

– Как ты думаешь, тебе когда-нибудь захочется уехать из Бостона?

Атлас покачал головой:

– Нет, никогда. Все лучшее здесь, помнишь?

Его ответы дали мне ту уверенность, в которой я нуждалась. Я улыбнулась ему.

– О'кей. Я готова.

Атлас крепко прижал меня к себе, и я рассмеялась. С того дня, когда он вошел в мою жизнь, столько всего случилось, что я никогда не ожидала такого итога. Я надеялась на это, но до этой минуты я не была уверена, что это когда-нибудь произойдет.

Я закрыла глаза, когда почувствовала его губы на моей татуировке. Он нежно поцеловал это место, и у меня было такое

чувство, как будто это был наш первый поцелуй много лет тому назад. Он приблизил губы к моему уху и прошептал:

– Теперь ты можешь перестать плыть, Лили. Мы наконец достигли берега.

От автора

Эту часть рекомендуется читать после прочтения книги, так как в ней есть спойлеры.

* * *

Я помню детство с двух с половиной лет. В моей спальне не было двери, и дверной проем прикрывала простыня, прибитая гвоздями к верхней перекладине. Я помню, что мой отец закричал, поэтому я выглянула из-за простыни и увидела, как он взял наш телевизор и швырнул его в мою мать, сбив ее с ног.

Она развелась с ним еще до того, как мне исполнилось три. Все остальные воспоминания о моем отце только хорошие. Он никогда не кричал на меня или мою сестру, несмотря на то, что он много раз выходил из себя по отношению к моей матери.

Я знала, что отец бил мать, но она никогда об этом не говорила. Обсуждение этой темы означало бы, что она плохо говорит об отце, а этого она никогда не делала. Ей хотелось, чтобы мои отношения с ним были свободны от того напряжения, которое существовало между ними. Вот почему я питаю огромное уважение к родителям, которые не вмешивают детей в свои отношения.

Однажды я спросила отца о жестоком отношении к матери. Он очень откровенно рассказал обо всем. Пока отец был женат на моей матери, он был алкоголиком, и он первым признал, что плохо обращался с ней. Он даже рассказал мне, что ему пришлось заменить суставы на двух пальцах, потому что он ударил ее в голову с такой силой, что они сломались.

Всю свою жизнь отец сожалел о том, как он обращался с моей матерью. Это была его самая страшная ошибка, и он сказал, что состарится и умрет, все равно безумно любя ее.

По-моему, это очень легкое наказание за то, что она вытерпела.

Когда я решила, что хочу написать эту историю, я сначала спросила разрешения у матери. Я сказала, что хочу написать ее для

таких женщин, как она. Мне хотелось написать об этом и ради тех людей, которые не совсем понимают таких женщин, как она.

Я сама была из числа таких людей.

Та мать, которую я знаю, не слабая женщина. Она не из тех, кого я могла бы представить многократно прощающей мужчину за то, что он ее бил. Но пока я писала эту книгу и проникалась умонастроениями Лили, я быстро поняла, что все не настолько черно-белое, каким кажется извне.

Пока я писала книгу, мне не раз хотелось изменить сюжетную линию. Мне не хотелось, чтобы Райл бы таким, каким ему предстояло стать, потому что за первые несколько глав я в него влюбилась так же, как в него влюбилась Лили, как моя мать влюбилась в моего отца.

Первый случай, когда Райл ударил Лили в кухне, это то, что произошло в тот первый раз, когда мой отец ударил мою мать. Она готовила запеканку, а он пил. Он вытащил запеканку из духовки, забыв взять прихватку. Маме это показалось смешным, и она рассмеялась. Он ударил ее с такой силой, что она отлетела в другой конец кухни и упала на пол.

Моя мать предпочла простить его за этот инцидент, потому что она поверила его извинениям и сожалениям. Или, по крайней мере, поверила настолько, что ей показалось менее болезненным дать ему второй шанс, чем остаться с разбитым сердцем.

Со временем произошли и другие инциденты, похожие на первый. Мой отец всегда демонстрировал раскаяние и обещал никогда больше этого не делать. В конце концов мать поняла, что это пустые обещания, но к этому моменту она была матерью двух дочек и у нее не было денег, чтобы уйти. В отличие от Лили, у нее не было поддержки. Не существовало местных приютов для избитых женщин. В то время государство мало поддерживало их. Уйти – означало остаться без крыши над головой, но для нее это было лучше, чем иная альтернатива.

Мой отец умер несколько лет тому назад, когда мне было двадцать пять лет. Он был не самым хорошим отцом. И определенно он не был самым хорошим мужем. Но благодаря моей матери у меня с ним были очень близкие отношения, потому что она сделала то, что требовалось, чтобы разрушить шаблон прежде, чем он разрушит нас. И это было нелегко. Она ушла от него сразу после того, как мне исполнилось три

года, а моей сестре – пять лет. Мы питались бобами и макаронами с сыром целых два года. Она была матерью-одиночкой без образования, сама воспитывала двух дочерей практически без помощи. Но ее любовь к нам дала ей силы для того, чтобы сделать этот страшный шаг.

Я ни в коем случае не хотела, чтобы ситуация Райла и Лили воплощала насилие в семье. Не хотела я и того, чтобы Райл как персонаж воплощал характеристики большинства мужчин, допуская насилие в семье. Каждая ситуация уникальна. Каждый итог уникален. Я решила на примере Райла и Лили воссоздать историю моего отца и моей матери. Во многих отношениях Райл списан с моего отца. Они оба хороши собой, умеют сочувствовать, они веселые и умные, но с моментами непростительного поведения.

Во многих отношениях Лили похожа на мою мать. Они обе заботливые, умные, сильные женщины, но просто влюбились в мужчин, которые не заслуживали того, чтобы в них влюблялись.

Через два года после развода с моим отцом мама встретила моего отчима. Он был воплощением понятия «хороший муж». Пока я росла, их отношения стали для меня мерилom брака, который я хотела для себя.

Когда я наконец созрела для брачного союза, труднее всего мне было сказать моему биологическому отцу, что не он поведет меня к алтарю. Я собиралась попросить об этом своего отчима.

Я чувствовала, что должна так поступить по многим причинам. Мой отчим стал таким мужем, каким мой отец никогда не был. Мой отчим поддерживал нас материально, как никогда не поддерживал мой отец. И мой отчим воспитал нас так, как будто мы были его детьми, но при этом он никогда не лишал нас отношений с нашим биологическим отцом.

Я помню, как сидела в гостиной у отца за месяц до моей свадьбы. Я сказала ему, что люблю его, но собираюсь попросить отчима повести меня к алтарю. Я была готова дать ему отпор, если бы он решил возражать, но его ответ оказался таким, какого я не ожидала.

Отец кивнул и сказал:

– Колин, он вырастил тебя. Он заслужил право вести тебя к алтарю на твоей свадьбе. И тебе не следует испытывать из-за этого чувство вины, потому что это правильно.

Я знала, что мое решение опустошило моего отца. Но он был достаточно самоотверженным как отец, чтобы не только уважать мое решение, но и сделать так, чтобы и я это решение уважала.

На моей свадьбе отец сидел среди гостей и смотрел, как другой мужчина вел меня к алтарю. Я знала, что люди гадали, почему я не попросила их обоих сделать это, но, оглядываясь назад, я понимала, что сделала этот выбор из уважения к моей матери.

Дело было не в моем отце и не в моем отчине. Все дело было в ней. Мне хотелось сделать так, чтобы мужчине, обращавшемуся с ней так, как она того заслуживала, была оказана честь повести к алтарю ее дочь.

В прошлом я всегда говорила, что пишу исключительно ради развлечения. Я писала не для того, чтобы воспитывать, убеждать или информировать.

Эта книга совершенно другая. Для меня это не было развлечением. Это была самая изнурительная книга, которую я написала. Временами мне хотелось нажать на клавишу Delete и переписать те моменты, где Райл жестоко обращался с Лили. Мне хотелось переписать сцены, где она прощала его, и мне хотелось создать образ более стойкой женщины, которая принимает правильные решения в правильное время. Но я писала не о таких персонажах.

Я рассказывала не эту историю.

Мне хотелось реалистично описать ситуацию, в которой оказалась моя мать, в которой оказывается множество женщин. Мне хотелось изучить любовь между Лили и Райлом, чтобы я почувствовала то, что чувствовала моя мать, когда ей пришлось принять решение – уйти от моего отца, от мужчины, которого она любила всем своим сердцем.

Иногда я гадаю, какой была бы моя жизнь, если бы моя мать не ушла от моего отца. Она оставила того, кого любила, чтобы ее дочери никогда не подумали, будто подобные отношения – это норма. Ее не спас другой мужчина, рыцарь в сверкающих доспехах. Она взяла на себя инициативу уйти от моего отца, зная, что ей предстоит вести совершенно другую борьбу и быть при этом одинокой матерью. Для меня было важно, чтобы у Лили были те же мотивы. Она приняла решение уйти от Райла ради их дочери. Хотя существовала минимальная надежда на то, что Райл в конце концов изменится к

лучшему, так рисковать никогда не стоит. Особенно если вы уже рисковали и проиграли.

Прежде чем я написала эту книгу, я еще раз убедилась в огромном уважении, которое я испытывала к своей матери. Теперь, когда я ее закончила и смогла осознать всю ту боль и борьбу, через которые она прошла, чтобы оказаться там, где она находится сейчас, я могу сказать ей только одно.

Я хочу быть такой, как ты, когда вырасту.

Слова благодарности

Хотя в качестве автора этой книги будет указан только один человек, но я не могла бы ее написать без следующих людей.

Мои сестры. Я бы любила вас обеих так же сильно, если бы вы не были моими сестрами. А то, что у нас одна мать, это просто дополнительный бонус.

Мои дети. Вы мое главное достижение в жизни. Пожалуйста, не заставляйте меня пожалеть об этих словах.

Weblich, CoHorts, TL Discussion Group, Book Swap и все остальные группы, к которым я могу обратиться онлайн, если мне необходима позитивная энергия. Вы, ребята, одна из главнейших причин того, что я могу зарабатывать этим на жизнь, поэтому спасибо.

Вся команда в Dystel & Gedirich Literary Management. Спасибо вам за постоянную поддержку и ободрение.

Всем сотрудникам Atria Books. Спасибо вам за то, что вы сделали дни выпуска книги памятными и одними из лучших дней в моей жизни.

Джоанна Кастильо, мой редактор. Спасибо за поддержку этой книги. Спасибо за то, что помогали мне. Спасибо за то, что больше всех поддерживаете работу моей мечты.

Эллен Дедженерес, одна из всего лишь четырех людей, с которыми я надеюсь никогда не встретиться. Вы свет в темноте. Лили и Атлас благодарны за ваш свет.

Мои бета-ридеры и те, кто с самого начала поддерживал каждую мою книгу. Обратная связь, ваша поддержка и постоянная дружба – это больше того, что я заслуживаю. Я люблю вас всех.

Моя племянница. До нашей встречи с тобой остается совсем мало времени, и я никогда еще не испытывала такого возбуждения. Я

собираюсь стать твоей любимой тетей.

Линди. Спасибо за жизненные уроки и примеры того, каким должен быть самоотверженный человек. И спасибо тебе за одну из самых глубоких цитат, которая останется со мной навсегда. *«Плохих людей не существует. Мы все просто люди, которые иногда поступают плохо»*. Я благодарна тому, что ты мать моей маленькой сестры.

Вэнс. Спасибо, что ты стал тем мужем, которого заслуживала моя мать, и отцом, которым ты не обязан был быть.

Мой муж Хит. Ты хороший до глубины души. Я не могла бы выбрать лучшего человека в качестве отца для моих детей и того, с кем проведу остаток своей жизни. Нам всем очень повезло, что ты у нас есть.

Моя мать. Ты все для всех. Это может иногда стать обузой, но ты почему-то воспринимаешь обузу как благословение. Вся наша семья благодарит тебя.

И последний, но тем не менее важный персонаж – мой ужасный отец Эдди. Тебя нет на этом свете, чтобы увидеть эту книгу изданной, но я знаю, что ты поддержал бы ее как никто другой. Ты многому научил меня в жизни, в частности тому, что мы не обязаны заканчивать жизнь такими же, какими мы были когда-то. И это было самым важным. Я обещаю не помнить тебя таким, каким ты был в твои худшие дни. Я буду помнить тебя в лучшие дни, и их было много. Я буду помнить тебя как человека, который смог преодолеть то, с чем многие не справились. Спасибо тебе за то, что ты стал одним из самых близких моих друзей. И спасибо тебе за то, что ты поддержал меня в день моей свадьбы так, как не сделали бы этого многие другие отцы. Я люблю тебя. Мне тебя не хватает.

notes

Примечания

1

В переводе с английского «лилия».

2

В переводе с английского «цветок» или «цветение».

3

В переводе с английского «цветок» или «цветение».

4

Актер, сценарист, продюсер. Наиболее известен по роли Сета Коэна в сериале «Одинокие сердца».

5

Шотландский певец, автор песен и музыкант.

6

Гордон Рамзи – всемирно известный британский шеф-повар, открывший множество успешных ресторанов по всему миру.

7

Вольфганг Пак – знаменитый австрийский шеф-повар, ресторатор и бизнесмен. Иногда снимается в кино и на телевидении.